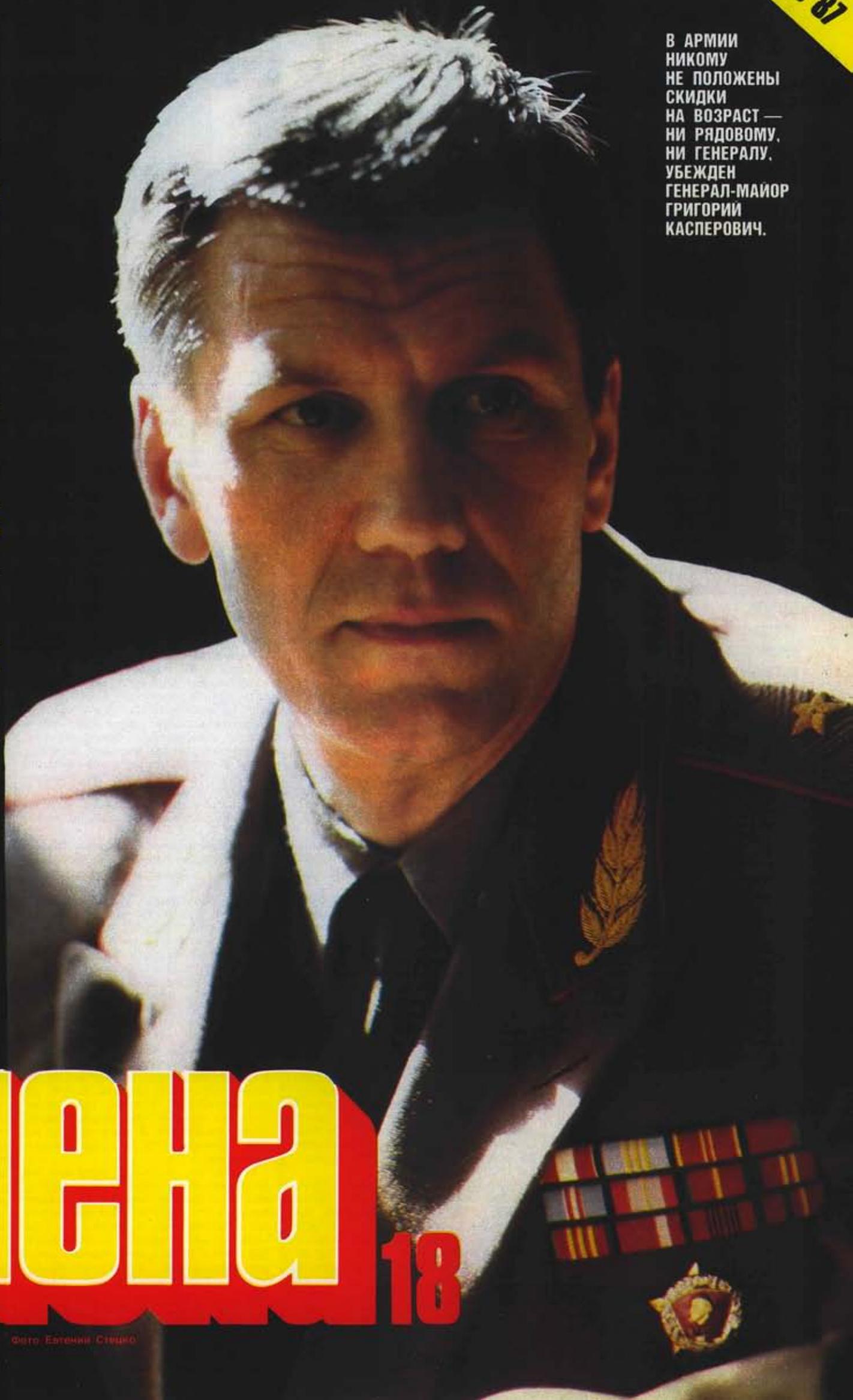

СЕНТЯБРЬ '87

Твои заботы,
комсомол.
Право на поиск
Кооперативы
наших дней.
Уроки и опыт
Виктор Розов.
Верю в молодых!
Отечество.
Музейный
ренессанс
В это нельзя
проверить.
Письмо читателя
Юрий Нагибин.
Скульптор
Голубкина
Интимная жизнь
молодежи
Рок-группа
«Аквариум»
Сергей Устинов.
Приключенческая
повесть

В АРМИИ
НИКОМУ
НЕ ПОЛОЖЕНЫ
СКИДКИ
НА ВОЗРАСТ —
НИ РЯДОВОМУ,
НИ ГЕНЕРАЛУ,
УБЕЖДЕН
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ГРИГОРИЙ
КАСПЕРОВИЧ.

ISSN 0131—6656

Смена

18

Фото Евгения Степко

В комсомольских организациях страны идут отчеты и выборы. На XX съезде ВЛКСМ подчеркивалось: «Право комсомольцев — выбирать своих вожаков, обязанность комитетов — научить их работать».

Демократия. Демократизация. Сегодня для молодежи это не просто слова, часто повторяемые с разных трибун. Для нас они синоним перемен, в чем-то уже реальных, в чем-то ожидаемых, синоним обновления, надежд и социального оптимизма. Комсомол на своем форуме высказался за демократизацию внутрисоюзной жизни как главного рычага перестройки. Создана основа для преобразований в рядах ВЛКСМ —

это расширение самостоятельности первичных организаций; выборность не на словах, а на деле; опора на интересы и мнения рядовых комсомольцев. Все это отражено в новом Уставе ВЛКСМ.

Нынешние отчеты и выборы должны показать, как комсомольские организации умеют пользоваться предоставленными им правами, насколько решительно они будут отстаивать свою позицию, свою точку зрения.

Комсомольское собрание должно стать постоянной трибуной для разговора о том, что волнует молодежь, что ее тревожит в работе и повседневной жизни. Как решают комсомольцы проблемы, стоящие перед коллективами их предприятий, учебных заведений? Как поднять авторитет комитета ВЛКСМ в глазах молодежи и администрации?

Слово — комсомольским работникам и активистам, делегатам XX съезда комсомола.

НЕ ПОДАВС

Борис СВАИН,

первый секретарь
Костромского горкома
ВЛКСМ

КОГДА УЗНАЕШЬ ЦЕЛЬ

Я почему-то не доверяю тем комсомольским работникам и активистам, которые рассуждают так: дескать, все, что было раньше, — плохо, комитеты «забюрократились», потеряли связь с молодежью, собрания часто проводили «для галочки»... Не все еще понимают, что работа по перестройке в комсомоле должна основываться на реальном анализе прошлого опыта: надо взять из него на вооружение все лучшее и критически осмыслить прежние просчеты и ошибки. Это как раз мы и постараемся сделать во время нынешней отчетно-выборной кампании в комсомоле.

Каким же конкретным вопросам мы сейчас уделяем основное внимание? Это прежде всего шефство комсомольцев над теми участками производства, где внедряется высокопроизводительное оборудование — роботизированные комплексы и станки с программным управлением. Не секрет, что на многих предприятиях новая техника работает со сбоями, коэффициент использования оборудования очень низкий. Поэтому, посвящавшиеся с активистами- заводчанами, мы решили наладить комсомольский контроль за работой новой техники. Например, на заводе деревообрабатывающих станков комитет ВЛКСМ предложил администрации в состав бригады включить наладчика и программиста, чтобы их работа также зависела от конечных результатов работы всего коллектива. И дело пошло — простое и поломок стало меньше. Сейчас комсомольский контроль начинает действовать и на других костромских заводах и фабриках.

В нашем городе много проблем с досугом молодежи. Они широко обсуждались в областной комсомольской газете. Вместе с редакцией пришли к выводу, что в городе необходимо создать рок-клуб, объединяющий любителей музыки. Много было споров. Провели организационное собрание, утвердили устав и на бюро, и в отделе культуры, создали совет клуба, теперь существуют три секции. Создаем уже второе хорватское объединение при видеоклубе. Помещение получили, это бывшее кафе «Веснянка» в центре города. Мы ввели в штат видеоклуба режиссеров, окончивших ВГИК.

Наконец-то принято решение горисполкома о создании в нашем городе МЖК. Горком ВЛКСМ усилил многих комсомольских организаций, заинтересованных в строительстве комплекса. Например, остро встал вопрос о том, что исчерпаны все лимиты на проектирование. Не откладывать же решение организационных вопросов еще на год! Мы договорились, что первые чертежи сделают комсомольцы института «Костромагражданпроект» в свободное от работы время.

Андрей ДОРОХОВ,

токарь Псковского завода
зубчатых колес,
член бюро горкома ВЛКСМ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Почему Гомельский завод станочных узлов возвращает нам часть нашей продукции? У них там госприемка, а у нас еще нет. Вот, говорят, когда и у нас введут, — станет все иначе. Будто проблема качества решится сама собой. А нам пока что делать? Гнать на изношенном оборудовании брак? Думаю, выход один: покуда не заменят станочный парк, работать надо чуть помедленнее, тогда и возвратов не будет. Но администрация наша считает иначе: чем больше — тем лучше, любой ценой. А ведь «давай-давай» — это еще не ускорение. И быстрей — в итоге вовсе не означает больше. Поднимал я вопрос на бригадном собрании, но поддержки у большинства так и не встретил. Конечно, премий тогда не жди... Что же остается? Не обращать внимания на коэффициент трудового участия и давать нужное качество? А как посмотрят на низкие заработки в семье?

Нелегкое сейчас время. Идет ломка старых представлений. Ломка эта и по коллективу завода проходит. Конечно, всем хочется, чтобы новое входило в жизнь безболезненно, но действительность в обратном убеждает.

Два года назад у нас началось соревнование за право стать бойцом стройотряда городского МЖК. А сегодня как? Соревнование выдохлось, многие не выдержали марафона — надеялись на спринт. Обидно, ведь пройдена самая трудная часть пути — получено «добрь» и в горкоме партии, и в горисполкоме... Кстати, там же предложили: «А чего тянуть лишний год, почему бы не начать стройку уже в восемьдесят восьмом?» То-то радости было, помню! Порадовались, а после за голову схватились: где же достать лимиты на строительные работы? Чтобы начать первую очередь комплекса, нужно срочно выбить этих несчастных лимитов хотя бы на 500 тысяч рублей. А с заявками на них все предприятия-дольщики уже опоздали. Ходили и мы к своему директору, просили как-то по-содействовать. Он бы и не против, да где взять? Вот, говорит, если министерство выделит нам дополнительно, тогда пожалуйста. В министерстве же ясно ответили: «На 88-й год даже не надейтесь...»

Можно бы, конечно, сослаться на объективные причины, сказать: видите, мол, не от нас сие зависит. Да, но кому говорить-то? Ребятам, что годами живут в общежитиях, и семейные в том числе? Короче, решили мы строить жилой дом для молодежи завода методом кооператива. Уже разрешения добились. Инициативная группа пока собирает исходные данные: подыскивает место для дома, составили обоснование, смету... Зато появилась реальная надежда, что в будущем году начнем уже строить.

Евгений ДИНОВ,

водитель Московского
автотранспортного
предприятия

КАК РАБОТАТЬ БЕЗ ПОДСКАЗКИ?

Все мы надеялись, что комсомольский съезд станет поворотным моментом в жизни молодежи. Со дня его окончания прошло несколько месяцев. Действует новый Устав ВЛКСМ. А где перемены? Их пока что-то не видно. Например, у нас в комсомольской организации автопредприятия все идет по старому: с комитетом администрация не советуется, с секретарем никто не считается. Недавно в профкоме распределены жилье. И что вы думаете? Комсогр был в отпуске, а меня, его заместителя, на заседание даже не пригласили. Я о нем узнал только через день. Вот у нас какое отношение к комсомолу. Так сказать, в «старых традициях».

Знаете, в чем беда? Мы, комитетчики, еще не представляем, как надо сейчас работать и что делать. Устав ВЛКСМ и Резолюция съезда касаются вещей глобальных, в масштабе всего Союза, а для первичных организаций до сих пор нет четких рекомендаций: как и с чего начинать перестройку? Как изменить суть отношений в комсомоле и заставить работать механизм демократии, заложенный в Уставе? Говорят: надо не ждать подсказки, проявлять свою инициативу, действовать. Пробуем, но пока ощущимы результатов нет. Финансами нам пока не дают самостоятельно распоряжаться. В райкоме ответили, что «надо ждать указаний». До каких же пор? Ребята из нашего ВИА интересуются: «Когда комитет выделит деньги на новые инструменты?» Нужна финансовая основа и для создания клуба по интересам, и для помощи школе-интернату, над которой мы шефствуем...

Я вот думаю: а может быть, мы просто еще не привыкли работать без подсказки «сверху»? Может быть, нас отучили самостоятельно думать и принимать решения? Наверное, это не только наша беда. Наивно считать, что сразу после съезда все изменится и комсомольские организации начнут работать на уровне требований сегодняшнего дня. Еще по-прежнему действует стереотип неверия в коренные перемены, которые должны произойти в комсомоле — перемены не только в ЦК и обкомах, но и в первичных организа-

циях. Рядовых комсомольцев в этом очень долго убеждала жизнь: дескать, меняются руководители и секретари, а мы остаемся наедине со своими заботами и проблемами.

Комитетчики волнуются: сумеем ли сделять отчеты и выборы поворотным событием в жизни нашей комсомольской организации? Хватит ли нам смелости постоять за свои права? О результатах я обязательно сообщу в «Смену». Если, конечно, они нас самих не разочаруют.

ДАЯ ЧЕРТУ

Маргарита КАЛИНИНА,

маляр Обнинского управления
строительства
Калужской области

МЕНЯ ИЗБРАЛИ «ПО РАЗНАРЯДКЕ»

Признаюсь, что я сама удивилась, когда меня избрали делегатом комсомольского съезда.

Обнинск — город науки, поэтому было бы вполне закономерно, если бы нашу организацию на форуме представлял молодой ученый. Говорят, что сначала и выдвинули сотрудника НИИ, но он оказался старше 25 лет. Поэтому предложили для «повышения престижа рабочих строительных профессий» мою кандидатуру. Тем более, у нас самая многочисленная комсомольская организация в городе...

А ведь в нашем городе есть куда более смелье и авторитетные комсомольские активисты. Например, Андрей Шухардин — один из инициаторов строительства МЖК, Виталий Дорягин — председатель молодежного клуба «Старый город», Виктор Титов и Игорь Карклиныш, секретарь комитета комсомола одного из институтов Илья Иншаков... Можно назвать еще десяток имен.

Я думаю, что если бы на городской комсомольской конференции ребята сами, без «разнарядки» выбирали делегата на съезд, то вместо меня поехал бы в Москву наверняка другой, более достойный комсомолец, который принес бы реальную пользу своей организации.

Скажу откровенно, я очень люблю свою работу, стараюсь работать на совесть, а вот в комсомольских делах я еще себя никак не показала. Да, после съезда я несколько раз выступала в различных комсомольских организациях. Меня избрали членом горкома ВЛКСМ, включили в состав комиссии по профтехобразованию. Этую работу я себе плохо представляю. Наверное, попозже нам объяснят. Да и времени, честно сказать, у меня маловато — трудиться приходится на отдаленных объектах. В шесть утра — подъем, возвращение домой — в восемь вечера... К тому же надо и о личной жизни подумать, верно?

Обидно чувствовать, что я пока не оправдываю надежд обнинских комсомольцев, которые избрали меня на съезд пусть даже и «по разнарядке». Я, конечно, буду стараться, но другой бы человек на моем месте сделал для них больше, я уверена.

Но разве это моя вина? Может быть, прежде всего виноваты те комсомольские руководители, которые в период демократизации и гласности продолжают подбирать активистов по анкетам, а не по их личным качествам?

**Елена
ГОВОРОВА,**

делегат
XX съезда ВЛКСМ,
член бюро
Крымского обкома
комсомола Украины:

«Первые после XX съезда ВЛКСМ отчеты и выборы должны показать, насколько сегодня мы готовы брать ответственность на себя, как будут подтверждаться наши слова, сказанные на съезде, конкретными делами».

Фото
Владимира
Чайшивили

Валерий ГУРИНОВИЧ

— Ты был у Федорова на Кропотинской?
— А ты?
— Три часа выстоял...
— Я на неделю вперед записывался...
— Ну, и как?
— Шуму больше, чем толку.
(Из разговора, услышанного в метро.)

Нет, не о модной премьере шла речь. Не о сноубибательной выставке. О кафе. Но особом — кооперативном. Индивидуальная трудовая деятельность, кооперативы. Сегодня эти новации экономической жизни вызывают жгучие споры, сшибки мнений — почисле, чем о премьерах и выставках. Непривычно, незнакомо, а для некоторых и неудобно. В чем же здесь дело? Постараемся разобраться...

Летом прошлого года в Курске появились такие вот объявления: «Правление кооператива приглашает пенсионеров, студентов, а также всех желающих работать по совместительству и владеющим профессиями: каменщика, маляра, плотника, штукатура, швеи, электрика, сапожника, парикмахера, вязальщицы, а также специалистов по ремонту легковых автомобилей, бытовой техники, репетиторов, нянь, машинисток...»

— Игорь, сходи, узнай, — сказала Лена. — Может, стоящее дело. Нам ведь строиться надо. А тут — приработок...

На следующий день Игорь наведался в правление кооператива. Стандартная трехкомнатная квартира в новом доме. Потолки в подтеках, обои цвета «туман над болотом» наклеены поспешно, вкось, двери — «самооткрывающиеся».

— Бедновато живете, — усмехнулся Игорь.

— Поможешь — будем богаче... Да в знакомиться. Велиховатский Геннадий Петрович, председатель кооператива.

— Фатеев Игорь, штукатур-маляр пятого разряда. — И, ответив на рукопожатие, спросил: — Примите?

Куряне были «первопроходцами». Даже сегодня, когда личная инициатива практических умельцев мощно подкреплена Законом об индивидуальной трудовой деятельности, когда только в Российской Федерации к концу года будет зарегистрировано, вероятно, около 3000 кооперативов, то есть движение ширится, наращивая и экономические, и социальные «мускулы», у новой формы хозяйствования хватает противников. Ну, а в ту пору, более года назад?.. Можно представить себе, сколько проблем встало перед организаторами первого кооператива. «В порядке эксперимента» — формулировка достаточно удобная и для поддержки, и для торможения его.

Из разговора с заместителем председателя облисполкома Владимиром Михайловичем Жильцовским:

— Мы не сомневались: кооператив — дело стоящее. Привлечение дополнительных трудовых ресурсов — раз; эффективное использование производственных отходов, всевозможных «неликвидов», вторсырья — два; реальная возможность пополнить семейный бюджет — три. И есть еще четвертый момент, который не подсчитать в рублях, процентах, но он важен — увлечение тем или иным рукомеслом стало работать на общество. В кооперативе электрик становится чеканщиком, диспетчер автомохозяйства — фотографом, бухгалтер — мастером по обивке мебели. Конечно, в свободное от основной работы время. Чем заняться кооперативу — тут спора не было. Бытовым обслуживанием! Это — самое узкое место в «малой» экономике области.

Тяжкоказалось перебороть психологическое предубеждение многих руководителей: а все ли тут чисто? Дохо-

дило до курьеза — ссуду кооператорам банк выдавал лишь под личную ответственность председателя облисполкома или мою!

Бытовое обслуживание критикуют давно и рьяно, но... безрезультатно. Экономисты подсчитали: для того чтобы поднять качество и ассортимент бытовых услуг на научно обоснованный уровень, необходимо уже сегодня дополнительно привлечь еще несколько миллионов работников. Такой возможности в народном хозяйстве просто нет в силу демографической ситуации. Но ведь есть реальные потребности людей и довольно высокий платежеспособный спрос на услуги. Как же затыкаются дыры? В целом по стране в прошлом году оказано бытовых услуг примерно на

Сделать свадебный обряд красивым поможет ленинградский кооператив «Букет», специализирующийся на создании цветочных композиций для новобрачных. Цена букета — от десяти до восемнадцати рублей.

КООПЕРАТИВЫ

11 миллиардов рублей.

Это госсектор. А стоимость негласных услуг, своего рода второго сервиса, только в России, по данным Министерства юстиции РСФСР, достигла 10—12 миллиардов рублей. Оказывают их «леваки» — те самые, без которых мы в нашей житейской повседневности, увы, обойтись пока не можем. Застеклить лоджию, сшить модное платье, обустроить садовый участок, подновить старую мебель, сделать форточку в цельной фрамуге — мало ли зачем обращаемся мы к умелцу со стороны, разыскивая его через знакомых, переплачивая впятеро против государственной цены да еще благодаря.

За примером, что называется, далеко ходить не буду. Машинка, на которой печатаю эти заметки, за два месяца трижды побывала в мастерской. Каждый раз меня заверяли: ну, уж теперь — полный ажур! На четвертый раз плюнула, разыскала грамотного механизма — тот починил на совесть. Сколько

В Курске первые кооперативы появились более года назад. Успешно развиваются они в системе сервиса. Парикмахер Наталья Улаева — член такого объединения. До конца года в городе откроется еще четырнадцать кооперативов бытового обслуживания.

«КабСИ» — название условное, сокращение слов «кабель» и «средства измерения». Именно эту продукцию получают в созданном при Кузбассглавснабе кооперативе по заготовке и переработке вторичного сырья. Большинство членов «КабСИ» — студенты кемеровских вузов.

ОДЫРЫ

Водосточные трубы, отделочные плиты — продукция кооператива в подмосковном селе Талицы. А в планах — выращивание шампиньонов, оказание услуг садово-водам-любителям. Среди первых членов кооператива братья Андрей и Игорь Швайковские.

Фото
Василия Кафо,
Альберта Лехмуса,
Евгения Стецко

АНАЛИЗ НАВРЕШИХ ПРОБЛЕМ

взял? Об этом лучше не вспоминать...

Да, мы платим «левакам» не за хорошие манеры, а за работу. Но, во-первых, сколько? А во-вторых, зададим себе наивный вопрос: а откуда, собственно, берут умельцы остродефицитные материалы, инструмент, когда в «Хозтоварах» их не ссыкат, хоть дежурь там круглосуточно? И откуда у этих улыбчивых ребят столько свободного времени, что в считанные дни они обслуживаются сантехниками новостройку? Отгулы, бюллетени, покладистое начальство? Да полно, у нас же с вами в конце концов воруют они и деньги, и материалы, и рабочее время. «Леваки» никак не участвуют своими доходами в общегосударственных расходах, хотя безвозмездно зачастую используют казенные материалы, инструмент,

действеннейших путей перестройки, обновления нашей экономики.

Первая услуга, которую оказал курский кооператив, — обивка дверей — была оценена по обоюдному договору в 11 рублей 40 копеек. (В скобках отмечено: за такую же работу «левак» берет 25 рублей.) Из этой суммы 70 процентов получил исполнитель, 30 — пошло кооперативу.

— Начинали, можно сказать, с нуля, — вспоминает заместитель председателя кооператива Михаил Федорович Очкасов. — Сверла для дрели — проблема, гвозди, кисти для покраски — тоже... Все магазины обыскали — пусто. Тут, конечно, без помощи бытуправления мы не обошлись. Желание и умение линолеума не заменят... Но вот есть материалы, есть кое-какой инструмент, а дальше что? Где заказчики, где мастера? Дали через газету рекламу, развесили по городу объявление, по радио сообщили, что так, мол, и так, — открыт кооператив. Но мы понимали, лучшая реклама — работа. Оттого с таким нетерпением и, честно говоря, боязью ждали первого заказа — будто артисты премьеры...

Уже на следующий день поступило двенадцать заказов, через неделю — более тридцати. Стали срочно подыскивать мастеров, тех, кто в свободное время хочет подработать. В желающих недостатка не было.

Среди тех, кто сейчас работает в кооперативе, — инженер-механик, преподаватель вуза, студент, школьный учитель, секретарь-машинистка, художник, рабочий-строитель, шофер, лаборант, инженер-конструктор, швея, домохозяйка, пенсионер...

Так что же, наращивает обороты машины индивидуальной трудовой деятельности, радужные перспективы видятся кооператорам?

— Вышла я и расплакалась. Прохожие спрашивали: что с вами, чем помочь? А я стою, ничего ответить не могу, только бумаги в руках тереблю. Думаю, порву договор, к чему такая нервотрепка?

Разговариваю с Яншиной, председателем первого в Курске кооперативного кафе для детей «Буратино». И сейчас, вспоминая свой визит к управляющему отделением Госбанка Т. П. Пеньковой, Нина Сергеевна заметно волнуется:

— Она на меня как на мошенницу смотрела. Дескать, пришла жирный кусок оторвать...

Речь шла о суде. Для ремонта помещения под будущее кафе, закупки и установки оборудования требовалось около двадцати тысяч рублей. Деньги эти вместе с процентами Яншина намеревалась вернуть государству в течение года. Все было скрупулезно обсчитано должным образом. Циркулярное письмо Министерства финансов СССР от 2 февраля 1987 года разрешает подобные займы. Необходимые документы оформлены и заверены. Но перестраховка в сочетании с чиновничим самодурством посыпалась «казенными» бумагами.

Мы не ратуем за наивную доверчивость, разбазаривание государственных средств. Но если человек предлагает убыточное предприятие, что в течение многих лет держалось «на плаву» лишь благодаря дотациям, превратить в прибыльное, если в конце концов о необходимости развивать кооперативную, индивидуальную трудовую деятельность открыто говорится с самыми высоких трибун, как же можно так упорно препятствовать начинанию?

Оказывается, можно. Ссылаясь при этом на «государственные интересы».

Да, уже видно теперь — есть такие, что гребут под себя, но ведь немало и других, — взваливая на себя, кроме дополнительной работы, и дополнительную нервотрепку, они нам, государству, помогают.

Но вот на заседании Президиума Совета Министров РСФСР, где шел серьезный разговор о проблемах и широком распространении новшества, уже и председатель Роспотребсоюза В. Ф. Ермаков засомневался: не слишком ли много получают кооператоры? Это же надо — по 400—500 рублей! Вот если бы по 300 — другое дело... И вроде невдомек уважаемому председателю, что эти пятьсот рублей — заработаны. Просто «за присутствие» в кооперативе денег не получишь.

Министра торговли РСФСР В. П. Шиманского беспокоит иное: не побегут ли люди в погоне за длинным рублем с основной работы в кооперативы?

Давайте разберемся.

Из разговора с Т. Е. Кузнецовой:

— Индивидуальная трудовая деятельность ни в чем не противоречит нашим устремлениям. Она ни в коей мере не выпадает из общей системы хозяйства. И совершенно необоснованны опасения — а они, не будем скрывать, бывают сейчас, — что, мол, всяческие кооперативы могут потеснить госсектор, что произойдет перекачка людей с основного производства в частное предпринимательство. Вот цифры: если мы обозначим все формы рабочей занятости тружеников страны ста процентами, то увидим, что на долю государственных форм занятости общественно полезным трудом приходится около 83 процентов, кооперативных (потребкоопсы, колхозы, различные артели) — 11,3 процента, а на долю индивидуальных — чуть больше одного процента. Впору опасаться иного: как бы чересчур ретивые блюстители «государственных интересов» не свели этот процент к нулю... И потом в Законе (статья 3) прямо сказано, что индивидуальной трудовой деятельностью могут заниматься граждане, участвующие в общественном производстве, лишь в свободное от основной работы время. Что тут неясного?

Из разговора с В. М. Жильцовым:

— Мы сразу поставили дело так: работа в кооперативе по совместительству. После смены, в выходные дни, во время отпуска... У нас сегодня действуют четыре кооператива по бытовым услугам, два общепитовых. Есть кооператоры в системе местной промышленности. До конца года откроем еще четыре кафе, четырнадцать кооперативов сервиса... Сверхзарплатки? Досужий домысел, слухи. Пока что приработок в кооперативе в среднем 150—160 рублей. Цены на кооперативные услуги договорные. Но ненамного выше, чем государственные. И учите, оказываются эти услуги быстро, качественно, в удобное для заказчика время... Так что кооператоры подтягивают работу бытовиков, общепитовцев: деловая хватка, предпринимчивость, умение быстро реагировать на рыночную конъюнктуру — разве не на это нацеливаем мы наше производство, экономику? Я бы сказал, что кооперативы в какой-то мере — школа передовых методов хозяйствования, когда важны не «вал», не «объем», а конечный результат труда — реализация, прибыль.

Школа хозяйствования... Еще один интересный поворот темы. В самом деле, споря о частностях, не упускаем ли мы главное? Люди хотят работать в полную силу и получать за свою работу полной мерой, а от работы — удовольствие. Хорошо ли это? Кому бы я ни задавал этот вопрос, никто не ответил: нет, плохо. Все — за.

Число кооперативов сегодня растет, как грибы после дождя. Так же стремительно и так же вроде бы непредсказуемо — не угадаешь, где оно, грибное место. Но ведь известно: если для того, чтобы побыстрей набить корзину, вы станете вырывать бородики с корнями, вряд ли в следующем году найдете их на той же поляне. Рачительный хозяин, аккуратно срезая гриб, будет и с урожаем и видами на него в будущем.

Если продолжить «экологическое сравнение», перекинув мостик к теме разговора, станет понятным, почему

сегодня в Прибалтике, в некоторых регионах Украины и Белоруссии кооператорское движение, индивидуальная трудовая деятельность развиваются особо бурно. Тут, так сказать, и корзины полны, и «грибницы» целы. Давайте вспомним: эксперимент с использованием личных машин в качестве такси начался не в Риге, не в Клайпеде, не в Шауляе и даже не в Ленинграде (хотя там-то он позже приобрел размах), а в Грозном и Хабаровске. Где они, эти первые экспериментаторы? Вырваны с корнями.

Где великолепные кустари Беломорья, Урала, костромские умельцы, северные резчики по кости?.. Список можно продолжить, да к чему — и так знаем: крохи остались. А ведь были артели — по-нынешнему кооперативы, — были умельцы, и в немалом числе, чья чудная продукция не только наш внутренний рынок заполняла — на экспорт, что называется, косяком шла.

Теперь вот спешно возрождаем кооперативы кустарей, но ох, как это трудно, когда «грибница» порушена, а радищелей новой — не густо. Но, видно, неистребим дух народной предпринимчивости. И вот уже в шахтерском Кузбассе при местном управлении Госснаба группа энтузиастов буквально из отходов, из вторсырья делает отличные, нужные вещи, которые у населения пользуются большим спросом. В киевском кооперативе «Лира» Анатолий Заярзкий, Петр Тютюнник и Ольга Шамрай изготавливают старинные народные инструменты, а педагог-музыкант Ванда Затульская обучает игре на них...

Лишь чуть приоткрылась дверь для личной инициативы, как появилось множество идей, предложений об использовании индивидуальной трудовой деятельности (ИТД) действительно для общего блага. Да, пока первенствуют кооперативы общественного питания, бытобслуживания, но уже много рождается их и в других сферах.

В Одессе действует кооперативный детсад, в Москве открыт магазин «Цветы России» — кооператоры закупают цветы у населения и продают их с небольшой наценкой; открыты десятки кооперативов в системе Министерства РСФСР — шьют одежду, обувь изготавливают, гончарную и керамическую посуду, сувениры; только в России организовано более тридцати торгово-заготовительных кооперативов, около семидесяти занимаются откормом скота, рыбной ловлей...

Такая деталь: сколько было нареканий в адрес коммунальщиков, стеснительно отвернувшихся от наших самых прямых нужд! Во многих городах приезжий мог полдня бегать в поисках укромных строений с литерами «М» и «Ж». Об этом чуть ли не газетные дискуссии велись. Не дискутировать надо было, а действовать. Как в Ленинграде. Там кооператоры открыли общественный туалет...

Итак, далеко за тысячу перевалило число кооперативов. А как же их качество?

В городе Химки Московской области наш фотокорреспондент попытался попасть в кооперативное кафе за 20 минут до его официального перерыва на обед. Опоздал. Кафе уже было закрыто, табличка вывешена — в общем, все как в нормальном общепите. А когда его все же впустили, то он убедился, что и внутреннее убранство этого кооперативного «рая», и манера обслуживания вполне как в заурядной столовке.

Можно только руками развести! Но не торопитесь удивляться. Ведь все нынешние кооператоры, подвизающиеся в сервисе, еще недавно работали на предприятиях госсектора. Их там годами «стимулировали» именно к такой работе — абы да кабы, деньги все равно получишь. Как же тут враз перестройтесь?

Кооперативы могут стать не только подспорьем госсектору, но и подтянуть качество его работы лишь при одном условии — они должны работать больше и лучше. Кажется, тут нечего доказывать. Но уже сейчас, в начале пути,

мы видим, что к перспективному делу пристраиваются и люди не просто предпринимчивые, а с замашками барыг, да и попросту неумех, лентяев хватает.

Как же быть? Закрывать подобные кафе, отказываться от услуг кооператоров? Значит, правы те, кто выступает против новой формы труда? Ни в коем случае!

По мнению одного из ведущих экономистов страны, академика Т. И. Заславской, не прикрывая, а повсеместно расширять следует индивидуальную трудовую деятельность и кооперативное движение, создавая конкуренцию внутри этой формы труда. Тогда-то кооперативы очистятся от людей случайных, неумелых.

Но делать это надо без спешки.

К сожалению, кооперативная, индивидуальная трудовая деятельность пока мало изучена. Мы начали практически с нуля. Не было никаких научно обоснованных рекомендаций, четкого организационного порядка. К экспериментам, что развернулись до вступления в силу Закона об индивидуальной трудовой деятельности, на местах относились по-разному. Большой частью как к очередному «поветрию», в меньшей — как к нужному, общественно необходимому делу. И даже тот опыт, что был накоплен в ходе эксперимента (взять хотя бы Курск, Ленинград, Прибалтику), не был как следует обобщен и проанализирован.

Чем же еще, как не спешкой, не хаотичностью в принятии решений, можно объяснить расхождение в толковании не то что инструкций и положений всякого рода, но даже двух законов. Я имею в виду Закон об индивидуальной трудовой деятельности и принятый ранее Закон о нетрудовых доходах. Ведь на местах не так уж редко отказывают в помощи кооператорам, мурлыкат новшество, не дают возможности развернуться инициативе, ссылаясь именно на Закон о нетрудовых доходах: дескать, «они», то бишь кооператоры, будут наживаться, а «нам», понимай чиновникам, отвечать придется. (Ох, уж это деление на «мы» и «они»! Сколько убытка и экономического, и нравственного приноса. Может, хватит?..) О двусмысленностях в толковании двух законов говорят и ученые-юристы.

Но вот в чем, думается, главная опасность: новое дело внедряется старыми способами, бюрократизм, перестраховка — весь букет налицо. От кого зависят сегодня кооперативы, кому подчиняются?

В идеале как? Есть правление, есть председатель. Контролируют работу кооператива местные Советы и финорганы. Простая цепочка взаимоотношений.

Так нет, вроде бы для оказания помощи вклинились сюда различные управления, ведомства, начиная проявлять сугубо местнический, ведомственный интерес к своим новым коллегам. А между тем в статье 1 нового закона индивидуальная трудовая деятельность рассматривается как не связанная трудовыми отношениями с любыми другими организациями. Уверен, стоит преnehmen этим положением — и личная инициатива окажется в зависимости от ведомственных путей.

Нелишне было бы подумать и об охране экономических интересов людей, взявшись на себя дополнительный груз. Выдав разрешение на организацию кооператива, государство тем самым не только получает право на часть доходов, но и обязуется охранять его интересы, ограждать от посягательств на заработок, клиентуру, рынки сбыта. Вот эти функции налогообложения у нас как-то упускаются из виду...

Стоит проблема и сырьевых ресурсов. На том же заседании Президиума Совета Министров РСФСР, о котором мы уже упоминали, это был один из самых острых вопросов. С цифрами в руках ответственные работники министерств, Госплана, Госснаба доказывали: с сырьевыми ресурсами сложно, пусть, мол, кооператоры создают свою сырьевую базу. К примеру, заместитель

председателя Госплана РСФСР А. А. Котова считает, что саратовские умельцы-скорняки вполне могут обойтись овчиной четвертого сорта (что это за овчина, даже и под третий сорт не подходит?). Спорить не будем, хотя и трудно себе представить дубленку из такого вот четвертосортного сырья...

Так есть ли выход? Есть, утверждает доктор экономических наук А. А. Сергеев. Дело в том, что, по расчетам ученых, в госсекторе приписки в год составляют от 5 до 25 процентов, в том числе сумма оплаты за непроизведенную работу по сырьевым отраслям — около шестисот миллионов рублей. Овечки и в природе нет, а шкура ее, судя по отчетности, уже к скорнякам ушла. Разбазариваем средства, сырье, оттого и нехватки. А вообще надо ли противопоставлять государственный сектор кооперативному? Беды-то у нас одни.

Скажем прямо: сегодня кооперативная деятельность при всем ее кажущемся размахе и благополучии (ну кто будет считать мелочи!) внушиает серьезное беспокойство. Почему?

Издан закон. Есть регламентирующие положения, примерный Устав, требовательные указания о всенародной поддержке начинания. Пуще говоря, подписаны бумаги.

Ну, а дальше? По накатанным рельсам?

Не так давно в Институте экономики АН СССР проводился «круглый стол» по самым жгучим проблемам индивидуальной трудовой деятельности. Здесь собрались хозяйственники с мест, ученые, председатели некоторых наиболее «именитых» кооперативов — на первый взгляд привычное заседание.

Так отчего же проигнорировали его приглашенные представители Госкомтруда СССР, Минфина, ВЦСПС? Догадывались, что привычными, догматическими фразами здесь не обойтись?

— Вопросы поднимались острые, — рассказывает Т. Е. Кузнецова. — Никакой общей фразеологии...

А ответы? Их почти не было. Прежние заверения в помощи и ссылки на обстоятельства, на сложности перестройки. Да и ученые в общем-то помогают кооператорам в чем-то конкретном не смогли. И не потому, что не от них, мол, сие зависит. Попросту тоже не были готовы к такому наступательному характеру «круглого стола». С острыми углами он оказался.

Кооперативное движение обещает стать массовым. Это трудовое, рабочее движение. Есть люди, для которых работа в кооперативе основная. И понятна их озабоченность трудовым стажем, постановкой на партийный, профсоюзный, комсомольский учет. Парикмахер курского кооператива Наташа Улаева обратилась в райком комсомола, чтобы встать на учет. В райкоме ей сказали: не знаем, как с тобой быть, никаких инструкций не поступало...

Который уже год ведется общественная дискуссия о возможности зарабатывать старшеклассникам, учащимся ПТУ. Вот реальный выход из проблемы — в свободное время в кооперативе заработать на карманные расходы. Умелые молодые руки здесь очень нужны. Из двухсот человек, занятых на различных работах в кооперативах Курска, более ста — люди до тридцати лет.

Крайне необходим всесоюзный научно-методический центр ИТД, хозяйствственно-организационный комитет по вопросам индивидуальной трудовой деятельности, правовой совет... Не распылять силы, а именно сейчас, в сложнейший период становления, собирать их в кулак. Народ давно заметил: врастопырь бывешь — силы зря изводишь.

А у нас, увы, пока что в этом деле выходит «врастопырь».

...Игоря Фатеева встретил в последний день командировки. У него приятная новость:

— Вступил в жилищный кооператив. Три комнаты. — Улыбнулся. — Получается, что кооператив помог с кооперативом...

"Отчизне посвятим"

Петр КАТИН,
архитектор,
Москва

Последние дни войны

Дымятся серые руины,
Летит шальной автомобиль;
И рвутся мины,
Рвутся мины,
Взметая столбиками пыль;
Желтеет высохшая глина,
И солнце яростно печет:
Весна в окрестностях Берлина
В разгаре...
Сорок пятый год...
Запомнилось: окопов бровки,
Цепь затянувшихся бугров;
Свист, грохот, вой артподготовки
И хищный свет прожекторов;
И тот рассвет, и перебежки
Среди истоптаных полей...
Дворы; оставленные в спешке
Повозки, трупы лошадей...
Гарь.
Покореженные пушки.
Мычанье брошенных коров...
И той названье деревушки,
Где ночевали,— Арьенцдорф...
И полуночные мерцанье
Ракет над киркой у пруда...
...И ожиданье,
Ожиданье,
Которым каждый
Жил тогда...

Зинаида ТАКШЕЕВА,
медицинский работник,
Петродворец

Воспоминание

Я помню:
Море все застыло
Холмами будто бы навек,
Уже не билось, не штормило,
Звенел металлом твердый снег.

А звезды, мелкие, как тюлька,
Казалось, упливали вдаль,
И «горько» нам подросток Толька
Кричал, и было детства жаль.

Стыдясь, мы порознь убегали,
Сирены нам ревели вслед,
Огни на берегу мигали.
Нам было по шестнадцать лет.

В мои заснеженные окна
Глядел ты с робостью, с тоской,
А вечер был ветрами соткан,
И пахло лесом и треской.

Виктор ВОЛКОВ,
журналист,
Избербаш

■
Поют стихи о радости и грусти,
И сердце пишет светлые слова
О тех местах,
где дорог каждый кустик,
Где все твое — и воздух, и трава.
Поют стихи о речках и туманах,
Поют о болтунишке-ручейке
И о полях — пшеничных океанах,
Об одиноком древнем ветряке.
Поют о тропке — луговой бродяге,
О камышах — хранителях озер,
Поют о зорьке, пляшущей в овраге,
И о кургане, вышедшем в дозор...
А в песне этой — Родина без края,
Где ты родной и все тебе родня,
Она одна понятная такая,
И я живу, сполна ее ценя.

Геннадий ЧЕРЕВИК,
рабочий,
Кременчуг

■
Отработал, и — домой
По городу.
Сколько в сердце муз
Ни носи,
Отпустив себе усы
И бороду,
Не пойдешь бродягой
По Руси.
И не то чтоб сетовал
На время я,
Понимаю — техника,
Прогресс.
Что стихи? Сегодня план
И премия
Вызывают гордый
Интерес.
И друзья туда же,
Без сомнения,
Мол, важней иметь
В кармане грош,
А транжириТЬ время —
Преступление,
На одни стихи
Не проживешь.
Виноват!
Прошу у всех
Прощения,
Что в рабочий час,
Сякай-такой,
Иногда творю
Без разрешения
Не резком единим,
А строкой.

Светлана ПОПОВА,
учительница,
г. Брежнев

■
Море

«Огромное море,
лазурное море»,
опять ты волнуешься,
ропщешь, шумишь.
С землею и небом
о первенстве споришь,
волной изумрудной
на берег летишь.
С тобою, о море,
судьба моя схожа:
то резво взлетаю
на гребень волны,
то бьюсь об утесы
я в день непогожий,
то снова я жертв
твоей глубины.
То вынесет на берег
ветер удачи,
секунда одна —
и в пучину столкнет.
Тогда я слезами
горючими плачу...
Лишь изредка чайкой
надежда блеснет.
Как ты негодуешь,
так с бедами спорю.
Пыл русский, бунтарский
во мне не утих.
Но тайну свою
ты поведай мне, море,
соленое ты
не от слез ли моих?
Огромное,
страстно шумящее море,
в одном, да, в одном
мы не схожи с тобой:
встречать тебе вечно
рассветы и зори,
ты — вечно,
я — смертна,
но... спорю с судьбой.

Светлана ЯКОВЛЕВА,
школьница,
Чебоксары

■
Дедушке
Дедушка, милый,
Не надо, не бойся,
То не война, а тревожные сны.
Милый, я чувствую, как это больно —
Вновь уходить по дорогам войны.
Выросли дети, и выросли внуки —
Те же дороги ты видишь во сне...
Звуки стрельбы... Загорелые руки...
Дети играют в войну во дворе.
Рядом со школой, с деревьями рядом
Быстро бегут по зеленой земле.
Дети! Постойте! Не надо, не надо.
Дети, поверьте, пожалуйста, мне.
Кончились пули, штыки затупились,
Ветер уносит и пах, и золу.
Дети! Запомните, все это было,
И никогда не играйте в войну.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
воспитатель,
Челябинск

■
Детский дом
Добрых снов тебе, детский дом,
Светлой радости и добра!
Жизнь несет меня кувырком —
По сугробам да по горам...
Вот из школы идут гуськом,
Не к себе домой — в детский дом...
Шаг за шагом — к его Высочеству,
Бесконечному одиночеству.
Сбросят шапки
Девочки стриженые,
Смотрят в зеркало — неподвижно...
В глади стекла на себя уставятся —
Что случилось, уж не поправится!
Для кого так сверкает зал?
Новогодний кружится бал!
Почему так блестят шары?
Объявляем начало игры!
Елка дарит им свет и радость,
А на сердце — больнее рана...
Не танцуетесь, не поется,
И не плачется, не смеется...
Память мечется — ночь мала:
«Мама, мамочка, ты была?»
И кухарке с кастрюлей бездонной,
И учительнице знакомой,
И накрашенной практике Маше —
Всем лепечут: «Мамочка наша!»
Губы детские «мамочка» шепчут,
Губы молятся и щебечут,
Как царице, одетой в жемчуг!
На далеком кругом берегу
Память мечется на снегу...
Сколько сил есть бежать — бегу,
Сколько мочи кричать — кричу,
Чем сумею помочь — помогу,
Раны детских залечу...
Добрых снов тебе, детский дом,
Без отчаяния и слез!
Через плач, через чей-то стон,
Через в горле застрявший ком
Твой покой и сон стерегу,
Сколько верить в добро смогу,
Сколько сил моих хватит стеречь —
Даже тени маленьких плеч...

Василий ВЕРКИН,
пенсионер,
пос. Милославское, Рязанская обл.

Полынь

■
Вдохну
знакомый запах я полынный —
и, если даже
на душе теплынь,
повеет грустью
еле уловимой...
Наверно,
это пахнет так полынь...
А может,
это кажется мне только?
Но вижу я себя издалека...
И — дым войны,
удушливый, прогорклый...
И — долю ту,
что, как полынь, горька...
От памяти
мне никуда не деться...
О светлая печаль моя, нахлынь —
и я отвечу:
пахнет зябким детством
и маминою вдовостью полынь...

■
Евгений САПОЖНИКОВ,
пенсионер,
Киев

■
Пылают заревом закаты,
Счет смертельный дождь свинца,
Последний бой ведут солдаты,
Свой долг исполнив до конца!

Стоит высотка без названья,
На картах штаба не одна
Солдатским мужеством в преданья
Вошла со славою она...

■
Мария БАШЕВА,
врач,
Волжск

Опять спешу в забытую деревню

Опять спешу в забытую деревню,
Где детство провела когда-то я.
Как прежде.
Здесь над кручей гнутся вербы,
А дальше неоглядные поля.

Здесь избы будто водят хороводы
В передниках наличников цветных.
Подсолнухи смеются в огородах,
И частокол в кувшинах расписных.

Петляет речка мелкая в лощине,
Прозрачная, из сотен родников,
Опять гармошка вечерами синими
Поет на бревнах где-то у дворов.

Здесь
с детства все понятно и знакомо,
Здесь, кажется, ни в чем запрета нет.
И чувствую душой, я снова дома,
Хоть и прошло с тех пор
так много лет.

■
Дмитрий ШАБАНОВ,
старший лейтенант,
Смоленск

■
Ночь бледна и величава.
Лунный месяц — братец твой
Лишь один тебе мешает,
Вечный крест несет он свой.
Покрывая мраком Землю,
Заслонив его собой,
Ты царишь неоспоримо,
Ты приводишь к нам покой.

■
В образ сказочных героев
Превращаешь старый лес,
И ручей звонкоголосый
Тихо шепчет: «Спи, мой лес».
А когда приходит время
Расставаться нам с тобой,
Не грустим мы, так как знаем —
Новый день встает зарей.

Виктор Розов: УВИДЕТЬ СВОИИ ГЛАЗАМИ

-П

ервый же вопрос ребром, как говорится: что вас больше всего восхищает в современной молодежи?

— Молодежь, с которой я дружен или с которой мне приходится встречаться, больше всего поражает меня своей образованностью. Когда я учился в школе, то на вопрос «Из чего состоит материя?» достаточно было ответить: «Из молекул». «А из чего состоят молекулы?» — спрашивали тогда тебя. «Из атомов», — говорил ты. «А атом?» — «А атом неделим». Все! Тебе ставили пятерку. Вот чем тогда ограничивалось наше мышление. И это было замечательно! Теперь же стало ужасно: наши познания настолько расширились, что охватить все даже поверхностно бесконечно трудно. Но, несмотря на это, наша сегодняшняя молодежь знает удивительно много, и это меня в ней не может не восхищать. Мне бы хотелось выделить здесь вот что. Мы в юности очень часто были откровенно аполитичны. Чаще всего, кроме своих сугубо личных и смехотворно микроскопических проблем, почти ничем не интересовались. И по этой причине о реальной жизни мы ровным счетом ничего не знали. Да и знать ничего не хотели!

— Что вы осуждаете в молодежи?

— Бездуховность, которая захлестнула сейчас весь мир и является, на мой взгляд, причиной многих бед. Именно из-за нее молодежь совершает неслыханные в истории преступления. Ни у кого еще не изгладилось из памяти, как года два назад террористами был взорван индийский самолет. А вспомните, из кого в основном состоят боевики, которые устраивают взрывы бомб во Франции? Все это делается руками не особо долго размышляющих молодых. Я понимаю борьбу за свободу, борьбу за свои идеалы, но когда эта борьба превращается в кровавое месиво ни в чем не повинных людей, в том числе маленьких детей, женщин и стариков, то... Что же я могу сказать о такой молодежи? Пусть даже этим молодым людям кажется, что они одержимы благородными порывами. Но когда порыв превращается в насилие, то, простите, я перестаю верить в это благородство. Конечно, я беру крайность, но ведь все это было, да и сейчас происходит, и всякий раз я бываю до глубины души потрясен случившимся. Да и нет, наверное, на земле людей, которые бы ко всему этому ужасу оставались совершенно равнодушны. К сожалению, экстремистские элементы среди молодежи многих стран, которые бездумно совершают террористические акты, не так уж малочисленны. Их действия в моем понимании просто не укладываются, противоречат моим чувствам и представлениям. Да, борись: жизнь — это и есть борьба. Но борись не с беззащитными и не исподтишка.

— Чем молодежь вашего времени превосходила современную?

— Молодежь нашего времени была в меньшей мере информирована, но в чем-то она была милее. Распущенность, наркомания, пьянства, безнравственных поступков в нашей среде практически не было. Я рос среди ре-

бят, происходивших из самых бедных слоев общества. (В те счастливые дни еще не было непременного теперешнего деления на группки в зависимости от того, кто твои родители. Тогда, прости, такого дворового анализа и последующего социального расслоения еще не было.) Мы все жили одной семьей. И такая дружба теперь кажется просто сказочной. Кстати говоря, точно такие же истинно человеческие отношения вновь установились в очень тяжелое время — в годы войны. И это было вовсе не чувство какой-то вполне оправданной и обычной взаимовыручки в бою, с которой каждому из нас, фронтовиков, приходилось сталкиваться в самый тяжелый и опасный для него момент. Нет, это была та самая крепкая, всепобеждающая дружба, какую мы узнали в дни нашего по-настоящему счастливого детства.

— Получается, что только серьезные испытания по-настоящему объединяют людей, делают их более человечными, и то, что среди молодежи сейчас такие взаимоотношения стали редкостью, говорит о том, что...

— ...Молодежь живет, учится и работает у нас в прекрасных условиях. Правда, я бы не хотел, следуя только что выведенной нами формуле, настаивать на том, что молодежи нужно немедленно сказать: «Давайте мы создадим вам трудности — и вы станете людьми». Хотя Анатоль Франс в свое время и заметил, что человечество должно быть принуждено к добродетели.

— Как вы относитесь к дисциплине? Должна ли она, на ваш взгляд, играть какую-то заметную роль в воспитании подрастающего поколения?

— Сама жизнь показывает, что от «давящей» дисциплины пользы никогда не бывает, а вот вреда очень много. Это было замечено еще несколько столетий тому назад. Например, у Джона Локка, знаменитого английского философа-материалиста XVII века, который в педагогике исходил из решающего влияния среды на воспитание, есть очень верное высказывание о том, что если из мальчиков, полных огня и жизни, иногда вырастают замечательные и даже великие люди, то души слабые, придавленные, развиваются с большим трудом и очень редко превращаются во что-нибудь годное.

— Какую особенность современной творческой молодежи вы, как художник, больше всего цените?

— Не только среди творческой, но

и среди лучшей части нашей молодежи меня больше всего восхищает ее удивительная духовная тонкость. Со множеством юношей и девушек мне приходится говорить о бесчисленных проблемах, возникающих в творческой работе, в их жизни да и вообще в мире. И каждый раз их суждения, проницательность, с какой они понимают все происходящие как в искусстве, так и в мире явления, дают мне даже какой-то творческий заряд. Но мне претит невоспитанность, которая иногда сказывается в отношении некоторой молодежи к взрослым, главным образом к своим родителям. Кроме того, у нас процветает какое-то узаконенное потребительство, желание детей, чтобы за них все делали родители. Должен сказать, что в этом смысле мы находимся неслыханно в ином положении, чем отцы и дети во многих других странах мира, где мне довелось побывать. Мне хочется провести это полезное сравнение. У нас почему-то бытует представление, что родители должны — просто обязаны! — все делать за своих детей. Это я по себе знаю. Я сам все делаю за своих детей, хотя ни в коем случае и не считаю их паразитами. В других же странах, в европейских и США, детей довольно быстро отдают и заставляют их жить самостоятельной жизнью. И в этом есть очень много верного. Это довольно быстро делает молодых жизнеспособными.

— Что вы можете сказать о таком явлении среди молодых, как карьеризм?

— Карьеризм существовал во все времена. Однако сами обстоятельства в нашем обществе создавали благоприятные условия для его процветания. Но сейчас в нашей стране наступает новое время, когда карьеристам придется туда. А ведь совсем в недавнем прошлом им было очень даже вольготно, потому что проще было создавать отношения, при которых все строилось на торгащем принципе «ты — мне, я — тебе»; корни негативных явлений, захватывающих молодежь, прежде всего в дефектах общества, которые сохранялись у нас в течение нескольких последних десятилетий. А молодежь всегда была и будет зеркалом всех наиболее явлений своего времени. Но нельзя сказать, что она тут совершенно ни при чем. Я считаю, что и сам человеческий фактор очень много значит. Носители этих явлений тоже виноваты, потому что они не какие-то там инертные и аморфные тела, а самые что ни есть непосредственные и живые представители нашего человечества.

Если вспомнить, во все эпохи, и в рабовладельческом обществе, и во времена святой инквизиции, как известно нам из истории, были великие и порядочные люди. Так что кивать только на условия и совсем не учитывать себя было бы не только безнравственно, но и неправильно. Я ни в коем случае целиком не придерживаюсь знаменитой классической философской формулировки, говорящей о том, что только бытие определяет сознание. Очень многое в этой жизни зависит и от того, как ты сам относишься к бытию. Глубоко убежден: никогда не позволять среде уродовать себя — самая основная задача настоящего человека. Поэтому я всегда говорю своим молодым друзьям: «Вы мне не жалуйтесь. Ведь всем нам дано одно солнце, одни звезды, одни библиотеки, один снег, одна жизнь, одни представления о нравственности. Поэтому живите только так, как велит вам совесть. И никогда не забывайте, что вы сами кузнецы своего счастья». У нас молодежи дано очень мало самостоятельности. Все напрочь забрали себе взрослые и руководят молодыми.

— А каким образом, по-вашему, молодежи следует помогать?

— Только добрым советом. Да и то в случае, если они в этом нуждаются или этого совета просят. Во время зарубежных встреч с молодежью я был приятно поражен тем, что там она очень раскованная, искренняя и всегда предельно откровенная в разговорах. (Я думаю, что молодежь только такой и должна быть.) Кроме того, она свободна от многих совершенно ненужных правил и условностей. Знакомство с ней оказалось для меня очень полезным: я стал яснее видеть и недостатки, и преимущества наших ребят. Погуляться, наверное, нашей молодежи необходимо этой раскованности. Она ведь очень помогает человеку быть более общительным, интересным и благодаря этому в какой-то мере даже более образованным, информированным. Кроме того, какой-то части нашей молодежи следовало бы в первую очередь, как мне кажется, поучиться у своих сверстников умению сознательно и хорошо учиться. Ведь если они учатся, то учатся не как попало, «лишь бы не выгнали», а только старательно. Признаюсь, мне очень запомнилась одна встреча в Канзасском университете — я познакомился с юношой, который одновременно занимается на двух факультетах. Когда я поинтересовался, почему, он ответил: «Если мне в жизни не повезет в одном, буду пробовать себя в другом. Чтобы не оказаться в числе неудачников или безработных». Смотрите, какая у него ясная, четкая жизненная позиция! Если не повезет в одном... Молодой человек в жестких условиях капиталистического общества просто вынужден серьезно думать о своем будущем. Поэтому он и старается изо всех сил. Тут действуют разные факторы. Кстати говоря, то, что у них требовательность к работающему человеку чрезвычайно высокая, а у нас чрезвычайно низкая — была до настоящего времени, во всяком случае, очень существенно отражается на производственной деятельности. Как раз в этом, по-моему, и таится

корень преуспевания или непреуспевания, экономического развития общества. У нас многие молодые относятся к своему будущему с безразличием или же с пугающей беспечностью. «Ну куданибудь устроюсь, будут платить рублей 150, и ладно. А если повезет, то и делать ничего не нужно» — я не раз слышал подобные откровения. Там же все диктуется конкурентоспособностью. И конкурентность там чрезвычайно высокая. Поэтому всякий молодой человек обязан учиться так, чтобы обязательно быть чутьчко лучше других. Только при таком условии его судьба будет устроена. У зарубежной молодежи можно поучиться и трудолюбию. Ведь там очень многие юноши и девушки, которые не имеют возможности платить за свое образование, работают подавальщиками в столовых, подстригают траву на газонах, подметают, выдают книги в библиотеках, моют посуду. И это ничуть не кажется им зазорным, а считается самым нормальным и обычным. У нас, конечно, тоже есть ребята, которые работают дворниками, истопниками, разгребают вагоны, но это, к сожалению, диктуется не личной инициативой, а только жизненной необходимостью. Там же это вызвано в первую очередь воспитанием и стремлением молодежи к самостоятельности. Хотелось выделить и еще одну отличительную черту: зарубежная молодежь делает все только на совесть! (Иначе ей ни гроша не заплатят.) Там в этом отношении очень строго, и мне это нравится. А у нас — это у нас-то, вы только подумайте, в стране труда! — даже родилась такая лихая поговорка «Где бы ни работать, лишь бы не работать!». И, к сожалению, эту фразу чаще всего произносят молодые. Вот вам парадокс. Меня утешает лишь мысль, что большинство нашей молодежи трудится все-таки поистине героически. Правда, на Западе, к сожалению, о нас очень мало знаний. А если даже они есть, то, как правило, поверхностные, неточные, искаженные. Дело порой доходит до наивности, до смешного. Ну, например, в Канзасском университете ко мне подошла девочка, которая довольно хорошо говорит по-русски, потому что учится на славянском факультете: «Господин Розов, вот я хотела бы поехать в Россию, в Сибирь, выйти там замуж за православного и жить в православии. Это возможно?» Ну как вам это нравится, жить в Сибири и в православии! А в Гарвардском университете, куда мы ездили еще вместе с Валентином Петровичем Катаевым, мы спросили у группы студентов, которая изучала литературу: «Кого вы знаете из советских писателей?» После некоторой паузы один интеллигентный парень в очках с самым серьезным видом ответил: «Чехов». Словом, зарубежная молодежь нас совсем не знает. У меня создалось такое впечатление, что живет она в дремучем лесу, где нет ни радио, ни телевидения, ни даже ежедневных газет, и для получения представления о нашей стране она питается только слухами, доходящими до нее очень сложно, получаемыми только из третьих, не всегда чистых рук. Ну а слухи, и это не открытие, далеки от истины. Так что предстает мы перед зарубежной молодежью в весьма искаженном свете. Наша молодежь гораздо осведомленнее и знает о своих зарубежных сверстниках намного больше, потому что у нее есть все условия, чтобы получить объективную информацию. Мне хочется сказать еще вот о чем: среди тех молодых людей, с кем мне довелось общаться, я ни разу не встретил злобного или настороженного отношения ни к себе лично, ни к нашей стране. Вся молодежь проявляла к нашей стране самый живой, искренний интерес... Однажды, когда мы ехали вдоль живописного Гран Каньона в США по направлению к маленькому сарайчику, именуемому аэровокзалом, нам попался юноша с огромным рюкзаком за плечами. Мы решили его подвезти и остановились. Он подсел и во время завязавшегося разговора все о себе рассказал. Выяснилось, что со-

всем недавно он окончил школу и теперь идет пешком до Аляски. Родители у него очень обеспеченные люди, но он сказал, что ничего у них не возьмет и пойдет пешком по стране, зарабатывая себе на хлеб только самостоятельно. Он уже работал на лесоповале, был чернорабочим, убирал мусор. «И куда ты идешь?» — спросил я. Он ответил: «Я хочу пройти всю Америку». Спрашивал: «А зачем?» — «Хочу посмотреть, где я больше всего нужен. Там и останусь работать на всю жизнь». Вот вам эпизод! Конечно, и там лоботрясов хватает, но есть и такие люди.

— Как вы относитесь к увлечению молодежи модой?

— Очень положительно. Мне нравится, когда на девочках мини-, макси-, миди-юбки, а на ребятах джинсы или там штаны из натуральной кожи. И я считаю, что мне очень повезло последний раз в Англии, когда я увидел ребят с раскрашенными в несколько цветов волосами и со стоящим, как у петуха, гребнем на вершине. Это, конечно, перебор, но меня это зрелище очень повеселило. Ну почему, скажите, не повалить дурака в этом возрасте? Кому это мешает? Мне скажут, что это мешает взрослым, которые давным-давно сформировали свой взгляд на вещи. Но ведь все это относительно. Потому что если бы взрослые с детства привыкли видеть вокруг себя только разноцветные волосы, то чьи-то естественные волосы приводили бы их просто в ужас. Вот их и удивляет, как это может быть так, как они совсем не привыкли. А тут все происходит предельно просто — по Павлову: образовался у человека устойчивый условный рефлекс, и когда какая-нибудь привычная причинная связь рвется, человек возмущенно и испуганно кричит: «Безобразие! Хулиганы!» А ведь этой чепухе можно только умиляться, и не более. Когда я поинтересовался, что это за разноцветная молодежь, мне ответили: «Обыкновенные, самые безобидные ребята, просто так развлекаются». К ним, кстати говоря, в Англии поскольку среди взрослых тоже было довольно настороженное отношение. Но потом произошло крушение поезда, и именно эта молодежь, которая оказалась поблизости, не растерялась и первая бросилась спасать и вытаскивать из-под обломков раненых, оказывала им первую помощь, вызывала спасательную команду. Словом, все из них проявили себя настоящими героями. И в результате отношение к ним сразу же переменилось... Но вот что касается рок-музыки, то лично я эту музыку не воспринимаю. Очень редко из всех этих музыкальных поисков мне что-то нравится. Я много всего такого слышал и в дивном исполнении, и в совершенно жутком, когда что-то только очень громко гремит или же захлебывается в собственной монотонной дикости. Отношусь я к такой «музыке» в лучшем случае равнодушно, не считая каких-то очень нежных ансамблей. Но молодежь это любит, и я не имею права говорить, что это плохо... Вообще польза моды состоит в том, что она существенно обогащает какие-то стороны нашего бытия. Благодаря ей и одежда появляется более удобная, и разнообразия больше. Представляете, что было бы, если бы все мы вдруг начали ходить в одинаковых рубашках? Сначала бы все просто смеялись, но через денек другой нам стало бы не до смеха. Я всецело за увлечение молодежи модой! Но наша промышленность, к сожалению, от жизни ужасно отстает. Она на редкость неповоротливая. Сколько времени пройдет, пока там вынесут решение, потом постановление, потом распоряжение! А потом еще указ! Потом приказ! И только начнут шевелиться, а там, глядишь, и мода уже другая. А от прежней и след уже простыл... И только тогда, наконец, приходит в магазин опоздавший на десять лет товар, от которого во все стороны разбегается молодой покупатель.

— Что даст молодежи, по-вашему, проводимая сейчас школьная реформа? Проводились ли такого рода

реформы в годы вашего учения в школе?

— На мне, когда я учился в школе, было испробовано столько реформ и проведено экспериментов, что у меня к ним выработался стойкий иммунитет. А если серьезно, то иногда просто поражаешься, что наше поколение в результате вообще не оказалось какими-то абсолютными недотепами. Но вспоминают это приятно. В 20-е годы у нас сначала практиковалась пятибалльная система оценок. Потом пятибалльная система: на каждый предмет у нас был кусочек бумаги, в середине красная черта, разделяющая на 50 процентов. Оценка выше черты 50 считалась хорошей. А если выходило 85 или 90, это вообще было превосходно. Если же гораздо ниже 50, ну, там 28, 16 или 12, то это было черт-те что! Потом на нас экспериментировали еще одну систему обучения: на стене вывешивалось расписание уроков, а ты, маленький мальчик, приходишь и смотришь, куда тебе хочется идти, — туда и идешь. Потом была еще одна совершенно замечательная вещь: так называемый бригадный метод — по четыре-пять учеников в бригаде. Отвечает один, а оценка ставится всем. Бригада, как правило, состояла из двух развитых и двух неразвитых. Но всем ставилась одинаковая оценка. Отвечали всегда два развитых. Или кто-то один готовил химию, а остальные лоботрясничали: купались в Волге, удили рыбу. Замечательное было время: можно было только удить рыбу и быть круглым отличником! Чего только не было! Что же касается современной школьной реформы, то она предъявляет к детям очень серьезные, даже жесткие требования. Но это диктуется необходимостью. Усложнится мир — усложнилась школа. Глубже стали физика, химия, математика, естествознание, другие предметы. Больше внимания наконец-то отводится трудовому воспитанию. Школа у нас универсальная, и изучать надо все. Я в свое время сам ненавидел какие-то предметы, считая, что они мне в жизни совершенно не понадобятся. Но где-то эти полученные знания все равно проявлялись, сказывались на мировосприятии, оказывались очень нужными. Определить в школьной работе нужно очень многое. Недавно я присутствовал в Доме литераторов на встрече, где педагоги слушали выступление одного товарища из отдела народного образования. Он говорил, что на Достоевского в связи с введением ряда новых дисциплин будет отведено только пять часов вместо шести. Зал ахнул, занегодовал. Как! На Достоевского вместо шести часов только пять! А я сидел и смеялся, потому что какая разница, сколько часов на Достоевского, — пять или шесть. На него и тысячи часов не хватит!

— В чем, на ваш взгляд, смысл проводимых фестивалей молодежи?

— Я думаю, что на этих форумах молодости у ребят обязательно заявляется крепкая и долгая дружба. Они разъедутся по своим странам и расскажут о нашей молодежи. Такие встречи должны сближать народы. Это сейчас крайне необходимо. Но вообще я сторонник того, чтобы наша молодежь сама как можно больше ездила по белому свету. К сожалению, у нее такой возможности пока еще очень мало. Помню, как однажды я ехал на пароходе из Турку, это финский порт на Балтийском море, в Стокгольм. И вот, поднявшись очень рано утром, чтобы полюбоваться удивительной панорамой знаменитых шведских шхер, которая открывается перед тобой, когда подъезжаешь к Стокгольму, я увидел, что вся палуба буквально усеяна спящими ребятами: кто устроился на надувном матрасике, кто в спальном мешке, кто просто завернувшись в плед. Рядом с ними как попало лежали фотоаппараты, записные книжки, дневники, всяческое шмотье. И признаюсь, что я пребывал среди всего этого цыганского великолепия с большим трудом, и мне было до обидного жаль, что среди этой счастливой молодежи не было ни одного нашего парня или девочки. Мне бы очень хотелось, чтобы наша молодежь больше видела мир. Видела его своими глазами. И ничего, что сначала она от удивления широко разинет рот и, быть может, даже невыгодно сопоставит какие-то стороны той жизни с нашим бытом. Но это только сначала! Потом, если молодежь будет ездить больше, она благодаря этому получит возможность увидеть все трезвыми глазами и сумеет оценить все по достоинству. Тогда она по-настоящему поймет преимущества нашего общества, потому что посмотрит на все как бы со стороны. Много, ах как много, встречал я вот таких ребят с котомками и рюкзаками за спиной. Никогда я не забуду, как во Флоренции я познакомился с ватагой жизнерадостной молодежи, которая сидела на ступенях изумительной по красоте церкви, носящей не менее поэтическое название «Божья матери во цвету». Они мне так понравились, что я их даже заснял. И когда я с ними разговорился и ребята узнали, что я из Советского Союза, они окружили меня плотным кольцом, и начались взаимные расспросы. Я спросил: «Как вы путешествуете? Откуда берете средства? Родители дают?» «Нет», — ответили мне, — сами подрабатываем. Даже там, где путешествуем». А во Флоренции незадолго до нашего приезда было мощное наводнение: река Арно вышла из берегов и повредила много архитектурных художественных сокровищ. Так что работы там хватало. И вот эти ребята сначала занимались разборкой размытых мостовых, потом укладывали эти тяжелые камни на место, убирали принесенный потоком мусор. На всем этом очень хорошо подработали. Я с большим интересом обо всем слушал, и вдруг один паренек спрашивал: «Скажите, вот нам говорят, что в Советском Союзе каждый человек, если захочет, может сразу же получить работу. Но ведь это же неправда! Вот вы из Советского Союза, так скажите, как там на самом деле?» Меня это страшно изумило. Я ответил: «Конечно, работу вы найдете в любой момент — и тяжелую, ручную, ну там мусор убирать или вагоны разгребать, и более интересную, если у вас есть какая-нибудь профессия. А если вы к тому же отличный специалист, то вообще будете нарасхват». Все это для них кажется неправдоподобным, настолько вопрос с трудоустройством у них остро стоит. У них ведь десятки миллионов остаются просто не у дел, за бортом жизни. Я, правда, не говорил, что у нас по сравнению с ними довольно низкая зарплата. Это вопрос другой. Там за работу платят очень хорошо — и за квалифицированную, и за черную. Только вот найти там работу довольно сложно, а иногда и почти невозможно. Но у нас, с другой стороны, отсутствие безработицы порождает определенный трудовой паразитизм. И если там молодежь люблю работу ценит очень высоко и всегда старается выполнить ее как можно лучше, то наши удальцы-молодцы нередко делают все кое-как, лишь бы от предложенного дела отделься, но при этом, заметьте, никогда не забывают получить свою тридцатую зарплату и все назначаемые премии, и никто из них никогда не задумается: за что ему все это прямо с неба падает. Так что только живое, непосредственное общение способно заставить молодых людей взглянуть на себя трезво, бескомпромиссно. Кроме того, путешествуя, ребята смогут своими глазами увидеть планету — наш общий дом, который необходимо сберечь. Молодежь должна думать о судьбе планеты.

— Значит, вы будете спокойны за будущее, если оно будет в руках таинственной молодежи?

— Уж никак не думаю, что эта молодежь будет хуже нашего поколения.

Беседу вел
Евгений ГИЛЬМАНОВ.

жестокость

ПИСЬМО

Девять лет назад моя дочь вышла замуж за парня, с которым училась в одном институте. На третьем курсе у них родился сын. Мальчик остался у меня (дочь не хотела прерывать занятия), и я вынуждена была поменять работу, чтобы иметь возможность воспитывать внука.

В 1982 году родители Димы окончили институт, и я передала им сына — здорового, спокойного мальчика. Однако с первых же дней отец Димы стал предъявлять претензии: мол, их сына воспитывали неверно. Началось перевоспитание. Поначалу было запрещено готовить что-либо вкусное и питательное для мальчика. «Специально для него мы готовить не будем!» — заявил отец, несмотря на то, что ребенок начал катастрофически худеть. Ласкать, успокаивать, утешать ребенка также запрещалось. Ушибся он, а ему говорят: «Так тебе и надо! Обидят его: «Сам виноват!» Заболеет мальчик: «Притворяешься...» Дело дошло до того, что, когда я как-то попыталась утешить ребенка, он бросился на меня с кулаками(!), оказывается, этому его научил отец.

В первые годы жизни с родителями Дима перенес несколько тяжелых простудных заболеваний, две операции по удалению аденомидов, гайморит, который перешел в хроническую форму.

Когда Дима был со мной, он не знал, что такое брань, а тем более физические наказания. Отец же без всякой причины стал жестоко избивать его солдатским ремнем. Бил по лицу. На выходные дни я брала внука к себе (живу отдельно), и часто он приходил то с разбитыми губами, то с синяками на лице... А каких усилий стоилоозвращение мальчика к родителям — плачет, кричит, что его бьют дома, судорожно хватается ручонками за стулья...

Однажды Дима пришел ко мне с разбитой челюстью. Целые сутки он голодал, не мог есть. На мои вопросы отвечал с неохотой: «Не знаю, кто ударил. Спроси у мамы...» Его отец мне признался: «Ударил сына за то, что мальчик в сахарницу налил воду...

С этим невозможно было мириться. В который раз я говорила родителям, что нельзя быть такими бессердечными, жестокими с маленьким ребенком. Давала им читать педагогическую литературу. Словом, стремилась как-то повлиять на них. Тщетно. Дочь откровенно сказала мне, что все мои хлопоты напрасны, ибо как-то по-другому

они уже не смогут воспитывать сына! Да, она знает, что ее муж — садист, знает, но разводиться не желает: боится остаться одна. Поэтому и приносит в жертву сына. И дела ей нет до того, что у него тяжелейший невроз.

Вскоре я узнала: моя дочь сама стала избивать ребенка, мстя ему за то, что он рассказывает, как обращаются с ним родители. И это моя дочь! Когда-то добрая, кроткая девочка! Теперь же это озлобленная, лживая, жестокая женщина, у которой совершенно отсутствуют материнские чувства. Я поняла, что чем чаще говорю с ней и ее мужем о мальчике, тем больше они звереют, тем сильнее истязают его.

Не так давно Дима, ночуя у меня, проснулся с криками и плачем: ему приснилось, будто бы родители его пытаются... Ребенок перестал расти — за последние полгода он ни одного сантиметра не прибавил в росте. Стоматолог установил у него деформацию верхней челюсти — видимо, сказались отцовские удары по лицу.

Диме скоро девять лет. Он хорошо понимает, что родители его не любят, и очень страдает от этого — морально и физически. Страдает и, на мой взгляд, постепенно превращается в жестокого человека. Так, мальчик часто играет в «убийства», спрашивает, как убивать людей, куда надо бить...

Изменились ли родители? Отнюдь. Они по-прежнему верны себе — развлекаются, как могут. «Не забывают» и о сыне — берут его в различные компании, где ребенок видит, как они употребляют спиртные напитки, водят его на взрослые фильмы... Как заявляет моя дочь, ради сына они ничем жертвовать не собираются, так как дети все равно вырастают неблагодарными.

Мне страшно за Диму. Что с ним будет дальше? Как спасти ребенка, как уберечь его от преступного влияния родителей? Да и возможно ли это?

С уважением Н.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Не взволновать это письмо не может. Думаю, что оно взволнует даже тех, кто считает, что подзащитный, шлепок или порка служат на пользу воспитания строптивого, непослушного ребенка. Конечно же, сверхэмоциональный, с повышенным чувством долга, жестокий человек отнесется к ребенку иначе, чем спокойный, равнодушный или добрый. Тут сказываются и жизненный опыт, и характер, и образование, и культура... Не хочу да и не вправе обижать автора письма, но если с ее дочери так скоро слетело воспитание и она превратилась в уголовную преступ-

ницу, то вряд ли тут можно винить только одни какие-то семейные обстоятельства и неурядицы.

Как отмечает Всемирная организация здравоохранения, волна жестокости в обращении с детьми захлестнула весь мир. Увы, эта волна накатилась и на наше общество. Как же так, подумает читатель, ведь мы в отличие от капиталистических стран не культивируем и не пропагандируем насилия, не голодаем, не знаем безработицы, у нас нет бездомных... Так откуда же быть жестокости? Где ее корни?

Да, мы не знаем этих острых социальных проблем. Но дело не только в них — не будем упрощать. А разве негативные тенденции в нашей экономике не повлияли на психологию, сознание людей, на их убеждения? Бессспорно, что это одна из главных причин снижения критериев гуманитария — основных качеств личности. Этика, мораль, нравственность — эти и другие понятия для многих уже не существуют. Они воспринимаются как нечто абстрактное. Сыграл свою роль — увы, отрицательную — и научно-технический прогресс. Все больше механизировался наш быт, разнообразнее становился досуг, появлялось все больше соблазнов — музыка, всевозможные зрелища... Однако, чтобы приобрести новые предметы домашнего обихода, модную одежду, дефицитные товары — дубленку, супераппаратуру, автомобиль — нередко требовалось (и требуются) огромные усилия, время, средства... Мы как бы заразились вешизмом: деформировалось сознание людей.

Не стало хватать времени на посещение театров, выставок, на чтение книг, мы забыли, что такое человеческое общение, замкнулись в мире вещей, позабыв о святом — о детях... Возникла так называемая проблема «лишних детей» — стала падать рождаемость, особенно в прибалтийских республиках. Это закономерно. Именно там отмечается наиболее высокий уровень жизни, организованный труд... Молодежь Прибалтики раньше других столкнулась с новейшими достижениями научно-технического прогресса (тут, конечно, подразумеваются и профессиональные интересы, работа), увлеклась ими, отмечая все помехи и лишние хлопоты и заботы. Да и рождение детей, их воспитание нередко молодежью воспринимаются как ненужная обузда. И возникла проблема воспроизводства населения. Теперь это уже государственная проблема!

По мере возврата к высшим моральным нормам общества отношение к детям, безусловно, будет постепенно улучшаться. Однако надо знать, что «синдром опасного обра-

щения с детьми» (СООСД) не ограничивается только лишь избиением ребенка. Унижение его, злобные интонации в разговоре с ним, нарушение режима, перекармливание, игнорирование интересов детей, задабривание распущенного дитя подарками, сладостями, модной одеждой, денежными подачками — все это тот же синдром.

Полагаю, что одна из эффективных мер в борьбе с этим синдромом — широкая гласность. Каждый случай жестокого или неправильного обращения с ребенком надо выносить на суд общественности. Как показывает практика, в отдельных случаях достаточно бывает серьезной беседы с родителями, и они в корне меняют свое отношение к ребенку. В других же приходится за помощь обращаться в трудовые коллективы. К сожалению, не обходится и без вмешательства юридических органов...

Да, против некоторых родителей приходится применять самые строгие меры, вплоть до лишения родительских прав, привлечения к уголовной ответственности. Ведь дело доходит до того, что ребенка морят голодом, отцы насилиют малолетних девочек, наносят телесные повреждения... Заметьте: чуть ли не каждое второе преступление родителями совершается в пьяном состоянии! Убежден, если мы, используя все средства массовой информации, правдиво и широко говорили о всех причинах жестокого обращения с детьми, то эта проблема решалась бы куда быстрее.

Станислав ДОЛЕЦКИЙ,
член-корреспондент АМН СССР

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Не так давно
мы приветствовали
рождение на планете
пяти миллиардного человека.
Но, как справедливо
было отмечено,
«День пяти миллиардов» —
поворот не только для
празднования,
но и для серьезных
размышлений. И тому
подтверждение — письмо
читательницы Н.
Конечно же, комментарий
члена-корреспондента АМН
Станислава Долецкого
не завершает разговора
о жестоком отношении
к детям, а, напротив,
открывает его.
Мы надеемся продолжить
этот разговор вместе с вами.
Итак, ждем ваших писем.

Виктор ЛИННИК

Пичугин, плотно сбитый, кряжистый, лет пятидесяти, когда-то огненно-рыжий, а теперь цвета окисленной меди, подбитой сединой, угрюмо сосредоточенный, что все чаще бывало с ним в последнее время, медленно, казалось, даже с натугой отворил дверь в конторский предбанник. В ответ на привычно игривое, со стрельбой глазами «Доброе утро, Ван Ваныч!» секретарши Ирэны Пичугин, не глядя, коротко и хрипло бросил «Привет», глухо кашлянув, на ходу разминая толстыми пальцами сигарету, и, слегка косолапая, прошел прямо в пальто к себе в кабинет, воздержавшись от обычных комплиментов Ирэниной пышной красоте, томившейся от вынужденного восьмичасового простоя на работе. Наметанным за два года сидения при начальстве глазом секретаршаглядела, что лицо Пичугина, обычно пунцовско-красное, с темневшими на нем крупными веснушками, на сей раз было бледным, морщины на лбу и возле глаз вдавлены сильнее, чем всегда. «Господи, неужели снимают?» — испуганно подумала она, задавая себе вопрос, который вот уже несколько месяцев подряд мусолила в курилках вся базовская шоферня.

Пичугин, лет шесть сидевший на хлопотной, но благодарной должности заведующего трестовской автобазой, слыхал об этих разговорах — верные люди держали в курсе, недорочно уमехался, но сам ответа не знал. В кабинете он дрохнул пальто на одни из обтянутых коричневым кожзаменителем кресел — финский гарнитур, предназначавшийся высокому начальству, помогли достать в свое время приятели из

облснба, сделавшие выбраковку «в связи с повреждениями при транспортировке». Разумеется, за мзду. Пичугин жадно затянулся кислым, едким дымом, машинально поддевая к себе латунную пепельницу, привезенную из Индии в качестве сувенира кем-то из знакомых. Настроение было ни к черту, под стать зарядившему, кажется, всерьез и надолго дождику за окном. Всю жизнь спавший, как младенец, Пичугин стал страдать от бессонницы, вставал по ночам, чертыхаясь, курил на кухне, шуршал газетами. Сегодня, далеко за полночь, он достал початую бутылку коньяка, плеснул себе в чашку, выпил.

Вообще-то с недавних пор Пичугин, сам никогда не отличавшийся тягой к спиртному, но благосклонно взиравший на бесконечные засторлья на работе как на неизбежную принадлежность всех праздников и дней рождений сослуживцев, даже внешне круто переменился. Первым почувствовал это на себе начальник колонны Светловидов, любимец Пичугина, черноусый румяный красавец, о способностях которого употреблять любые напитки в неограниченном количестве ходили на базе легенды. Мерой пресечения Пичугин избрал собственный приказ, изданный после ставших ему известными возлияний Светловидова с автобазовскими учетчиками. «Как не учитывающего требований времени, объявившего беспощадную борьбу с зеленым зирем, — гремел пичугинским голосом вывешенный на всеобщее обозрение приказ, — Светловидова лишить годовой премии и перевести в водители сроком на три месяца». На базе поняли, что начальство не шутит, и с этим делом сильно попротихли.

Пичугин тронул себя за плоский, словно обрублен-

ный затылок — поламывало с утра, видно, опять подскочило давление. «К врачу, что ли, залез?» — вяло, как о чем-то не касавшемся, подумал он. Но ни делать что-то, ни просто двигаться не хотелось. Самое непривычное было для него — не знать, откуда ждать удара, когда грянет начальственный гром. И эта неопределенность давила, усиливалась смутную тревогу, тяжкие предчувствия, которыми полнились его дни.

Сквозняки от дувших над страной свежих ветров обновления докатывались и до их облцентра. Залихорадка, убыстряясь неспешная прежде череда снятий и выдвижений. Старое начальство разлеталось кто куда. Кто тихо сматывался на пенсию, кто был снят, а начальник треста Карцев, на что мадам не промах, третий калач, уже третий месяц был под следствием и, как потогавицами, вскоре должен был двинуть на стройки химии Карцев, Карцев... Это после его ареста Пичугин потерял и сон, и аппетит. Его вызывали в прокуратуру, допытывались о взаимоотношениях с Карцевым, прямо спрашивали, не брал ли он с Пичугина, как с других, Пичугин, понятно, все отрицал, рассуждая, что Карцев о нем не расскажет, нет ему резона брать на себя лишнее, но струхнул не на шутку. Хотя ежемесячные подношения Карцеву всегда происходили с глазу на глаз, но мало ли что?

Пичугин зябко поежился, страхнулся пальцами с сигаретами и вдруг неожиданно для себя явственно вспомнил испытанное им жгучее чувство стыда, когда он вскоре после своего назначения на место завбазой впервые втиснулся в кабинет Карцева, не зная, как избавиться от, казалось, прожигающего ему карман конверта

с вложенными купюрами. Раздираемый страхом, злостью на собственную нерешительность, сомнениями — вдруг человек, подсказавший ему этот ход, просто подставлял его под удар.— Пичугин, бормоча, словно в бреду, какие-то слова, чувствуя, как кровь прилила ко вмог отяжелевшему лицу, положил на стол злополучный конверт.

К его удивлению, ни один мускул не дрогнул на лице Карцева. Проходясь пятерней по буйно высыпшимся волосам и одновременно поправляя галстук, который торчал где-то посередине могучей карцевской груди, начальник треста проговорил, внимательно глядясь в глаза Пичугина: «Да, Пичугин, помнишь, Хемингуэй говорил, за все в жизни надо платить? И я тоже плачу». Ничего такого про Хемингуэя Пичугин, конечно, не помнил, но на всякий случай согласно кивнул.

Потом Пичугин выучился, как делаются дела, и угадывал безошибочно, на какую дачу и кому везти стройматериалы в первую очередь, сколько вернуть за сниженный план, за сверхнормативные фонды, как выбрать премию за несуществующую экономию горючего. Если только удивлялся чему теперь Пичугин, так это своему собственному тогдашнему удивлению в карцевском кабинете.

Пичугин потянулся к сигаретам, закурил, медленно возвращаясь мыслями к сегодняшним неприятностям — со вчерашнего дня на базе копошилась очередная комиссия, проверяющие ходили хмурые, недовольные, кого-то вызывали к себе, куда-то заглядывали, и все втихую, тайком, словно его, Пичугина, и не существовало вовсе. Он взглядал иногда на непроницаемых, исполненных важности контролеров, силясь угадать, что уготовано ему на этот раз, но на их лицах лежала печать высшей, жреческой тайны, которую Пичугину знать не полагалось. Правда, ничего хорошего он и не ждал. Встретившийся поутру Поташов, председатель комиссии, тучный, с расплывшимися чертами лица, вильнул глазами в сторону, явно не желая замечать Пичугина, которого хорошо знал.

«Змей ползучий,— в сердцах выругался Пичугин, вспомнив эту сцену.— Давай копай, да помни, сегодня ты, а завтра тебя». Он пошевелился в кресле, невидящими глазами скользнул по бумагам, разложенным под стеклом на столе, по импортной кабинетной мебели, с видом которой явно диссонировал огромный железный сейф, неизвестно для каких надобностей раздобытый хозяйственниками, ибо в нем, кроме сувениров, преподнесенных и тех, что предполагались вручить, ничего секретного не было. Вперившись взглядом в окно, над которым зависло темно-синевое, выстланное сплошным покрывалом облаков небо, Пичугин шумно вздохнул: «Я-то знаю, отчего вы смурные, словно язвенники по весне,— подумал он уже о членах комиссии.— Да только не обломится нынче ничего, не те времена».

Еще каких-нибудь полгода назад приезд комиссии был для включенных в нее как праздник. Оповещали о приезде заранее, было время подготовиться, навести мираж, запустить на полный ход отложенную машину по приему гостей. Членов комиссии вели прямиком к Пичугину в кабинет, рассаживали, вручали нужные бумаги, в которых, считай, готовый отчет о проверке. Пичугин, подливая боржомчику, рассказывал пару запасенных к случаю анекдотов — что-нибудь в лицах, что всегда хорошо ему удавалось, вспоминал к слову, что «Спартак» опять вчера припух, тут кто-нибудь из своих заводил про рыбалку, и так, глядишь, сам собой разговор образовывался, и пошло-поехало. Работать с людьми, доходить до каждого человека — этому Пичугина не надо было учить.

А уж окончательно доходил он до приезжих в столовском спецзале, примыкавшем к его кабинету, где в эти минуты обычно наводил последние штрихи на стол, убюристо уставленный яствами и многоствольными батареями бутылок, кавказец Володя, незаменимый человек по части доставать невозможное и ублажать самых привередливых. Проверяющие, казалось, только что ушами не придали, стараясь уловить, когда за стеной стихнет стук тарелок и прочей столовской фурнитуры, но все равно никогда не могли предугадать то всегда неожиданное мгновение, когда Пичугин, ведомый, казалось, наитием, озарением свыше — ибо никаких видимых и слышимых сигналов к нему явно не поступало, — вдруг скромненько произносил: «Ну, а теперь, гости дорогие, работа работой, а закусить надо, чем бог послал». И хотя Пичугин, как большинство современных материалистов, не верил ни в бога, ни в черта, а лишь умеренно интересовался экстрасенсами, небесный вседержитель, судя по убранству стола, склонен был смотреть на это сквозь пальцы и благоволением своим завбазой не оставлял, ибо посыпал ему почти всегда набор продуктов, прочно вошедших в разряд дефицитных. Тут были икорка всякая, колбасы разных сортов — балковая, салами, сервелат, вареная — из тех, что с запахом, а не с крахмалом, крабы, балычок, кета с севрюжкой и «зелень-мелень», раздобытая вездесущим Володей у земляков на городском рынке. В качестве завершающего удара было припасено фирменное блюдо Володи — жареный поросенок, аромат которого перебивал даже густо клубившийся в зале табачный дым.

Особо элитных товарищей Пичугин препровождал далее в загородную сауну, где состоявший при ней Володин приятель Тенгиз — огромного роста, столь густо заросший черными волосами, что тела его не было видно, проходился мощными, властными руками по разомлевшим телам начальства, чем окончательно вызывал в удостоенных человечецах благоволение.

И вот вся эта привычная, казалось, раз и навсегда отложенная жизнь катилась под откос, и непонятно было, как ее удержать, на какие жать тормоза. Пичугин не мог без сожаления думать о том, сколько сил, да и денег тоже, было потрачено на то, чтобы утвердиться, наладить нужные связи, добиться расположения разного начальства, сколько нервов помотала ему жена, недовольная то отлучками мужа, то вторжениями в их дом многочисленных и прожорливых гостей. И вот все летело неизвестно куда. Накатившие, совершившиеся помимо его воли, перемены вызывали в нем чувство бессилия и тихой, сосредоточенной ярости.

Дождь усилился, порывы ветра изредка взрывали учащенно дробный стук капель, забрасывали воду на подоконник. Пичугин с усилием поднялся, медленно подошел к окну, постоял, взглядываясь в пузырившиеся лужи, замершую из-за дождя жизнь на базовском дворе, и притворил раму. Сдаваться просто так он не собирался. В последнее время он не раз возвращался мыслями к четырем годам своей флотской службы, вспоминая особенно явственно учения под названием «борьба за живучесть» на их старой, еще военных лет подлодке. Он помнил, как его, тогда еще салагу-первогодка, поразила первая боевая тревога, бешеный стук каблуков разлетавшихся по отсекам матросов, задраивание люков, хриплые, отрывистые команды командира боевой части — настолько реальным, страшным казалось все это поначалу. И как потом привык к этому, считая такие учения едва ли не самыми главными во всей своей матросской жизни. «Вот она когда должна пригодиться, борьба за живучесть», — невесело хмыкнул он про себя.

Своим цепким, притягивающим взглядом Пичугин ухватывал теперь, как самые вертки — из тех флигелей, что всегда первыми подстраиваются под любой почин, — враз выучились новым словам, сыпали ими со всех трибун, поучали, поправляли — «вносили коррективы», как теперь было принято говорить. Пичугин считал себя не глупее самых шустрых и рассуждал, как ему казалось, правильно: раз он навострился, и неплохо, играть в старые игры, то и новые, поднатужившись, должен как-нибудь сдюжить. Мало ли было на его веку перемен, успокаивал он себя, а проходило время, стихал шум, оседала пыль, и все «устаканивались», как и не было ничего. Мозги надо шевелить, и вся любовь, говорил он себе все чаще. Это волк красных флагов боится, а тут надо идти вперед, с опережением графика. Это шевеление, помноженное на растущую тревогу Пичугина за свою судьбу, подталкивало его к тому, чтобы с утроенной энергией набрасываться на тысячи дел: звонить в десятки мест, проводить реорганизации, сокращать одних, набирать других, мотаться к начальству за одобрением починов и инициатив, объявлять трудовые вахты и месечники ударного труда в честь очередных праздников, доставать материалы и даже бородатых исполнителей памятников и мемориальных досок всяким городским знаменитостям, которые и открывались потом в торжественной обстановке при стечении народа и в присутствии районного, а случалось, и городского начальства. Хотя Пичугина несколько раз сдержанно хвалили наверху, ему все время казалось, что все это не то, чего-то главного, что могло бы убедить самых закоренелых скептиков, не хватало. Тогда приступы лихорадочной активности сменялись, как сейчас, апатией.

Правда, после вчерашнего собрания в его сознании смутно забрезжила одна мысль, которая, если ее правильно распорядиться, обещала многое. Он размышлял об этом ночью, крутил в голове и так, и сяк. Получалось — надо пробовать. Пичугин даже почувствовал легкий озноб, как охотник, вставший на верную тропу. «Если это провернуть,— подумалось еще раз,— тогда голыми руками меня не возьмешь».

«Ривкина ко мне», — громыхнул он в селектор Ирне, убирая пальто в шкаф.

...Накануне собрания желчно проребезжал телефон — звонили из треста. «Иван Иваныч, ты там проследи, чтоб все у тебя было в ажуре, в духе времени. Сам знаешь, сейчас писателей развелось тьма, растрезвонят тут же, если что не так. Скворцову выговориться, черт с ним. Подними народ на критику, пусть изложит все, что о тебе думает». В голосе нового начальника треста явно чувствовалась ироничная улыбка.

«Понял, понял, конечно», — привычно кивал Пичугин в такт солидно рокочущим начальственным мыслям о демократизации, думая в сердцах: «А ты-то сам о себе не хочешь послушать? Тоже небось много бы полезного узнал...»

«Ути, сверху все время интересуются, как мы перестраиваемся. Бывай». — На другом конце провода раздались короткие гудки.

Расстарался Пичугин с собранием так, как только

он умел, когда нужно было выложиться. Главное и самое трудное было, он чуял нутром, — дать чужим понять, что раскованность у него на базе полная, но сделать это надо так, чтобы их не напугать. Поэтому выступавших в прениях готовил сам, беседовал с каждым. «О себе я сам скажу, будь спок, а ты больше упирая на общие недостатки, — свистящим шепотом проговаривал Пичугин, железными пальцами разминяя локоть очередного намеченного для выступления. — Ну, и меня можешь слегка пнуть, все не без греха, знаю».

Старался Пичугин, как оказалось, не зря. Выступавшие выскакивали один за другим, звонкие, непримиримые, отчего каждый раз вздрогивал и растерянно поводил подслеповатыми глазами проверяющий из треста, высохший, с лицом землистого цвета, струхнувший поначалу из-за того, что попал, как ему показалось, прямо в грозовую атмосферу партийных дискуссий времен разгрома троцкистско-зиновьевского блока, которые он, судя по замшелому виду, еще мог смутно помнить. В своем выступлении Пичугин вылил на себя столько, сколько от него не слыхали за все предшествующие шесть лет. Он вспомнил многие свои прегрешения — из тех, конечно, о которых можно было говорить вслух, — собственную невоздержанность, редкие, как визит пришельца из другой галактики, заходы в шоферские курилки, детсад, который начали строить еще до прихода Пичугина и собирались продолжать, судя по всему, и после его ухода. В зале повисла мертвая тишина. Бухгалтер Сухачев, сидевший в задних рядах, сдвинул очки на лоб и оторвался от кроссворда, а участница Зинка и Клавка, потрясенные, отложили прошлогодний номер «Бурды», затрапанный до того, что глянцевые, намакианные лица манекенщиц потеряли всякий мелкобуржуазный лоск.

Вылез, конечно, Скворцов, запальчиво нес что-то про порочный стиль руководства, про старые, изжившие себя подходы, про недозволенные методы зажима критики. «Мели, мели, Емеля, — катал желваками сидевший в президиуме Пичугин. — Толку от тебя чуть». Скворцов и вправду народ не всколыхнул, к нему привыкли, он всегда говорил одно и то же, а главное, все никак не могли прийти в себя после Пичугина. Помалкивали на всякий случай, не лезли вперед, знали, что слухи слухами, а пока Пичугин здесь, тихим да покладистым он всегда навар в виде премии подкинет, а начнешь вякать, так может оставить и без штанов.

Последнюю точку в пренияхставил Ривкин. Этого готовить было не надо, за него Пичугин был спокоен. Явно целя в Скворцова, Ривкин загундосил, что критику нельзя превращать в анархию, что руководство, оно тоже не все может, ведь сколько зависит от каждого из нас, а сколько мы недодаем, сколько недорабатываем и что опять же он недавно попросил Пантелеева сделать лишнюю ездку, а Пантелеев ему в ответ такое отмочил, что он, Ривкин, не может воспроизвести это в полном виде. И обратно же, чтобы запчасти у Егорыча взять, надо собрать десять подписей, и пока их в мыле все соберешь, Егорыча уже и след простыл, набегаешься его искать. А как некоторые не так давно выражали недовольство ликвидацией пивного ларька рядом с проходной, он, Ривкин, хорошо помнит, и было бы хорошо, если бы об этом помнили те, кто выражал недовольство. Ривкин еще долго нудел в таком духе, превысив в два раза регламент, и довел народ до полного изнеможения. Пичугину даже на миг почудилось, что, если Ривкин не кончит держать речь сию же секунду, завтра половина присутствующих подаст заявление об уходе по собственному желанию. «Полезный кадр», — подумал он о Ривкине уже не в первый раз. После Ривкина проводивший из треста сразу успокоился и доложил вечером, что разговор на базе состоялся на редкость острой, самокритичный, принципиальный в основном благодаря правильной позиции руководства базой...

«Иван Иваныч, Ривкин здесь», — пропел сиреной в селекторе голос Ирэны, прерывая воспоминания Пичугина.

Илья Ривкин, медлительный и очень толстый, с вечно сонным видом из-за набрякших век, нависавших над маленькими маслянистыми черными глазами, осторожно, чуть посапывая, протискивался через дверь кабинета, стараясь как бы вовсе ее не отворять. На нем был светло-бежевый костюм, делавший его еще толще. Лиджак с трудом стягивался на животе единственной пуговицы, которая держалась непонятно как и, похоже, могла отскочить в любую минуту со скоростью, представляющей определенный риск для окружающих. Брюки чуть не трещали по швам на огромных жирных ляжках. «Эк тебя разнесло», — не удержался от недовольной мысли Пичугин. Но за неказистой внешностью Ривкина скрывался верткий ум и никогда не падающая в цене способность безошибочно уггадывать тайные помыслы начальства. На базу он попал года два назад после какой-то темной истории в облтогре, подробностей которой так никто до конца и не выяснил. Над ним поначалу потешались из-

за нервного тика, делавшегося особенно заметным, когда он волновался,— у Ривкина подергивались сначала брови, а потом уши. Но когда Пичугин поставил его начальником колонны вместо Светловидова, многие насмешники заметили, что в зарплату почему-то стали получать меньше, и шутки над Ривкиным как-то сами собой прекратились. С месяц назад из его колонны на несколько дней исчезло три грузовика. Пичугин пришел в ярость — только этого ему недоставало ко всем прочим неприятностям,— орал на Ривкина так, что дрожали стекла, обещал засадить. Ривкин, помимо вытирая пот с лысины и втягивая выпирающий живот, повторял в нос: «Разберемся, Ван Ваныч». Дней через пять он возник в кабинете Пичугина, торжественный и тихий, и вручил ему пятитомник модного теперь писателя. В одном из томов Пичугин обнаружил аккуратно сложенные четыреста рублей. Пичугин деньги вернул, хотя нужны они ему были позарез, и твердо понял, что с Ривкиным сработается.

«Здравствуй, Ривкин, садись,— проговорил он, ласково шевельнув белесыми бровями.— Ты что же это установки нарушаешь?»

«Какие установки, Ван Ваныч?» — Ривкин на секунду растерялся, не уловив подвоха в голосе начальника.

«Критиковать, невзирая на лица. Невзирая, пожалуйста... — с нажимом произнес Пичугин.

«Одни критикуют, другие работают! — Ривкин на всякий случай вильнул в сторону, не совсем понимая, что от него хотят.

«Нет, ты давай настраивайся на новый лад. Сказано критиковать, значит, критикуй, и вся недолга. А то, гляди у меня, я тебя в зарплату рублем ударю, а жена тебе дома добавит, покажет, как надо перестраиваться. Есть у тебя жена-то, Ривкин?» — Пичугин чуть улыбнулся сухими тонкими губами. Он знал, что переигрывает, но ему хотелось поддержать собеседника в напряжении.

«Есть! — безразлично протянул Ривкин, чуть шевельнув ушами.

«Вот видишь, и жена есть. А жены-то, они, знаешь...» — Пичугин остановил себя, почувствовав, что окончательно уходит в сторону, и шумно прокашлялся, словно в горле у него першило.

«Слушай, тут вот какое дело,— продолжал он совсем другим тоном.— Надо нам, понимаешь ты, провести выборы завбазой, чтобы все было чин чинарам. Вперед будем смотреть, понял?» В голосе Пичугина зазвучал привычный металлик.

За окном неожиданно проглянуло солнце, и в его лучах финский гарнитур в кабинете заиграл по-новому, значительно и в то же время умиротворяюще. Маслянистые черные глаза Ривкина остановились.

«Ван Ваныч, ну вы голова! Вот это ход, так ход! Да ваши недоброжелатели подавятся, а вас не проглотят. Да вас на трест надо ставить, не меньше!»

«Ну, будет тебе, будет! — улыбнулся явно польщенный Пичугин, пуская кольцами дым и подумав: «Не ошибся я в парне, на лету все ловит». А вслух продолжал, как командарм, диктуя диспозицию перед боем: «Займись этим сам. Собери человек пятьдесят, больше в нашу столовую не войдет, назовем их представителями коллектива. Отберешь их лично. Посмотри, кто квартиру только что получил, кто на очреди рядом, кто путевку ждет, кто горлопанам не поддакивает. Чтобы все пришли, скажешь каждому, что торт «Птичье молоко» давать будут, я Володю предупрежжу, он обеспечит. Приходить, мол, в субботу к одиннадцати с деньгами. Намекни, что будет еще один оргвопрос, минут на двадцать».

Ривкин завороженно следил за полетом мысли начальника. Вдруг по его лицу пробежала тень озабоченности.

«А Скворцов? — напомнил он.

«Скворцова я, — лежавший на столе кулак Пичугина скжился так, что побелели ногти, — в командировку отправлю. А вообще-то его пора на повышение, за границу, пусть готовят кадры развивающихся стран. Это им надо сбрасывать пути неколониализма, а он большой мастак советовать по этой части».

«Правильно, Ван Ваныч, — гоготнул Ривкин в нос. — Демагог Скворцов отпетый».

«Давай действуй, не теряй времени! — отрубил Пичугин, давая понять, что разговор окончен.

...Через неделю с небольшим, в субботу, в назначенное время собрались отобранные Ривкиным представители коллектива, толпились в раздевалке столовой, расплачиваются за «Птичье молоко», почему-то стесняясь глядеть друг другу в глаза. Бухгалтеру Сухачеву, начавшему шуметь, пришло напомнить, что на руки дают один торт. Отоварившиеся проходили в столовку, где соорудили некое подобие президиума, в котором уже восседал кто-то из треста и даже из районного начальства. Кандидатура Пичугина была единственной, которую предложил председательствующий Ривкин. «Может, есть другие кандидатуры? Отводы? Самоотводы?» — тщетно взывал он в зал. Собравшиеся молчали, поглядывали на часы, опасаясь, как бы не начало таять лежавшее у многих на коленях «Птичье молоко».

Пичугин был избран единогласно.

ШАХМАТЫ

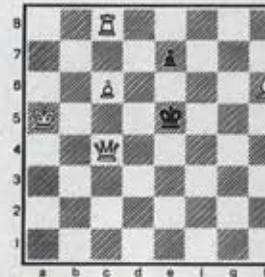
29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Экономия материала — основной критерий экономичности формы шахматной задачи. Экономичность материала распространяется на начальную и заключительную позиции задачи. В экономичной начальной позиции задачи все фигуры принимают участие в решении либо в создании идеальных вариантов, либо в устранении тех или иных дефектов (побочных решений, дуалей и т. п.). Именно художественным требованием экономичности начальной позиции обусловлен отказ от естественного для практической игры принципа материального равенства сторон. Следует подчеркнуть, что экономия материала не может быть оценена арифметически. Число занятых в задаче фигур зависит от сложности замысла и широты его воплощения.

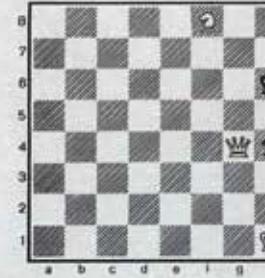
Восьмой тур

I

Белые: Kpb5, La7, Lc2, Sa2, Kc5 (5)
Черные: Kpa1, Lg3 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Krb5, Fc4, Lc8, Ch6, p. c8 (5)
Черные: Krc5, p. e7 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

III

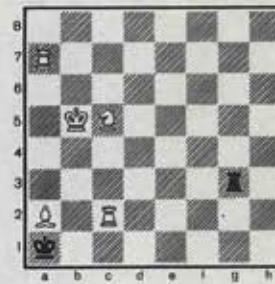
Белые: Kpb5, Cf5, Kd5, Kg3, p. c4 (5)
Черные: Kpd4, p. d6 (2)
Мат в 5 ходов (4 балла)

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ШАХМАТ ПУБЛИКУЕМ ПРОПУЩЕННЫЕ ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТЫЙ ТУРЫ.

Экономичность финальной (матовой) позиции задачи подразумевает участие в ней всех оставшихся на доске в результате проведенной игры белых фигур. Степень выполнения этого требования является одним из важнейших критериев технического совершенства композиции. С экономичностью финальной позиции связано понятие правильного матта, обязательными условиями которого принятые экономичность и чистота матта. Экономичность матта означает, что все белые фигуры, за исключением короля и пешек (виду их ограниченной подвижности), должны участвовать в создании матовой позиции — либо отнимая поля у черного короля, либо связывая препятствующие мату черные фигуры. Чистота матта означает, что каждое поле возле черного короля недоступно ему по единственной причине — либо атаковано одной белой фигурой, либо занято черной.

Правильные маты являются первоосновным элементом задач чешской школы.

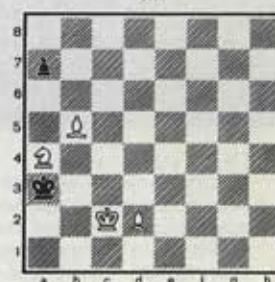
Девятый тур

Белые: Kpb5, La7, Lc2, Sa2, Kc5 (5)
Черные: Kpa1, Lg3 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Krb5, Fc4, Lc8, Ch6, p. c8 (5)
Черные: Krc5, p. e7 (2)
Мат в 4 хода (3 балла)

Белые: Kpc2, Cb5, Cd2, Ka4 (4)
Черные: Kra3, p. a7 (2)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания 8-го и 9-го туров присыпайте на отдельных открытках (без конвертов) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 8-й (9-й) тур».

Последний срок отправления писем (по почтовому штемпелю) — 15 ноября.

Алексей
НИКОЛАЕВ
Фото
Софья
СТЕЦКО

И ПОМНЯТ СВОЕ РОДСТВО

Пензене растут ели.

Капризные, привередливые создания, предпочитающие избегать многолюдных городских скоплений, чувствуют себя здесь превосходно: в скверах царит свежий хвойный сумрак, ухоженные зеленые пирамидки тянутся вдоль улиц над асфальтовыми тротуарами, не тяготясь таким соседством и придавая городу особый, совсем не оранжерейный — природный колорит. Чувствуешь, что поселились и прижились они Пензее не по принуждению, а по любви человека к ним. Говорю же это не ради лирического зачина — отсюда прямая тропинка к разговору, который тоже будет, в сущности, о любви.

История не дала пензенской земле

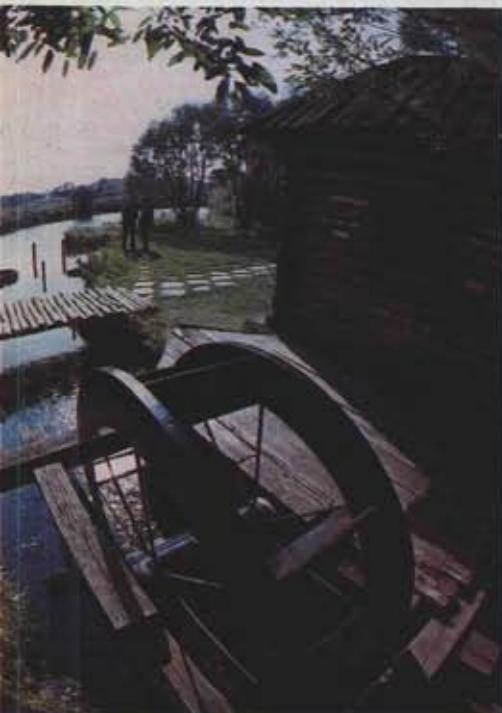
того, чем щедро одарила она Новгород, Владимир, северные наши русские края, — первоклассных памятников культуры. В самом деле, что знали мы до недавнего времени о таких памятниках да и вообще о культурной жизни на пензенской земле, кроме освященных великим именем, но не столь уж обильно посещавшихся Тархан, медленно становящегося на ноги музея Белинского или полузапущенного, потому как руки не доходили, музея в Радищеве? Ну была еще картинная галерея, ютившаяся под одной крышей с художественным училищем, да жил тишайшей жизнью областной краеведческий музей с непременным скелетом мамонта и заряженным копьем предка. Вот, пожалуй, почти и все, чем недавно еще держала культурный свой фронт Пенза. А ведь и теперь лежит она в стороне от

традиционных туристических дорог, отмеченных обилием именитых музеев, но слово «музей» стало сегодня в областном лексиконе одним из самых популярных, и произносят его так, как слово «море» в портовых городах.

Что же произошло за несколько последних лет на земле, которую по ведомству Министерства культуры именовали непrestижным «периферия»? Почему в центральной печати появился однажды и все чаще звучит новый термин «музейный ренессанс» применительно не к другим городам и весям просторного нашего Отечества, а именно к Пензе?

Начало этому феномену искать нужно в самой идее, выразить которую правильно будет всего лишь двумя, но весомыми и емкими в своем сочетании словами — воспитание историей.

Скажу сразу: идея не была безымянной. Принадлежит она человеку, который занимает теперь другой пост в столице, но его имя произносят как пароль всякий раз, когда речь заходит о пензенском музейном феномене. Говорю о бывшем тогда секретаре Пензенского обкома партии Георге Васильевиче Мясникове. Он начал и дал делу ход. Да, этот человек обладает особым пониманием проблем культуры, но, думаю, дело не только в этом. Сегодня многое прояснилось, и мы можем сказать, что главное достоинство руководителя состоит в умении предчувствовать требования времени. В «застойные», как мы говорим теперь, годы, когда слово «перестройка» не коснулось еще газетных полос, Г. В. Мясников был и, несмотря на все трудности времени, оставался руководителем но-

*По вечерам
в театральной гостиной
мемориального дома
В. Э. Мейерхольда
собираются любители искусства.*

*С лермонтовских времен
стоит в Тарханах
благовейная тишина.*

*Бережно хранят пензенцы
предметы старинного
крестьянского быта.*

*Экспонаты
для школьного музея.*

*Стоит в истоках Хопра
свой «памятный камень».*

В Музее одной картины.

вого типа: в работе он опирался на инициативу снизу, доверяя тем, от кого она исходила, причем независимо от званий и рангов. В кабинет секретаря обкома рядовой сотрудник музея входил так же просто, как и его директор. В этом кабинете не нужно было «выбивать» средства, стройматериалы, не говоря уж об идеях,— руководитель и его подчиненные делали одно дело. Дело же было задумано новое, серьезное, потому что в конечном счете речь шла о перестройке в культурной политике, хотя слово это еще не обрело в те времена государственного, общенонародного значения. Начинать же пришлось почти на пустом месте.

Рассуждали так: пусть не много на нашей земле исторических и культурных памятников, но есть историческая и культурная память. Появился девиз, ставший началом беспримерной пока работы: каждому славному событию, происходившему на пензенской земле, каждому человеку,циальному, жившему или добрыми своими делами связанныму с пензенским краем, должен быть поставлен свой «памятный камень» — музей или часть его экспозиции, монумент или обелиск.

Надо признаться, за долгие годы привыкли мы к разного рода кампаниям, начинавшимся, как правило, с громких лозунгов и решительных газетных призывов типа «Превратим наш край...», «Поднимем на должную высоту...». Дело же, задуманное здесь, началось вопреки «правилу» — с будничной и кропотливой краеведческой работы. Заговорили вдруг и поразительные открытия дали областные и столичные архивы; молчавшие долгие годы запас-

ники музеев обнаружили находки, о существовании которых не подозревали. История края, судьбы людей, с ним связанных, писались как бы заново, и казавшееся навсегда забытым ожидало, становясь фактом памяти. Но пока эти открытия и находки создавали фундамент новых задуманных музеев, они же оборачивались и основой решительной реконструкции старых.

Что нового, казалось бы, можно узнать о Лермонтове в канун XXI века? Тем не менее сотрудникам музея во главе с Валентином Павловичем Арзамасцевым удалось положить свой камень в представляющееся уже достроенным здание лермонтоведения. Но дело не только в этом.

Привыкли мы и, скажем так, свыклись, что мемориальных лермонтовских вещей в Тарханах очень и очень мало. Единичные же пополнения, как бы радостны ни были их находки, не в силах все-таки решить проблему полного преобразования музея столь почтенного возраста. Здесь нужен новый, качественно новый подход... Поезжайте в Тарханы сегодня, и вас встретит ошеломляющая — говорю по собственному впечатлению — экспозиция. Сделана она с применением новейших аудиовизуальных средств, и эмоционального ее воздействия не боишься переоценить, хотя знаком, пожалуй, со всеми нашими мемориальными музеями. Думаю, такие цифры, как 30 тысяч посетителей в год десять лет назад и 300 тысяч сегодня, — достаточное доказательство того, что впечатления автора не субъективны. Такова оказалась сила притяжения музея. Воротясь из Тархан, тотчас переселился я к книжной полке на стол все пять томов Лермонтова. Разумеется, читанного и в разные годы перечитанного... Лег рядом и том писем Белинского. А это уже — результат нескольких часов, проведенных в совершенно обновленном его музее. Здесь же есть над чем подумать особо.

Создать экспозицию такой впечатляющей силы о литературном деятеле, который — давайте в этом сознаемся! — не очень-то охотно читаем сегодня, особенно молодежью, было почти невозможно: ни ярких событий биографии, ни изобразительных материалов — вся жизнь в книгах, в трудах, в сочинениях, которые в музейном плане «опредмечанием» просто не поддаются. Но искали и нашли пути иные: в мемориальной и особенно литературной части экспозиции дана такая полная и объемная картина эпохи — целый пласт русской культуры, где фигура Белинского высыпалась и явилась столь таинственно манящей, что властно позвала одних к первому, других к новому знакомству с критическими его трудами и совершенно поразительными письмами... По-моему, это высший класс музейного творчества.

Но каким иначе классом оценить создание музея Александра Ивановича Куприна в селе Наровчат, где провел он всего лишь три первых года жизни и где экспозиция создавалась буквально на пустом месте? Магия музейного искусства так здесь сильна, что слово «экспонат» употребляя только для контраста со всем, что живет в этом доме. Едва отворяете дверь, по скрипучим половицам входите в сени, вас тотчас охватывает ощущение полноты тогдашнего уездного быта, чувствуете вы себя в том самом Наровчате, что, по слову Куприна, «стоит, забытый богом и людьми, ежегодно выгорая, среди плоской безводной и пыльной равнины» и который ребенку казался «богатым людным городом, броде Москвы, но несколько красивее, а вокруг шумели дремучие леса, расстилались непроходимые болота, текли широкие и быстрые реки»... И плавно дальше течет повествование о жизни человека, покинувшего этот край для долгих странствий по просторной России, идет, движется полная приключений, удивительная жизнь — российская слава, горькая эмигрантская судьба и позднее, слишком позднее возвращение...

Быть может, потому особенно сильно звучит в этом доме и трогает сердце его откровение: «Я люблю Россию и привязан к ее земле. Мне и моим писаниям она дает силу».

А чтобы как общенациональную русскую черту понять проникновенные эти слова, сверните по дороге из Наровчата в Мокшан. Здесь, в старом деревенском доме, где детские годы провел, а потом в разное время жил Александр Георгиевич Малышкин, трудами тех же пензенских энтузиастов, с тем же пристрастием к писанием, как и к земляку собиралось и это писательское гнездо. Побудьте в этом доме, побродите по окрестностям, и вы почувствуете: как же надо было любить эту землю, чтобы начать знаменитый роман такими глубоко личными словами: «Прости, прощай Мшанс!»

От Тархан и Белинского, от Наровчата и Мокшана через долгие черноземы много верст и в другую сторону, по обеим берегам речки Тютнья живет село Радищево. На пензенской земле его не миновать — и по священной памяти о том, кто «вольность первый проприцал» и потому еще, что нигде не узнаете вы столько о высокой трагедии судьбы писателя и пронзительной его книге...

Итак, пять мемориальных музеев русских писателей на пензенской земле. Пять музеев, по качеству содержания и, главное, конечно, по воспитательному своему воздействию достойных не областного — всенародного, общенационального признания. Казалось бы, можно на этом успокоиться, поставить точку и пожинать плоды собственных достижений. И, если уж говорить честно, основания для этого есть: в Пензенской области создана первая и единственная в стране региональная система музеев литературного профиля, отражающих важнейшие этапы развития русской литературы. Все это так. Но, видимо, не заслуженные лавры волнуют сегодня пензенских энтузиастов, потому, следуя их примеру, я не ставлю здесь точку... Передо мною книга, написанная местным краеведом Олегом Михайловичем Савиным, — «Пенза литературная». Открывал я ее, признаюсь, с сомнением, предполагая не редкий в таких случаях избыток областного патриотизма, но, перелистав первые страницы, не мог уже оторваться: какие тут имена!.. Ближайший друг Пушкина, поэт, критик, мемуарист П. А. Вяземский; «патриарх московских романистов», «русский Вальтер Скотт» М. Н. Загоскин; автор «Походных записок русского офицера» и «Ледяного дома» И. И. Лажечников; глубочайший исследователь древнерусской литературы и искусства Ф. И. Буслаев; здесь, в Пензе, находясь «под строжайшим секретным надзором», отбывал ссылку Н. П. Огарев и здесь же «председателем Пензенской казенной палаты» статский советник Михаил Евграфович Салтыков с 14-го января 1865 года вступил в должность... Блистательная история блистательной русской словесности! Можно ли глухим остаться к такому наследию! Нет, конечно, и потому каждому из них да и другим многим, мною не названным, поставлен на пензенской земле свой «памятный камень».

...В городском сквере, в окружении шелестящей листвы и свежей хвои ухоженных елей стоит на высоком гранитном цоколе бюст несравненного «певца-гусара». Прекрасный памятник! Но сказать хочется, что и он не восполнит достойной здесь поэта памяти. Ведь это его, Дениса Давыдова, слова: «Пенза — моя вдохновительница. Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принял»... И о другом помнят, не забывают пензенцы — как пятидесятилетний воин, «боец чернокурый с белым локоном на лбу» в их городе сражен был великой любовью, потому великой, что создала она один

из изумительнейших шедевров русской лирики:

Я вас люблю без страха,
опасенья
ни неба, ни земли,
ни Пензы, ни Москвы,—
Я мог бы вас любить глухим,
лишенным зренья...
Я вас люблю затем,
что это — вы!

О романтической этой, прекрасной истории, как, впрочем, и о других, не менее волнующих, связанных с помянутыми именами, которых вообще нельзя, а по пензенской «хватке» невозможно оставить за борт исторической и культурной памяти, рассказывать нужно в особом и особенном, я бы сказал, музее.

Сейчас, когда пишутся эти строки, создается большая историко-литературная экспозиция, посвященная писателям и деятелям отечественной культуры, связанным с пензенским краем. Размещается музей в центре города, в отлично отреставрированном, с учетом роста экспозиции, здании бывшей губернской гимназии. Однако, сказав об этом музее «особый» и «особенный», должен пояснить: помимо экспозиции, будет действовать здесь то, что называют пензенцы — на стационарный лад — литературной гостиной...

Как упоминалось в начале этих заметок, областная картинная галерея ютилась под одной крышей с художественным училищем; и хотя музы одни, никак не скажешь тут: в тесноте, да не в обиде — хватало того и другого. Но сложился уже к тому времени особый, пензенский, стиль отношений власти и культуры, и потому без всяких «пробиваний», проволочек, тяжб, уламываний разного рода учреждений и ведомств городской комитет партии предложил и отдал галерее собственное свое помещение, одну из лучших стационарных построек города — здание бывшего губернского банка... Говорить ли, что сам этот факт — пример правильного понимания культурной политики? А если уж говорить, то с добавкой: пример достоин подражания.

Итак, перебравшись в новое просторное здание, под новую крепкую крышу и со всеми, как говорится, удобствами, сотрудники озабочились в первую очередь — как сделать пензенскую галерею непохожей на все другие областные картинные галереи, да и столичные, впрочем, тоже... Лекторий? Периодические выставки из фондов? Передвижные, которые показывать можно в областных, районных и даже сельских домах культуры? Все это сделано, и все это действует. Но ведь такие примеры, хотя и единичные, есть и в других городах. Нет, пензенская галерея иметь должна изюминку пензенскую! И нашли!..

Медленно идет вы сквозь просторные анфилады, останавливаясь, рассматриваете холсты старинных и современных мастеров, но как бы ни были прекрасны произведения, не оставляет вас ощущение некой холодноватой академичности, которое в больших собраниях утомляет и подготовленного зрителя. Человеческому восприятию нужна как бы перемена эмоционального ритма, чего в традиционных галереях не предусмотрено... Но вот в стороне открывается вдруг проем и за ним иной, интимный и какой-то совсем домашний мир — мастерская художника: по стенам полки с гипсовыми слепками, стол с кистями, палитра, штабеля подрамников и повернутый к свету мольберт с незаконченным холстом, а то, что закончено, покоится на стенах... Мемориальный уголок русского художника и уроженца Пензы Константина Аполлоновича Савицкого...

И опять — академическая анфилада залов, и опять проем, а за ним снова интимный мир, с домашними, пожелтевшими от времени фотографиями в резных самодельных рамках, старые письма на столике, плюшевый потертый диван, вазы с кистями, палитры, этюдники, мольберт и картины, картины... Это

тоже музей в музее, и посвящен он другому знаменитому земляку — Горюшкину-Сорокопудову...

Четырнадцать холстов Аристарха Васильевича Лентулова — подлинное багатство Пензенской галереи. Что и говорить, о таком собрании этого мастера мечтать бы мог любой музей мира. Но как «поданы» в Пензе картины знаменитого земляка? Так же — мемориально, сопровождаемые тонко и умно сделанной историко-биографической экспозицией.

Несложное, казалось бы, и доступное дело, но какой особый, нетрадиционный и впечатляющий колорит, а я бы даже сказал, аромат дает такая «форма подачи»! И вот о чем подумалось тогда в Пензенской галерее: разве знаменитая наша Третьякова не в силах создать под новой своей крышей (в Лаврушинском переулке, конечно, а не на Крымской набережной!) мемориальную комнату Павла Михайловича Третьякова, и чтобы исходило от нее то же тепло живого присутствия человека, которому галерея и все мы стольким обязаны?..

Но вернемся в пензенскую реальность. Не буду рассказывать еще об одном детище сотрудников галерей — уникальному и беспримерному до сих пор Музее одной картины, — пресса, в том числе и наш журнал, отдали ему дань. Упомяну о другом.

Переехав на новую, так сказать, квартиру, сотрудники подумали, что пришло время, когда само понятие «музей» не может уже замыкаться в традиционные временные рамки — «от 10 до 17 часов», а там на ключ и до утра. Должно быть, сама атмосфера искусства, неакадемическая обстановка музея натолкнули на новую мысль... Словом, сегодня и пензенские и гастро-лирующие артисты за честь считают выступить в Зеленом зале галереи: монопектакли народного камерно-литературного театра «Голос поэта», вечера старинного романса, концерты хоров мало сказать идут с аншлагом — дело дошло до парадокса: устроители озабочены, как скромнее и тише рекламировать очередной вечер! А причина одна: едва ли и десятую часть желающих может вместить Зеленый галерейский зал.

Но...

Надеюсь, неизбежная здесь ложка дегтя не испортит бочку меда. А речь о том, что при всех очевидных достижениях, новых, нетрадиционных формах музейной работы ее энтузиасты испытывают неудовлетворенность; больше того — беспокойство. Беспокоит же их, увы, молодежная аудитория — она значительно меньше, чем того бы хотелось и чем, добавим от себя, это необходимо.

В музей, лекторий, на концерт камерной музыки или поэтический вечер старшеклассники, например, идут чаще всего «по программе», учащиеся ПТУ — уговорами своих воспитателей, студенты же — гости совсем здесь редкие. Почему же возник барьер, определяемый возрастной категорией, а проблема досуга молодежи ищет — и находит! — иной выход?

Оговорюсь сразу: речь пойдет дальше не только о Пензе — нынче это проблема всеобщая.

Пусть на первый взгляд и покажется это странным, но у музея, лектория, концерта, литературного вечера появился соперник — дискотека. И соперник грозный — я не преувеличиваю, потому что дело здесь не в симпатиях и антиподиях автора. Но разберем нашу посылку, как говорится, по пунктам.

Делая ставку только на дискотеки в нынешнем их виде, иными словами, на развлечение, руководители молодежного досуга идут по линии наименьшего сопротивления. Почему? Во-первых, для отчета дискотека — штука удобная: охват широкий и цифры впечатляющие. Во-вторых, при современной воспроизводящей технике устроить дискотеку в городе, районе и даже

селе — дело куда как простое. Вот проблема молодежного досуга, кажется, и решена. А так ли это на самом деле? Не влечет ли это за собой других, более серьезных проблем?

Вполне допускаю, что многие со мной не согласятся, но, думаю, несколько переусердствовала наша печать, создавая вокруг дискотек этакую бодро-благополучную атмосферу. Дело же стоит того, чтобы взглянуть на него глубже.

Как ни оборачивай суть проблемы, а признать придется, что дискотеки служат все-таки развлечению, а не воспитанию. Забываем мы и о том, что «досуг» и «развлечение» далеко не всегда синонимы. Если же задать себе вопрос, что объединяет молодежь в дискотеках, то ответить на него придется прямо: не мысли, не чувства даже, но эмоции. И тут хочется поставить вопрос иначе: общность эмоций, надежная ли это основа для воспитания?

Хочу, однако, заранее, с упреждением, так сказать, отнести возможные упреки в том, что автор сущает краски и делает слишком далеко идущие выводы. Хочу, чтобы поняли меня правильно. Я далек от мысли, что если, скажем, человек совершил преступление, то причину нужно искать в том, что в детстве и отрочестве ему «недодали» Пушкина и Моцарта. Но то, что Пушкин и Моцарт, своевременно войдя в человеческую жизнь, преступным наклонностям не способствуют, берусь утверждать, совершенно не рискуя ошибиться. Только так автор надеется быть понятым.

Возможно, эти замечания ведут к другой теме, но опять-таки, чтобы избежать кривотолков, должен уточнить, что в большей мере адресованы они руководителям молодежного досуга — им прежде всего, потому что именно они частенько оказываются в незавидном положении заискивателей перед своими подопечными: хотите танцевать, мальчики, — танцуйте, хотите «балдеть» — «балдайте». Но ведь проблема досуга молодежи гораздо серьезнее ее времяпрепровождения. Это проблема личности и судьбы. А каковы посев, таковы и всходы...

И уже слышу, слышу сакраментальное: а что предлагает автор? Отменить или, как это бывало прежде, запретить дискотеки? Глупость, конечно, и дело здесь, повторяю, не в симптиях и антитипиях автора. Но, думаю, параллельно с теми же дискотеками должны существовать клубы с иным идеальным содержанием. Речь здесь должна идти о приобщении к прекрасному, а в конечном счете о воспитании.

Продолжу примером, который сразу приходит в голову. Почему, скажем, на той же улице не подыскать подходящего помещения, где звучали бы диски с записями, скажем, Шаляпина, Собинова, Неждановой? Могут возразить: «не пойдут», «не поймут». Но ведь нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что не вся поголовно наша молодежь увлечена роком, — просто получается так, что ей оказывается больше внимания, которого, кстати сказать, достойна и другая ее часть. Смею уверить, не только уж она малочисленна.

В каждом городе есть коллекционеры — люди, которые могут не только предоставить диски или магнитные записи, но и рассказать о тех, кто потрясал мир своим искусством. Ведь понимать и даже чувствовать искусство учат так же, как письму и арифметике. А изобразительные материалы, слайд-фильмы, наконец, и аудиовизуальные программы, с таким успехом применяемые в пензенских музеях, — все это сделает свое дело. Нет, я не обольщаюсь на этот счет, уверен, что больше ребят будет ходить на рок, чем на Шаляпина и Нежданову, так ведь это не вся молодежь. А начать надо. Речь о том, какие плоды нам пожинать, и потому позволю себе здесь маленько отступление.

Вспомнилась одна из телепередач «А ну-ка, девушки!», обернувшаяся, пря-

мо сказать, конфузом. Ни одна из участниц, — а было их, кажется, десятка два, милых девушек, — не смогла «угадать» на пластинке голос Шаляпина. Да, да, неповторимый этот голос, который, казалось бы, с пеленок должен быть на слуху каждого!.. Смущен был даже никогда не теряющийся ведущий.

Что это, издержки воспитания? Конечно. Но, пожалуй, дело оборачивается новой молодежной проблемой. Не последнюю роль сыграли здесь, думается, те самые «облегченные формы» (назовем их так) молодежного досуга, которые активно, изо всех сил помогают забывать наше прошлое, даже в таких высочайших его проявлениях. Горько признаться? Что поделаешь — так оно и есть.

Вернемся, однако, от грустного отступления в сегодняшнюю реальность. А она такова, что время влечет за собой перемены во всех сферах жизни, так что, кажется нам, настал пора и руководителям молодежного досуга всерьез подумать о перестройке и на своем фронте. Правда, для начала нужны не формальные решения, а любовь к делу и вера в его необходимость. И в этом смысле, чтобы развеять сомнения, — если такие возникнут, — стоит приглядеться к опыту работы пенизенских музеев. Хотя бы вот этого.

Создан он недавно, в мемориальном доме В. Э. Мейерхольда, но называется теперь театральным, потому как экспозиция разрослась и представляет собой эффектно поданную историю театрального дела пензенского края — от истоков до сегодняшнего дня. Музей любит, заслуживает самых высоких похвал, отдаем им ему. Но речь о другом — о том, что происходит в нем после традиционных музейных 17 часов.

Есть там зальчик, стульев на шестьдесят, и стоят-то они как придется, чаще тесным кружком, потому, видно, и зовется он театральной гостиной... Как гостей, встречающих в тот вечер заведующую музей Наталья Аркадьевна Кугель пензенскую молодежь — старшеклассников, ребят из ПТУ, студентов, молодых рабочих и среди них троих парней, вернувшихся недавно из Афганистана. Стульев гостям оказалось мало, хотя ни афиши, ни объявлений по городу — две строчки в газете: «В 18 часов в музее театра состоится встреча молодежи с ветераном войны актером областного театра А. П. Красновым».

Крупный, седой, в притемненных очках с толстыми стеклами, сидел он в тесном кружке гостей, и была рядом с ним седая женщина, которую звал он Машей. Свет притушен был по-домашнему, и по-домашнему совсем пошел разговор. Не рассказывал Александр Петрович Краснов о том, как шли на запад полки, дивизии, армии, а начал так:

— Воевал я, ребята, мало.

И рассказал, как после училища, лейтенантом, попал сразу на передовую, потом в медсанбат, а очнувшись, больше всего поразился тому, что после месяцев окопов увидел... электрическую лампочку. Дальше рассказал Александр Петрович, как санитарный эшелон, в котором лежал он, контуженный и с перебитой рукой, шел на восток и на несколько часов остановился — надо же такое! — в Пензе, на дальнем каком-то пути... А в Пензе были мама и девушка Маша, и всеми правдами и неправдами раненый лейтенант умолял главврача оставить его в пензенском госпитале. «Помнишь, Маша, в школе он был, на Володарского?..» Она кивает в ответ, а я вдруг представляю себе, как в драных, военной поры валенках бежит Маша каждый вечер после работы вверх по улице Володарского — привычной дорожкой в госпиталь, и такое у меня чувство, что картина эта сейчас перед глазами всех здесь собравшихся, и вижу, как слушают ребята простой, без громких слов рассказ о прошлом, которое как будто нас и не покидало, и как-то само собой

выходит, что сидит с нами уже не Александр Петрович Краснов, а дядя Саша, а те трое, высоченные, плечистые ребята, — «мальчики, вернувшиеся с войны...» И ставит кто-то на старый музейный патефон тех, давних лет пластинку, и, проваливаясь, боксуса на заезженных дорожках, звучит негромко, с хрипотцой «Темная ночь», «На позицию девушки...», а потом и о землянке поет старый патефон, о той самой, от которой до смерти четыре шага... Голубят, синек, темными совсем становятся окна, и все реже за ними рев машин большого города. И кто-то тихо, как будто тоже вспоминая, говорит:

— А знаете, средняя продолжительность жизни лейтенанта, выпущенного из училища в сорок втором, была девять дней...

И притихли все разом, словно грузом тяжким легли слова в души сегодняшних ровесников тех лейтенантов, и после тишины ответом вошел в молчание тихий звук струны, — один из вернувшихся оттуда пел, как это было там вчера. Взял за ним гитару парнишка, зеленый совсем парнишка из пензенского ПТУ, и «для дяди Саши», для ребят-афганцев, спел незамысловатую свою, но от сердца идущую песню. И когда пел он, казалось, что все мы здесь, в тесном этом зальчике, — одно сообщество, одно сотоварищество...

Таким запомнился мне вечер в пензенском музее театра. А вот теперь подумал я, что все могло быть иначе — как это бывает, и бывает часто... Выходит на сцену «ответственный» — молодой, в отутюженном костюме, встает на трибуну и гладко, казенно говорит «о преемственности поколений», «представляет слово нашему уважаемому и горячо любимому», и заканчивается «мероприятие» в назначенный час, расходятся мальчики — «зрители», «посетители» — по домам, а утром где-то лежит в зашнурованную папку на машинке отпечатанная страница, где следы от этого «мероприятия» вспыхивают «галочками», а дни через два в молодежной газете под заголовком «Связь поколений» побегут те же слова, что отговорены были с трибуны...

А тут ни трибунных слов, ни аплодисментов, потому что о святом совсем не обязательно говорить громко и силу слова силой звука не подменить. И потому еще, что вложена в дело не энергия только, но и душа. А это — главное.

Но подумал я вот о чем. Не покажется ли странным читателю, что, начав с музеев, с воспитания историей, перешел автор совсем к другой теме? Думаю, не покажется: речь о том же воспитании историей — историей седой старины и той, что на памяти поколения. Только о новых его формах, которых требует время.

Сознаюсь, здесь закончил я заметки, но, поставив точку и перечитав написанное, вижу, что не сказал о самом, быть может, главном — о том, что пензенский музейный феномен не цель, а средство, потому что эстетические категории оборачиваются в конце концов социальными. Научившись смолоду любить свой край, историю его и культуру, человек будет любить его всю жизнь. А это тот самый корень, который держит его на земле. И, думаю, нужны специальные исследования, чтобы понять, почему население Пензенской области — и в городе, и в деревне — остается в последние годы стабильным. Почему ребята возвращаются после армии к родному порогу. Почему не велик среди пензенской молодежи процент не помнящих родства и кочующих по стране за длинным рублем летунов. Почему, окончив Пензенский пединститут, молодой человек за честь считает работать в сельском музее рядовым экскурсоводом, но на своей земле... Надеюсь, когда-нибудь специальное исследование и статистика прольют и на этот феномен научный свет. Подождем. Но не последнюю, думаю, роль сыграло здесь и то, о чем рассказано: воспитание дает человеку корни.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПЕТУЧКА

ВАШЕ МНЕНИЕ?

В традициях «Смены» постоянно поверять и корректировать свою работу письмами читателей. Живому, честному письму, затрагивающему общественные проблемы, всегда найдется место на журнальной полосе. Письма журнала — это неиссякаемый источник тем и адресов для наших корреспондентов.

Итак, мы хотели бы знать ваше мнение, дорогие читатели, по следующим вопросам:

1. На какие моменты из жизни и деятельности комсомольских организаций журнал должен обратить пристальное внимание сегодня, в условиях перестройки, после XX съезда ВЛКСМ?

2. Какие из молодежных инициатив заслуживают того, чтобы о них рассказал журнал?

3. Назовите адреса трудовых кооперативов, в которых активно и плодотворно трудится молодежь.

4. Что значит, на ваш взгляд, заниматься самообразованием в наше время?

5. Какие из проблем, стоящих перед обществом, перед молодежью, заслуживают особого внимания журнала?

Просим вас ответить и на вопросы, связанные с содержанием и внешним обличием нашего журнала:

1. Нравится ли вам оформление журнала?

2. Назовите ваши любимые рубрики и наиболее понравившиеся публикации этого года.

3. Какие из поэтических подборок были, на ваш взгляд, удачными, а какие остались чувством неудовлетворенности?

4. Как вы отнеслись к тому, что в журнале резко увеличились количество полос, отводимых под прозу, стало публиковаться больше крупных произведений? Поддерживаете вы это начинание редакции или оно вызывает у вас возражения?

5. Кого из писателей, поэтов, журналистов вы хотели бы видеть среди авторов «Смены»? Какие новые рубрики можете предложить нам?

Всех, кто примет участие в нашей летучке, просим рассказать о себе:

Фамилия, имя, отчество

Возраст, место жительства

Кем работаете?

Подписываетесь вы на «Смену» или читаете журнал нерегулярно?

До встречи на страницах журнала! 15

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

**Григорий
Касперович:**

АРМИЯ ДЕЛАЕТ ВЗРОСЛЫМ

•Ростались мы тогда с бабушкой у ворот училища, закрылись они — и я словно в другом мире оказался. И хоть готовился к такой перемене, трудно было сразу в незнакомой обстановке не стушеваться. Повели нас вначале на врачебную комиссию. Осмотрелся вокруг и вижу, что я здесь не самый хилый, подустохся слегка. Доктор каждого долго и придирично осматривал, голос у него из-за двери довольно суровым казался, и я вновь тревожиться начал — а ну как не возьмут в суворовцы и придется нам с бабушкой домой в Ригу возвращаться. А у них форма такая красивая...

Назвали мою фамилию, протиснулся я в дверь бочком, взглядом с врачом встретился и понял, что чем-то ему сразу приглянулся. Заканчивая осмотр, он громко, чтоб все расслышали, сказал: «Ну, этот точно будет генералом». И я ему тогда безоговорочно поверил — он же знал, что говорит. Все резко поверил, по-взрослому. Сразу и навсегда. Отглянулся порой назад — получается, что тридцать лет пытаюсь я доказать человеку, чье имя даже узнать не догадался, что он во мне не ошибся.

Генералом Григорий Касперович стал в 39 лет. Сам он, впрочем, жестких сроков в получении именно этого звания себе не устанавливал. Просто однажды сделал в жизни выбор и пошагал к намеченной цели, еще не зная, что сама жизнь не раз заставит его вновь и вновь оказываться на распутье.

— Армия к самостоятельности прививает, к ответственности за самые, казалось бы, незначительные поступки. И взросление там раннее. Первый мой, детский еще выбор, может, и не вполне осознанным показался, но сделать его за меня некому было — я ведь без родителей рос. Попросил бабушку в училище меня отвезти — она отговаривать не стала. Приехал, увидел и понял — мое. Все мое — и дисциплина, жесткая порой, и порядок, в главное — порядочность. Мы все в тумбочках держали — и письма личные, и деньги, и часы, у кого они были. И чтобы кто-то взял чужое... Если бы сегодня у меня спросили, с кем я хочу пойти в разведку, я бы назвал весь наш выпуск 1963 года.

В том же 1963-м предстояло выбирать — что дальше? Военное училище? Но командир — призвание, не профессия. И попробуй в 18 лет определить, твоё ли оно. Поехал, к примеру, Касперович в Ростов, в артиллерийское училище поступать — хотелось еще и специальность приобрести, которая не только в армии могла бы пригодиться. Подал документы, начал активизироваться в обстановку и вдруг увидел — не то. Может, потому, что суворовцев с ним поступало не много?

Вернулся в Орджоникидзе, там говорят: раз сам выбрать не смог, жди, что

ЬИЙ"

мы тебе предложим. Две недели от отпуска у Касперовича еще оставались, и он укатил в Москву. В столице все окончательно решила встреча с однокашниками: Общевойсковом училище имени Верховного Совета РСФСР нашлось немало орджоникидзевских суворовцев прошлых лет выпуск. Им там нравилось, а этим ребятам верить было можно. И еще в том училище отличные были условия для занятий спортом.

— Из нас, суворовцев, кое-кто любит делать «детей без детства» — якобы мы в раннем возрасте каких-то радостей недополучили. Когда все дети во дворах в лесочинце играли, мы по плацу, как стойкие оловянные солдатики, вышагивали. Да заглянули бы эти не прошеные сострадатели к нам за забор. На спортгородок, к примеру. Что там на всевозможных снарядах творилось! А с мячом мы, по-моему, вообще сутками возиться готовы были — когда от футбольных баталий круги перед глазами иди начинай, переходили на волейбол, гандбол сменился у нас баскетболом. Игра игрой, но уже тогда я понял, сколь много значит физподготовка в армейской жизни. И как важен здесь личный пример командира.

Всезде, куда бы ни забрасывала пром Григория щедрая на перемены месть армейская судьба, руководимые им подразделения сослуживцы очень скоро начинали именовать спортивными. Свои первые взвод лейтенант Касперович принимал в Заполярье, будучи всего-то на 4—5 лет постарше тех насмешливых ребят, которые подчеркнуто стояли перед ним на вытяжку. — А ну-ка, что ты умеешь? — говорил озорной огонек в глазах каждого в этом строю. И личный пример, на который будущий генерал делал такую большую ставку, не выдержал первого же испытания. Выяснилось, что Касперович был не слишком искусенным лыжником-гонщиком.

То есть с горок он, конечно, скатывался и даже не всегда при этом падал, но вот на равнине угнаться за своим заполярным взводом на первых порах никак не мог. Но и допустить, чтобы в спорте кто-то его на пирожке побовал, тоже не мог. И хоть полярная ночь не лучшее, наверное, время для отработки лыжной техники, другого времени у Касперовича не было. Днем все шло своим чередом — учебные занятия, уставы, строевая. Здесь лейтенант был на высоте. А ночью с яростью штурмовал сопки. И когда в один прекрасный день Касперович вдруг «покатил», взвод окончательно признал молодого командира.

Признал и потянулся за ним. Пройдет несколько лет, и уже рота, возглавляемая Касперовичем, дважды подряд возьмет первый приз ЦК ВЛКСМ на зочных Всеармейских соревнованиях лыжников-зоинов. Ради той, первой своей роты командиру пришлось пойти на жертвы — он ведь, отдавая приказания взводу, еще успевал — непонятно только, когда — играть в гандбол за СКА Ленинградского военного округа.

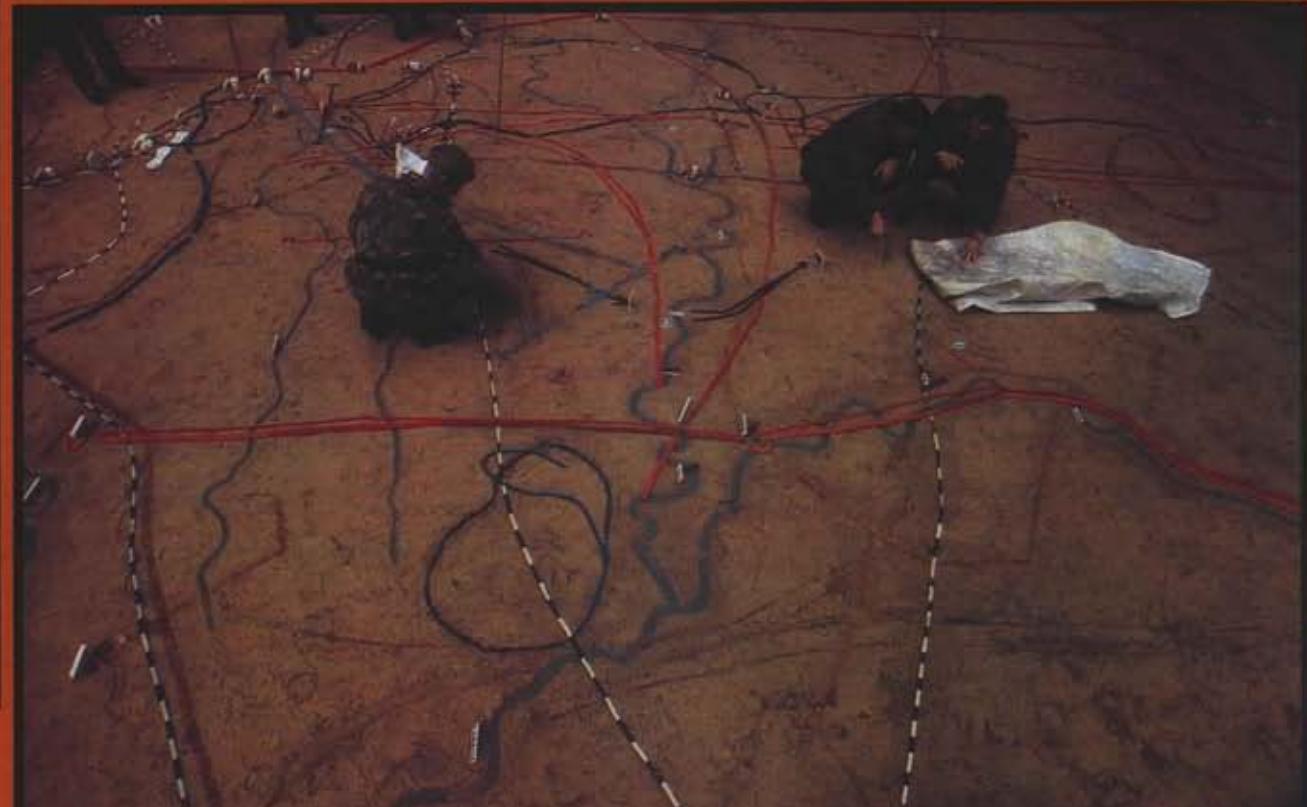
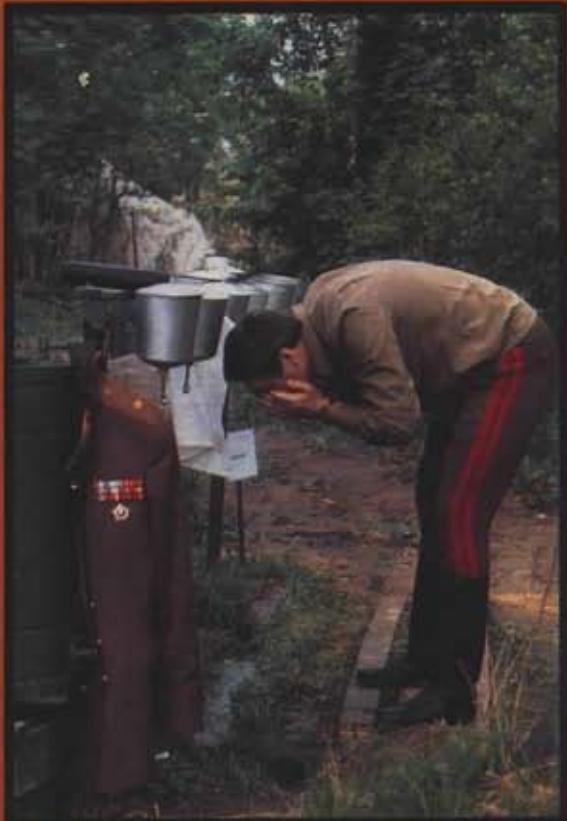

Армейская дисциплина одна для всех.

Командный пункт — рабочее место генерала.

Утро в полевых условиях.

Учения на пересеченной местности.

И довольно долго раздумывал над предложением командования — роту через год после училища далеко не каждому дают, но и в гандболе тренеры ему немалые перспективы сулили. Выбрал роту, вывел из хорошей в отличные, вновь был вызван к начальству и, выходя от него, горько жалел об оставленном ручном мяче.

— Раз, говорят, все у тебя так удачно получается, бери-ка ты другую роту, отстающую, и выводи ее в передовые. Желательно поскорее. На «гражданке» это, может быть, и как просьба бы прозвучало. А в армии — приказ. До меня на той роте три командира сменились, но дела никак не налаживались. Удивило меня такое, с позволения сказать, «доверие». Подумал даже: а стоило ли из-за этого от гандбола отходить? Я, может, в ЦСКА уже бы играл, а тут совершенно неуправляемый народ подсовывают. Даже доктора своего, «прорицателя», горячая и досада, вспомнил — куда тут, думаю, предсказания его насчет генерала оправдывать, когда ты всего-навсего старший лейтенант, а тебе уже крылья режут.

Про трудноуправляемый народ Касперович без особого преувеличения говорил. В те годы немало людей оказались в армии, отбыв уже сроки наказания за различные преступления. В воинских подразделениях они зачастую держали себя вызывающе, пытались иногда демонстративно не подчиняться приказу и, что хуже всего, стремились склонить внутри заводов и рот свои группы. И одними лишь наказаниями бороться против таких лидеров было едва ли разумно. Но как еще?

— Об этом я и подумал, когда немного поостыл. Неужели, думаю, кто бы вы там ни были, вы меня сильнее? И что, вас ничем увлечь нельзя? Раз уж вожаки сами определились, новых им решил не навязывать. Вот только как старых-то, уже, казалось бы, отпетых, в другое русло повернуть? Для начала я их нагрузил — в полном, почти предельном объеме, так что они у меня сразу стоять начали. А я в ответ на это недовольство говорю, что это, мол, еще не вечер — мы скоро самбо для нагрузочки начнем изучать. Только занятия эти дополнительными будут — для тех, к кому по основным воинским дисциплинам замечаний нет. Они, по логике, еще больше зароптать должны были, но тут моя идея — их, к сплошным наказаниям привыкших, оказывается, поощрить могут — на все сто процентов сработала. Не сразу, конечно, но постепенно пришли они к взаимопониманию. Жалеть о своем назначении я и думать забыл. Впрочем, и некогда было — с подъема и до отбоя мы друг другу проверки на прочность устраивали. И большей частью выдерживали их.

Еще мне здорово помогало, что все они честолюбивые были, и, стоило только это качество чуть-чуть подогреть, горы, не то что солики свернуть могли. Поэтому и на любое соревнование подбить их можно было, даже на то, к которому они в данный момент явно не готовы. Проигрывают, а я опять тут как тут: а говорили, мол, что вы самые сильные... И они зубы сожмут, но в следующий раз выигрывают. Где угодно побоят — и на спортивной площадке, и в учебном бою. С такими людьми работать во сто крат легче, чем с равнодушными. А то призываются парень в 18 лет — и уже с брюшком. Как же, спрашиваю, не стыдно тебе — в такие-то годы. А он стоит и благодушно так улыбается — подмаешь, животик, было бы из-за чего шум поднимать. И пока его из этого состояния безразличия к самому себе выведешь, сколько усилий приложить нужно...

Безразличия к службе Касперович не прощает никому. Не хочет и не может он понять тех, кто старается два своих армейских года просуществовать по принципу «не высовывайся», тихо считая месяцы до увольнения в запас.

Сам готов возиться с солдатами от зарядки до вечерней поверки, но и отдача требует тоже по максимуму, на компромиссы не идет. Ни с подчиненными, ни с начальством. В академию Генерального штаба, к примеру, мог значительно раньше поступить, да кто-то «наверху» счел его «из молодых да ранним» — и так, мол, в неполные тридцать лет с роты на батальон перепрыгнул, да и одна академия к тому моменту у него за плечами уже была — имени М. В. Фрунзе. Пусть подождет, должен же чувствовать, что не пришло еще его время.

Но он-то как раз считал, что живет в свое время, — армия, она ведь не только солдата рано делает взрослым. И если ты нашел отпущенное тебе судьбой призвание — не рано, вовремя нашел, — чего еще ждать?

— Когда подполковником меня в академию не послали, я к этому довольно спокойно отнесся, хотя ссылки на молодость и неопытность всерьез принять не мог — успел к тому времени и в Группе советских войск в Германии, и в Сибири послужить. На вторую свою академию я настраивался и знал, что она от меня никуда не уйдет. Оглядываясь назад, с сегодняшних позиций, смело могу сказать, что и тогда бы на роль слушателя потянулся. А не расстроился потому, что мне очень интересно было служить в Сибири.

Интересно, по Касперовичу, — это опять от зари до зари. Это беспрестанно ставить новые задачи перед собой и подчиненными и во что бы то ни стало их добиваться. С женой Татьяной они были знакомы еще со времен суворовского, поженились в Заполярье — она знала, на что шла. Но в Сибири в семье было уже двое детей...

— Дочь у меня за время учебы семь школ сменила, сын, шестиклассник, уже в четвертой учится. А каждое новое место — это и другой, сложившийся уже коллектив, и мне ли не знать, как трудно в него вживаться. Да и педагоги разные бывают, на хороших нам, к сожалению, везло меньше — по мне тот, кто ребенку в дневник жирную двойку ставит, если он простой карандаш дома забыл, не воспитатель. Отбить охоту к учебе просто, пробудить потом эту охоту куда как сложней. Юля, правда, не разочаровалась в учителях, на первый курс Всесоюзного заочного педагогического института поступила — хотела бы, конечно, на дневной, но не удалось... По молодости, увлеченный делом, всех этих бытовых трудностей вроде и не замечаешь и начинаешь как бы заново оглядываться вокруг себя, только когда вырастают дети...

После Сибирского округа Касперович ровно двадцать четыре месяца служил в Афганистане — никто из побывавших в ДРА никогда не скажет вам «два года». Первой боевой операцией прислал руководить спустя десять дней после прибытия в страну.

— Там я окончательно понял, кого и зачем готовил всю свою армейскую жизнь. Я командовал Людьми с большой буквы, солдатами, какими всегда мечтал их видеть. Туда я взял бы многих из моих прежних сослуживцев, но жизнь сама выбрала мне партнеров, в которых я верил, как в самого себя. Учебных боев было значительно меньше настоящих.

Там жизнь проверяла нас по самому строгому счету. Цена небрежности, ошибки — ранение, смерть. Там каждый — на переднем крае, за чужую спину не спрячешься. И все равны перед лицом опасности.

К примеру, в условиях боевых действий я ни разу не сталкивался с проявлением неуставных взаимоотношений — эти явления, к великому сожалению, не изжиты еще окончательно в нашей армии. В Афганистане у нас не было «дедов» и «ветеранов» — были бойцы. Как бы ни уставали мы на маршах, каждый без лишних слов всегда готов был отработать за товарища.

Причем не только друга способен был подменить — замещал, когда того требовала обстановка, и командира.

Там же, в ДРА, я подумал, что потенциал младших командиров мы используем далеко не в полной мере. Были у нас, скажем, сторожевые посты — маленькие самостоятельные гарнизоны в составе отделения. Командовал таким постом сержант, и любо-дорого было смотреть, как он без всякой мелочи опеки и подсказок со своим делом справляется. Возможно, то были экстремальные ситуации. Но ведь и в обыденном армейском быту, посмотрите, иной сержант и с ротой в качестве старшины успешно справляется, и склад воинский в образцовом порядке содержит. И почему, скажите, у нас на этих должностях прaporщики стоять должны? Прaporщик — техник роты или начальник радиостанции — это специалист, дальний помощник командира, а прaporщик-писарь или завскладом — это, извините, любитель легкой жизни, можно, оказывается, и в армии себе такую устроить. Универсалы нам, конечно, нужны, но прежде всего, считаю, необходимо быть всегда специалистом в своем деле и на своем месте.

Солдатами же своими я и до сих пор не устаю восхищаться.

Вспоминаю, как уничтожали мы банду душманов в горном районе. Шли колонной, и вдруг последняя машина подрывается на мине. А бой со всех сторон идет, обстановка постоянно меняется, и потерю мы заметили, когда отошли уже метров на 500 от того злополучного места. Смотрим — машина от взрыва набок завалилась, люк придавило, и ребята наши даже выйти не могли. А душманы, поливая огнем, уже к ним подбираются. Что делать? И тут вырывается из колонны другой транспортер, подскакивает к поврежденному, останавливается, выпрыгивает из него водитель и под ураганным обстрелом раненую машину к своей цепляет и из-под огня выводит. Один, представляете — один! — против скопища врагов и, казалось бы, на верную смерть обреченный. Я долго потом, когда банду уже разбили, смотрел на него и все не мог понять, как ему такое удалось. Стоит богатырь — маленький, щупленький рыжеватый парнишка, — герой и смущенно как-то, по-детски улыбается...

За двадцать четыре своих афганских месяца Касперович лично вручил многие сотни боевых наград. Документов наградных, впрочем, отсыпал он гораздо больше.

— В мирной жизни мы бы, наверное, назвали это волокитой, бумаготворчеством, бюрократизмом, наконец. Но какие слова можно подобрать для того, с чем я сталкивался в Афганистане?

Представляете, раненый наш солдат продолжает вести бой против наседающих душманов, заставляя тех в конце концов отступить. И пока оформление его награды все инстанции проходит, успевает и из госпитала выписаться, и новый подвиг совершить. Я его — вновь к ордонну, а мне говорят — подождите, предыдущий-то еще в пути где-то, к чему такая спешка? Сколько ему служить осталось? Успеет, успеет еще свое получить. И слышать это приходилось от людей, в чьей компетенции не решение, а лишь оформление находится. Бороться-то я, конечно, с ними боролся, но пробить эту глухую стену, это окостенение, зачерствелость душ удавалось мне, к сожалению, далеко не всегда.

Или, скажем, каждый боевой эпизод вдруг муссируют начиная — а достоин ли? У меня, к примеру, командир разведроты чуть не каждый, подчеркиваю, каждый день со своими солдатами в бой вступал. И ни единой потери. Вот кого награждать-то надо — за высочайшее воинское искусство, за сохранение жизней человеческих. Это и есть самый

настоящий подвиг. Но подвиг... не предусмотренный, оказывается, наградным статусом.

Недавно в Москве, в академии Генерального штаба, где Касперович сегодня — слушатель второкурсник (от него, похоже, действительно ничего в этой жизни не уходит), произошло радостное событие — гвардии полковнику вручили орден Красной Звезды, заслуженный им при исполнении интернационального воинского долга. И счет награде — афганский, на месяцы. Свыше полутора лет кочевали документы по инстанциям! Этот случай удивил даже привыкших к проволочкам офицеров, воевавших в ДРА.

Касперович как-то посчитал, сколько лет он просидел за партой. Вышло — семнадцать. А сколько за это время сдал экзамены... Жизнь не однажды проверяла его аттестаты — выдерживал, не гнулся. И не боялся испытаний, напротив, искал их. Вскоре, по окончании академии, предстоят новые. Он к ним готов. А пока учеба — это все-таки немного щадящий режим. Хоть самостоятельная подготовка и отнимает массу времени, домой все же успеваш попасть «до отбоя», проверить домашние задания у сына, узнать, как прошел день у дочери. Женя, к примеру, недавно впервые в жизни ходил с одноклассниками в трехдневный поход. Вернулся радостный, оживленный, переполненный впечатлениями и только никак не мог ответить на вопрос, почему умывальные принадлежности так и вернулись домой нераспакованными... У Юли — сессия, то есть идентичные с отцом заботы. Слушатели ведь — те же студенты, и в аудиториях шелестит порой шепотом подсказок. По-войскому — генерал генералу. И те же запарки, неразборчивые конспекты, шпаргалки... Или перехватишь чей-то отрешенно-мечтательный взор, обращенный в окно. О чем раздумья? Угадали, о каникулах.

— Как приедем в военный санаторий куда-нибудь, жена заранее оживляется: ну, сколько знакомых ты на сей раз здесь встретишь? И вправду, столько счастливых встреч на тебя всякий раз обрушивается — не потому, что мир тепен, а просто жизнь нас по всей земле мотает. И поднимаются в столовой тебе навстречу из-за столиков ребята — с кем в суворовском присланый из дома сухарь пополам разламывал, с кем в Заполярье одной шинелью в палатке укрывался, с кем в Афганистане под эхо дальних горных взрывов каждого утра зарядку делал. И вся жизнь, вся биография, вся служба вновь перед глазами промелькнет. Долгая, трудная и счастливая. И всех их разом обнять хочется, и слезы на глаза наворачиваются. А как вспомнишь тех, кто тебе навстречу не шагнет уже никогда... Но жизнь продолжается. Идет. И, знаете, обернешься назад — снова доктор тот пристальный и нарочито суровым взглядом на тебя смотрит. Интересно, что бы он мне сегодня сказал?

Подготовил
Сергей МИКУЛИК.

К ЧИТАТЕЛЯМ.

В нашей новой рубрике «Патриоты нашего времени», посвященной 70-летию Октября, мы рассказываем о людях, для которых революционные традиции — это не разговоры, а поступки, о тех, кто честно и на совесть делает свое дело. Комсомолец Николай Серов и рабочий Асхат Галимзянов, инспектор народного контроля Евгений Галкин, медсестра Алла Грязнова, учитель Георгий Сологуб, генерал-майор Григорий Касперович... Вы, дорогие читатели, можете продолжить этот список. Напишите нам о людях, которые заслуживают этого высокого звания — патриот наших дней.

ЮРИЙ ФАТНЕВ

■ Я устал. Я давно бы причалил...
Но, стараясь писать покрупней,
Начертал кто-то здесь без печали
Для меня: «Не бросать якорей».

Эти буквы на сером граните
Дождь не смоет. Нева не сотрет.
Так что вы меня в гости не ждите.
Дальше плыть мне по милости вод.

Дальше плыть. Вы решили разумно:
Не бывает чудес наяву.
Мимо радости вашей и шума
Я в безмолвье,

в безлюдье плыву.

Оказалось знакомство короче.
Не нашел среди вас я родни.
Но припомнятся белые ночи,
Если встретятся черные дни.

Будет весело мне или худо,
Может, встретится берег добрей,
Я нигде никогда не забуду
Этих слов: «Не бросать якорей!»

Березы в Трептов-парке

Стоят березы в Трептов-парке
У всей чужбины на виду.
И так бестрепетны во мраке,
Как будто слышат темноту.

Не под конвоем, как их сестры,—
Явились сами в край чужой.
Залита русская береста
Германской горькою росой.

Бесшумны, словно обелиски.
Но вспыхнут жарко на заре,
Как будто кровь солдат российских
Прихлынет вдруг к сырой коре.

И задрожат они нежданно
От человечьих давних слез.
Воскреснет столько безымянных
В девичьей памяти берез!

Мальчишки пили сок в апреле,
Ловили влажных листьев взмах.
Качались, словно на качелях,
На их пружинящих ветвях.

Мальчишки Брянска и Смоленска
Дошли до вражеских твердынь.
На ощупь в сумраке апрельском
Березы ищут глаз их синь...

Сыют так неугасимо
За всех, укрытых вечной тьмой.
Пришли березы из России,
Да не докличутся домой...

Обитаемые острова

В этой жизни порой обретаем мы,
На краю эй другого родства.
Сентябрьские обитания
Сентябрьские острова.

Даже сфинксы из Фив здесь прописаны.
Не клоня своей львиной головы,
Смотрят краешком глаза без вызова,
Как волнуется нива Невы.

Даже утки находят пристанище
В Ленинграде на зимний сезон.
Вон дрейфует на льдине нетающей
Дикий селезень, как Робинзон.

Пусть охотники смотрят завистливо,
Пыл убийства не вспыхнет ни в ком.
Огражден многолюдем от выстрела
Дикий селезень в граде таком.

Отгнездились на Брянщине лебеди...
По озерам окурки плывут.
Лишь в березовом ласковом лепете
Лебединые клики поют.

Ну, а здесь, улетевшим, просторно им.
Светят лебеди в Летнем саду.
И встречаются здесь даже черные.
Не линчуют их за черноту.

Дикий селезень... Может, с Полесья.
Ну, а лебедь тот, может, с Десны...
Словно птицам, находится место
Людям, хоть и различны они.

Не Отчизну свою покидаем мы!
Обретаем, как право родства,
Обитаемые, обитаемые,
Обитаемые острова!

■
Что-то нежное, что-то зыбкое.
Грустной радостью я осиян.
Ели смутные Новозыбкова
Колыбелятся сквозь туман.

Столько в них первобытной дремучести,
Что поверить сегодня готов:
В хвойной лапе людские все участи
И охапки неведомых снов.

Спать бы мне в хвойной зыбке
без просыпу,
Знать, что теплым туманом одет.
И вливать вместе с чистыми росами
Только лунный да солнечный свет.

Но уже городок — вот он — выбежал,
Ставни краснены распахнул,
Словно бабочка свои крыльшки,
Осенняя пчелиный гул.

Подоконники, вспыхнув геранями,
В полдень пьют золотую теплынь.
И на лавочки деревянные
Тихо стелются тени рябин.

Посидеть бы здесь, призадуматься,
Что-то вспомнить, а что-то забыть.
Но очнусь — никакая не улица.
Это плещет Нева о гранит.

Смотрят сфинксы, облитые бликами.
И в глазах отраженных у них
Что-то нежное, что-то зыбкое.
И подкатывают к сортиру Невы.

БОРИС СОКОЛОВ

Песня

До гармонии нам далеко,
но не только поэтому все же
живут по совести так нелегко,
коль без совести
живут не можешь.
Это сколько же надо веков,
чтобы души прозрачнее стали,
чтоб,
забыв о презренном металле,
люди больше читали стихов?
Если б только страдали стихи...
Есть куда покрупнее грехи.

■
Не верю я в вечные праздники
даже тогда,
когда нас заменит
сверхумный,
сверхточный,
сверхпределенный робот.
Нет счастья без горя.
И только тисками труда
мы вытянуть сможем
из жизни
свой жизненный опыт.
Сам дверь отвори
и навстречу судьбе выходи,
сам выстрайдай дело свое
и мечты исполненье.
Так было.

Так будет.
Никто за тебя впереди
твое на планете
не выполнит
предназначение.
Ты к холоду тело,
а сердце
к невзгодам готовь.
И помни, что мы
на суровой земле проживаем.
В конце концов
в мире
одно неизменно —
любовь
да ясные звезды
над отчим
продырявленным краем.

■
Входишь в лес,
воздух вольный и сыйтый...
И, ступая легко по тропе,
ты и думать забыл, что тебе
за деревьями леса не видно.
А поднимешься на самолете
в ту, заоблачную высоту
и нечаянно на развороте
вниз посмотрьши

на всю красоту,—
ты с испугом, пожалуй что,
древним
вздрагнешь вдруг
над земной тишиной:
ты в лес...
но видишь деревню,
на которой поплыли

Нынче травы высоки,
против прошлых — втрое!
Я смотрю из-под руки
вдаль по-над рекою.
Солнце село за стожок,
и стожок дымится.
А пойду я в луг-лужок,
чтоб росой умыться!
По-над лугом тишина
необыкновенная.
У меня Земля одна
и одна Вселенная.

■
Нынче звезды высоки,
против прошлых — втрое!
И легки мои шаги
в царство луговое.
Наклонюсь,
цветок сорву,
незнакомый сроду.
И в вечернюю траву
я уйду,
как в воду.
Надо мной взойдет луна
необыкновенная.
У меня Земля одна
и одна Вселенная!

■
Разогревался день с трудом,
к полудню потеплело.
И только речка подо льдом
чуть слышно шелестела,
себя по камушкам струя,
мороза не смущалась...
Я шел по льду,
а тень моя
по дну перемещалась.
Под каблуком,
коснувшись льда,
вдруг стайки рыб сверкали,
и неожиданно вода
взрывалась пузырьками.
Вольней
хотелось ей вздохнуть —
о лед напрасно билась.
Спешила не куда-нибудь,
а к Волге торопилась.
Пускай погода холодна,
под коркой ледяною
упрямо дышит глубина,
чтоб сбросить лед весною.

■
Чем больше лет и зим
живем на этом свете,
тем чаще говорим
о будущем столетье.
Другим, конечно, там
работать и влюбляться,
но хочется и нам:
с тем никем повстречаться.
Остаться хотя на час
хотя о едином словом
каком, среди вас
и синевы небом

Рисунок
Елены Флеровой

Юрий НАГИБИН

ВЛАДИМЫР МУЗЫКА И ОГНИ

Выдающийся (а может, великий?) русский скульптор Анна Семеновна Голубкина умерла в 1926 году. Она была современницей людей, ныне неторопливо доживающих свой век, в том числе автора этих строк. Я мог бы помнить ее, как помню бритую голову и печальный взгляд Маяковского акуловских дней, а это было через год после смерти Голубкиной, как помню ослепительный пробор театрального художника Жоржа Якулова, частого гостя нашего дома в мою дошкольную пору. А вместе с тем о ней известно на удивление мало, словно она жила не в нашу эпоху, а во мгле русского средневековья. Будем точны, мы знаем вехи ее жизни, знаем бесчисленное множество мелочей, до нее касаемых, и хорошо, что знаем, — все это важно, но, к сожалению, мы не знаем обстоятельства первостепенных, судьбоносных — есть такое высоконное и противное выражение, а другое не идет мне в голову. Было бы естественно знать их, но какой-то странный заговор молчания окружает одинокую, неприкаянную фигуру Анны Семеновны.

Анна Семеновна Голубкина увидела свет 16 января — по старому стилю — 1864 года в уездном городе Зарайске Рязанской губернии, ныне отошедшем к Москве.

Когда Василий Розанов, умный, талантливый и ядовитейший писатель по-рубежья веков — нынешнего и минувшего, увидел скульптуры Анны Голубкиной, он сказал: если в Зарайске такие огородницы, то какого же ума дол-

жен быть зарайской городской головой! Назвав Голубкину огородницей, Розанов не шутил. Она принадлежала к семье потомственных зарайских огородников и сама копала гряды, полола, прореживала, поливала, окучивала и собирала урожай все детство, отрочество и начало юности вплоть до отъезда в Москву для занятия искусством. Но и в последующие годы, возвращаясь домой — когда отдохнуть, перевести дух, когда залечить душевные раны, когда на исцеление от хворостей многих (ей доводилось лежать в больницах, но лучшим лекарем был родной дом), — Анна Семеновна, уже признанный скульптор, брала лопату или тяпку и шла в огород.

Она знала землю не эстетски, а черным потом труда, ломотой в спине, наизнаным живительным духом и, единственная из всех, кто «лечит форму от бесформия», отважилась создать скульптурный образ земли. Голубкина умела воплощать в сугубо вещественном искусстве то, что по природе своей лишило пластического образа: болото, туман, даль...

Семья, возглавляемая дедом Поликарпом Сидоровичем, а после — матерью Екатериной Яковлевной (отец Голубкиной умер, когда ей было два года), имела, кроме огородов, еще и постоянный двор на паях, но всех доходов хватало лишь на обучение брата Семена в реальном училище, остальные дети самоучками овладевали грамотой. Анна Семеновна научилась читать у дядя по псалтырю. Отсутствие школьного обучения она восполняла за пытным, беспорядочным чтением. Вот строки из ее письма: «Читать начала я очень рано. Первое место занимали естественная история и духовные книги, потом романы и истории (по журнальным статьям). Читала все подряд, и Библию, и Дарвина, историю, сказку. Много я тогда не понимала, не помешала, читала дальше... Учиться же у меня потребность и надобность, которая оказывается при всяком случае».

Анна Семеновна всерьез занялась самообразованием. И стала вовремя с самыми высокими культурными требованиями своего времени. При этом она навсегда сохранила хоть и грамотную, но простонародную речь — редкого паконизма, точности и силы. Такая же речь была у ее горячо любимой матери. Чудесно читать письма Екатерины Яковлевны дочери в Париж, в которых сельская женщина просто и мудро наставляет Анну в искусстве, велит не своеобразничать, а слушаться Родена — дурному не научит, будто речь идет не о легендарном ваятеле, а о благочинном зарайском дьячке или учителе рисования уездной школы. А что ж тут такого: Роден, видать, хороший, правильный человек, он завален по макушку заказами, весь мир ждет его работ, и он очень дорого берет за уроки со своих немногочисленных богатых учеников, а бедную девушки из далекой России согласился вести вовсе бесплатно, потому что увидел в ней настоящий талант. Он свой, и разговор о нем уважительно прост, как о близком человеке.

Долгим и сложным был путь, приведший зарайскую огородницу в Париж под крыло Родена, не уложить его в краткий очерк. Назову лишь вехи: классы изящных искусств Гунста, Московское училище живописи, ваяния и зодчества, художественное училище при Академии художеств в Петербурге (мастерская Беклемишева), мастерская итальянца Каларосси в Париже. Для кого другого все это лишь ступени к мастерству, для Голубкиной, с ее трудным, мучительным характером, слишком прямым, резким, нравственно нетерпимым, во всем максималистским, — одноактные трагедии, последняя из которых едва не завершилась гибелью. Так была оплачена единственная в жизни любовь.

А затем, после почти беспамятного бегства из Парижа, тяжелой болезни, клиники, пробуждения среди родных людей, настал черед Родена.

Роден, такой свободный в собствен-

ном творчестве, был жестким учителем, он без конца заставлял Голубкину лепить части человеческого тела: ноги, руки, уши, носы. И Голубкина, уже изведавшая вкус творчества, с трогательным послушанием, хотя и ворча про себя, лепила ступни и кисти, улиточные завитки ушных раковин. Роден был скончен на похвалы, лишь однажды он сказал: «Это хорошо. Но хорошо для всех. Так работать нельзя». И Голубкина, человек гордый, самолюбивый (одновременно — скромный и застенчивый), трогательно обрадовалась похвале. Славно, мол, что я научилась работать, как все, теперь можно и дальше пойти. Но, завершив свое полузаочное обучение у Родена, она решилась соединить в одно целое то, что узнала о руках, ногах, носах и ушах, и выпилить фигуру человека. Она пригласила старую натурущицу, обнажила ее изношенную плоть и, усадив в очень скромной, целомудренной позе, выпилела «статую в натуру». «Старость» экспонировалась на ежегодной выставке Весеннеого салона в Париже и получила премию. То была первая победа Голубкиной.

Увидев скульптуру, Роден узнал «Прекрасную оружейницу». Он некогда и сам лепил старую натурущицу, которую помнил еще красивой женщиной. К чести Голубкиной, она, не уступив Родену в жестком реализме изображения, создала произведение куда более гуманное. Великий француз как-то жалостливо поглядывал над разрушительной работой времени, искорежившей прекрасную женскую плоть. Даже в назывании его скульптуры чувствовалась ирония: «Та, что была «Прекрасной оружейницей». Голубкина обволокла уважением старое, измочалившее себя о трудную жизнь женское тело.

Кроме «Старости», Голубкина создала превосходный бюст профессора Э. Ж. Бальбиани, начавший серию ее уникальных скульптурных портретов. Прежние работы: портрет деда, даже «Железный» при всей талантливости не обладали столь точно ведающим свою цель мастерством. Голубкина знала, чем обязана Родену, и в своем благодарном письме ему с обычной прямотой мысли написала об этом: «Вы мне сказали то, что я самачувствовала, и Вы дали мне возможность быть свободной».

А теперь я вернусь к первому Парижу. В творческом отношении он почти ничего не дал Голубкиной, а в личной судьбе то ли дал, то ли отнял очень многое. Впрочем, правомерно ли отделять личность художника от его творчества? Но можно лишь догадываться о том, что привело Голубкину к страшному кризису, — точно ничего неизвестно. И причиной тому не только крайняя сдержанность Голубкиной во всем, что касалось ее внутренней жизни. К истории этой были причастны люди, вовсе не отличавшиеся чрезмерной щепетильностью, скажем, художница Кругликова, автор знаменитых силуэтов, и другая художница — Шевцова, не оставившая следа в русском искусстве, знала — и немало — Борисов-Мусатов, живший в ту пору в Париже и принимавший дружеское участие в судьбе Голубкиной. Беду Анны Семеновны постарались замолчать. Мы ведь на редкость стыдливы, ханжески молчаливы, когда дело касается тех сторон жизни наших выдающихся соотечественников, когда они выступают не в парадных одеждах. Сколько мук доставила литератороведам ветреность Пушкина, пьянство Есенина, склонность Блока к ночной жизни, самоубийство Маяковского. Все это разрушает безуоризненный образ художника и гражданина. Общими усилиями близких людей (их понять можно) и всех, кто волей обстоятельств оказался причастен к наследию Голубкиной, почти стерта со «стекол вечности» трагедия, пережитая ею в Париже. Но вот что пишет в своих воспоминаниях художник Н. П. Ульянов, которого Лев Толстой спросил однажды о Голубкиной: «Я слышал, что она хотела покончить самоубийством в Париже. Как это было? — «Я сообщил известные мне

подробности этого факта: сначала она бросилась в Сену. Ее спасли. Потом — отравилась». Заподозрить Ульянова в передаче непроверенных сведений, пустых слухов невозможно. Для этого он был слишком серьезным человеком и слишком уважал своего собеседника. Да и Кругликова, сопровождавшую Голубкину в Москву после перенесенного той потрясения, обронила несколько слов, позволявших догадываться о случившемся.

Пушкин говорил, что в человеке выдающемся все интересно, нет такой малости, которая не была бы важна. А тут сумели изъять из биографии Голубкиной столь большое и трагическое, как единственная за всю жизнь любовь, приведшая не только к двукратной попытке самоубийства, но и к одиночеству на все оставшиеся дни, к бессемейности и бездетности. А ведь Голубкина безмерно любила детей — сколько щемящей нежности вложила она в детские портреты: «Санчета», «Манька», «Девочка» (Татьяна Россинская) и в такие глубокие символы, как «Вдали музыка и огни» — горельеф с тоскующими мальчиками, как пронзительная «Кочка», запечатлевшая крестьянскую легенду о неприкаянных душах некрещенных детей, которых не принимает ни рай, ни ад и они обречены на вечные скитания в пустынности мироздания, находя приют под болотными кочками, как «Ребенок» — возникающее из предыдия нового мудро-печальное существо, как мальчики в композиции «Пленники» и девочки — в «Сляющих». И мужская плоть ввлекла Голубкину, она не была скхимницей, не стремилась извести свою физическую сущность, хотя нередко в работе забывала об обеде и ужине, не принаследжала к свите Салфо, но после пережитого наложила вето на женскую жизнь. А в пожилом возрасте декларировала необходимость для художника отказа от семьи, любви, детей.

Мы живем в эпоху, когда бесстрашный венец¹ отменил все табу ханжества и лицемерия, мы знаем, какое значение имеет пол в жизни человека, но мы лишиены возможности постигнуть феномен Голубкиной, потому что «хранители ее доброго имени» сделали все возможное, чтобы изгладить память о трагическом сломе, который многое мог бы объяснить нам и в человеке, и в творце.

А как тосковала она по детям, видно не только по ее скульптурам, но и по страстной привязанности к племянникам, по отвистым карманам старого темного пальто, набитым леденцами для дворовых ребятишек, когда у самой-то не было на ржавую селедку, по тому, что каждое маленькое существо, на которое она натыкалась, немедленно становилось ее другом. И один печальный случай поздних лет красноречиво говорит о том, к чему может привести задавленное материнское чувство.

Анна Семеновна пригрела стайку чумазых оборванцев — это было после революции, когда угрожающие распространялись беспризорничество, — пустила их на чердак, давала им еду, кое-какую одежду и заронила в изящные и очаровавшие души подозрение о своем сказочном богатстве. Беспризорники подсунули ей тяжелое сноутворное, обчистили бедный дом и скрылись с жалкой добычей. По счастью, доза сноутворного оказалась не смертельна. «Ах, шуты! — опамятившись, скрутилась Анна Семеновна. — Сказали бы, все бы им сама отдала!» «Шуты» — было ее излюбленным бранным словом. «Ах, шуты!.. вот шуты!..» — приговаривала Анна Семеновна, разумея служителей самой молодой музы во время своих редких посещений кинематографа.

Чего же добились хранители доброго имени Анны Семеновны Голубкиной? Почитайте все написанное о ней — увы, это не займет много времени, — и у вас возникнет прекрасный образ художника подвижнической чистоты и цельно-

сти, а в человеческом плане — почти монстра. Никогда взгляд ее не останавливался с любовью ни на одном мужском лице, никогда не забилось волнение сердце, не пресеклось дыхание, не всплынули радостью, не затуманились слезами глаза. И как настойчиво поминаются длинная темная юбка и белая кофта — пожизненная униформа Анны Семеновны, да еще грубый фартук во время работы и облысевшая до мездры шубейка. Но есть парижская карточка, где она снята вместе с четырьмя русскими художницами — между них Кругликова — и с горбачом Борисовым-Мусатовым. В большой, как цветочная клумба, по тогдашней моде, шляпе и темном облегающем платье она выглядит элегантно и романтично. Значит, был и такой образ Анны Семеновны. Вспоминаю о парижских днях, художница Н. Я. Симонович проговаривается, что Анна Семеновна придавала значение одежде и радовалась хорошей вещи. Вспомним ульяновский портрет Голубкиной, отличающейся, по мнению всех знативших ее в молодости, удивительным сходством: как хороша она и женственна! Мужеподобность, пергаментная серо-прокуренная кожа, костлявая фигура — это все куда позже, когда давно уже был поставлен крест на женской жизни. А в Париже приехала русская девушка редкой выразительной красоты — она перешагнула за тридцать, но не стала векшей, перестарком, сохранив во всем облике нежно, нетронутые девичьи. Душа у нее отставала от разума и характера — неискушенная, доверчивая, наивная и незащищенная. Но проснувшись для любви. Все соученики Голубкиной по Академии знали о ее «тайне» — влюбленности в скульптора профессора Беклемишева с внешностью Христа и странным внутренним устройством, позволявшим сочетать мистицизм с академической рутиной. Гимнастическая упенность чувством к учителью не мешала Голубкиной отчетливо видеть всю слабость Беклемишева как наставника и скульптора, и она без сожаления оставила его мастерскую.

Она и думать забыла о Беклемишеве, когда в Париже ее соученицы принялись назойливо общувать этот никогда не бывший роман. Скучно им, что ли, было, этим вовсе не плохим женщинам, приотившим Голубкину, облегчившим ей первые шаги в чужом городе, или простота и чрезмерная серьезность зарайской огородницы невольно толкали к розыгрышам и шуткам вполне безобидным, относись они к человеку, не столь прямолинейному и ранимому. Анна Семеновна взорвась, глупые шутки обернулись серьезным конфликтом, затронувшим всю русскую художественную колонию. Пришло вмешаться Борисову-Мусатову, замечательному художнику и чистейшей души человеку, и пустить в ход весь свой моральный авторитет.

В литературе о Голубкиной исход разыгравшегося скандала как-то замазан, а в устной легенде считается, что насмешки и подковырки молодых художниц послужили причиной двукратной попытки самоубийства Голубкиной.

Спасенную от смерти, но нервно разбитую Анну Семеновну привезли из Парижа Кругликова — одна из шутниц. Трудно, невозможно поверить, чтобы Анна Семеновна при своей гордости и нетерпимости даже к малой человеческой дрянности (требовательность к окружающим коренилась в беспощадной требовательности к себе самой) позволила опекать себя человеку, почти загнавшему ее в смерть. По приезде в Москву Анна Семеновна очутилась в нейропсихиатрической клинике известного профессора Корсакова. Но если она дважды покушалась на свою жизнь из-за глупых шуток, то ей полагалось бы задолго до Парижа познакомиться с этим заведением. Вот к чему приводит желание стерилизовать образ Голубкиной, возвести ее в ангельский чин. Ее сделали душевнобольной. Анна Семеновна была человеком с неустойчивой нервной системой. Сильное, оше-

¹ З. Фрейд.

ломляющее переживание, крушение всех нравственных опор привели ее к страшному самосуду, который не удался, но оплачен был тяжелейшим нервным и душевным срывом. Она никогда уже не оправилась полностью от этого потрясения. Это подтверждает М. В. Сабашникова в письме к Максимилиану Волошину: «Вы спрашивали, что я называю чистым сердцем? Это не смешанное, цельное — вот как у нее (у Голубкиной). — Ю. Н.), только у нее силы не хватило вынести его. Ее ничто не согнет, но она уже сломана. Я думаю, что она очень больна, у нее изранено сердце». Тут только одна неточность: Анна Семеновна не была сломана, доказательство тому вся ее долгая, предельно насыщенная и плодотворная творческая жизнь, ее великолепное, сильное и здоровое искусство. Кстати, разговоры об упаднических тенденциях в ее творчестве не стоят выеденного яйца, даже в худшую пору, после разгрома революции 1905 года, ее символы были полны веры в то, что Россия проснется и двинется туда, где музыка и огни...

Повторю, она не была душевно больной, но после парижской катастрофы у нее случались приступы депрессии, когда она не могла работать, не желала никого видеть, кроме своих родных. Такие приступы не были беспричинны; один из тяжелейших постиг ее в тюрьме, в одиночной камере-душегубке, видимо, она страдала клаустрофобией, в ту пору еще не получившей научного названия.

В книге А. Каменского «Рыцарский подвиг» — единственном серьезном труде о Голубкиной — говорится о том, что у Анны Семеновны была неудачная связь с французским скульптором. Исходя из этого, случившееся в Париже легко домыслить, не насилия подознания, откуда, видимо, и происходит столь ненавистная всем «...ведам» интиシア.

Париж тех лет — художественная Мекка, сюда стекались таланты, полу-таланты и не подозревающие о своей пустоте бездари со всего света. Монмартр был звонким царством богемы, а не подделкой под него, и Мулен Руж жил истинными страстями, а не прохладным туристским любопытством; там напрягались икры Ла Гулю в красных чулках, кудах козлиные копыта худящий, выостренный, как нож апаша, Дезоссе, пела, выламывая тонкие кисти, Ивет Жильбер, канканировала Авиль, а карлик Тулуз-Лотрек писал их легкими мазками, обрекая на бессмертие, и все, кроме основоположника импрессионизма Эдуара Мане, были живы и приближались к признанию, славе, и Париж, как никогда, чувствовал себя пупом вселенной.

Анна Семеновна оставалась чужда богемной жизни, чужда вечернему Парижу и всем его соблазнам прежде всего потому, что у нее не было денег на развлечения, да ведь и без гроша в кармане можно приступиться и Монмартра, и Монпарнаса. Главная причина затворничества в другом — в обостренной совестливости: семья не для того надрывается на огородных грядках, чтобы она флантировала по нарядным парижским улицам в беспечно веселой толпе. Приехала сюда учиться, вот и учись, работай, работай до черноты в глазах.

Но Голубкина была живым человеком, а не механической куклой, она слышала влекущие шумы великого города и, сколько бы ни защищалась от него родным Зарайском, испытывала волнение, иначе какой она художник! И тут Париж, от которого она спасалась стенами мастерской, вечерними глухими шторами, сосредоточенным на своем, не лояющим окружающего взглядом, сам пришел к ней, легкий, светозарный, ликующий, сокрушил все прозрачные преграды и взял в плен нетронутую душу. Мне именно таким представляется молодой человек, сыгравший роковую роль в жизни Голубкиной: светлым, легким, открытым, очаровательным и поверхностным, ибо глубокие сумрачные, трудные натуры тянут-

ся к тем, на ком лежит свет, пусть это не свет солнца, не свет месяца и звезд, а фальшивый свет кафешантанного софита, такое обнаруживается потом, когда опамятываешься у разбитого корыта. Наверное, он был даровит, Париж делал хоть на время даровитым каждого, весел, разговорчив, не обделен общим умом среды, нежен, настойчив и покоряюще искренен. Да, да, он искренне желал красивую, неординарную, талантливую и значительную русскую девушку, так разительно отличавшуюся от всех парижских девиц, клубившихся вокруг художников. Неподдельные были хрустальные слезы его нетерпения.

Анна Семеновна уже вышагнула за тридцать, но она никогда не слышала обращенных к ней слов любви. Она не то чтобы потеряла голову, это на нее неизбежно, она ответила настоящей любовью на парижский суррогат страсти и подарила всю себя любимому. Надо думать, что у ее возлюбленного к восторгу первого обладания примешалось смятение, когда он обнаружил девушку в крупной, с решительным взором, вполне зрелой на вид женщине. Ему вовсе ни к чему был подобный дар, накладывающий обязательства, чреватый нежелательными последствиями. Тем более что он сразу ощутил всю серьезность отношения к себе Голубкиной. Во Франции бытовала шутка, что русская девушка после первого же неволовского поцелуя начинает прикидывать, по какой линии пустить будущего сына — по военной или гражданской. Я не отношу этого к Анне Семеновне, но, без сомнения, она видела в человеке, которому отдала себя, не «партию», а друга сердечного, сопутника, мужа, пусть и не привязанного официальными узами, кому они нужны. На легкого, праздничного попрыгуну надвинулась тяжелая зарайская истинность, давящая сила печального русского чувства с преданностью, в которой он не нуждался, с готовностью отдать за любимого жизнь, что в его представлении было просто дурным томом, с высокой требовательностью, подразумевающей равный ответный спрос. Подступила духота, куда-то, за край света провалились разноцветные фонарики Монмартра, музыка и пляски Мулен Ружа, страстные споры об искусстве за столиком «Капуля», когда язык что-то мелет о кукурузном солнце Синяка, а рука под столешницей уже нашла круглое колено рыжеволосой наружницы, которая явилась сюда с твоим другом, а уйдет с тобой, никого тем не обидев. Да, это не Зарайск, там все всерьез, за все расплачиваются душой, а то и жизнью.

И он просто бежал, исчез, испарился. Он не был злодеем, подлецом — обычный парижский слонял, обаятельный персонаж из водевиля, которого вдруг поместили в трагедию, где ему не ужиться. Но Анна Семеновна ничего этого не понимала, она видела его сквозь грозную серьезность собственного чувства. «Как перстень в футляре», вложила она всю себя в этого человека, и когда он исчез, не стало и ее, одна лишь осрамленная оболочка, смятая, запачканная, отвратительная, надо скорее избавиться от нее. В этом свете понятно то ожесточение, с каким она пыталась уничтожить себя. Бросилась в Сену, ее вытащили, откачали, привели в чувство; едва оставшись одна, она запихала в рот горсть снотворных пилюль. Уцелела чудом. Оглушенную, в полуспознании, Кругликова увезла ее в Москву.

Из клиники Голубкину выписали скоро, профессор Корсаков сказал, что она плохо действует на больных, те — на нее. Умный врач, Корсаков понял, что таким натурам, как Голубкина, нужно иное лечение. Любимый друг, старшая сестра Александра Семеновна увезла ее в Сибирь к переселенцам. Больную душу надо лечить чужой болью. Так и вышло. Помогая своей сестре, фельдшеру, Анна Семеновна исцелилась возле страданий несчастных крестьян, обрекших себя на ужасы российского переселения. Сибирь зака-

лила ослабевшую душу, вернула физическую бодрость.

И вот Анна Семеновна снова дома. Горький, страшный опыт осел на дно сознания, соединился с плотью, стал ее неотъемлемой частью, но грудь дышала, пальцы тянулись к глине, и цель жизни не изменилась: стать скульптором. А для этого надо вернуться в проклятый Париж...

Мне представляется такая сцена в доме Голубкиных. Умная, все понимающая мать Екатерина Яковлевна, конечно, напугана решением дочери ехать назад в город, который едва не вернул ее в сосновом гробу, но разговор ведет осторожно:

— Слушай, доченька, а чего тебя так тянет в этот Париж? Нешто в нашей Академии плохому учат?

— Плохо, мамаша. Замешали они там. Конечно, профессор Беклемишев — мастер. Он мне психологию открыл. А без нее нету портрета.

— Постой, дочка, мы в Петербурге не обучались, как ты сказала?

— Психология. Наука о характере. Лепить надо не то, что снаружи, а что внутри.

— Ага!.. Поняла, давай дальше.

— Но сам он мистик... Это кто о загробном мире больше задумывается. Путает, где этот, а где тот свет.

— Наводит тень на ясный день, — перевела для себя Екатерина Яковлевна.

— Он умный, светлый человек! — горячко застутилась Анна Семеновна. — Я бы молилась на него, кабы могла принять его дух. Но прими я, так все свое потерю. Надо стать мастером, но не ценой отказа от себя.

Екатерина Яковлевна подумала и заглянула в самый корень:

— Скажи, доченька, а кто самый лучший по вашему делу?

— Роден.

— Вот к нему и надо ехать.

— Так он в Париже, мама, — улыбнулась Анна Семеновна. — В тот раз я сорбела к нему пойти. Он знаменный, важный. А сейчас не сробыю, отвердело во мне что-то. Да и Антокольский сейчас в Париже, замолвит слово.

— Значит, надо ехать, — решила Екатерина Яковлевна. — Начнем собираться. До Парижа путь долгий, надо тебе харчей на дорогу наготовить. А насчет денег не сомневайся, выдохим. Я уже давно надумала постоянный двор продать...

Через несколько дней к крыльцу голубинского дома подъехала телега с высокими грядками, толсто выложенная сеном. Туда уложили саквойж Анны Семеновны, сумки с провизией и банку соленых рыбиков для Родена.

— Слушайся Родена, — наставляла дочь Екатерина Яковлевна, — не фордышайся. Возьми от него все, что можно. И — назад. Мы верим в тебя, доченька. Ладно, присядем.

Присели, помолчали, и вот уже сильным рывком Анна Семеновна перемахнула через грядки телеги.

Возница подобрал вожжи.

— С богом! — крикнула Екатерина Яковлевна и вдруг всем, разом заболевшим, сердцем поняла, что не дождется дочери, что видит ее в последний раз.

Телега сдвинулась, пошла и скоро свернула за угол. К ней, прыгая через лужи, подскочила какая-то бабенка с баулом через плечо.

— Далече собралась?

— В Париж.

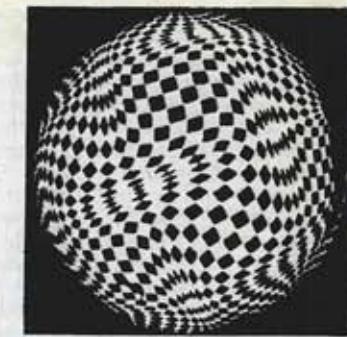
— Мне в Засухино надоТЬ. Это не по пути?

— Садись. Подбросим.

— Вот спасибочки!

Катилась и катилась телега за уходящим солнцем по пустому равнинному пространству, будто и впрямь собираясь дотрохать до Парижа на своих развалистых, плохо ошинованных колесах...

Окончание следует.

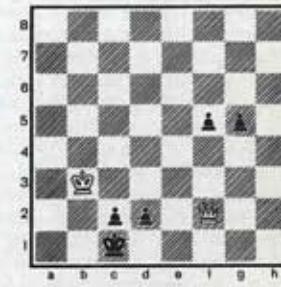

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕЛИЖНОГО

Шахматное содержание задачи определяется степенью насыщенности ее тактическими идеями, которые основываются на моментах усиления и ослабления позиции. В основе любой защиты черных от угрозы всегда лежит момент усиления их позиции, но тот же ход одновременно влечет за собой и какое-то ослабление, которое и позволяет белым достичь заданной цели. Вот перечень защитительных (ослабляющих) тактических идей: прямая защита (отвлечение) черной фигуры; разблокирование (блокирование) поля черной фигуры; включение (перекрытие) черной фигуры; развязывание (связывание) черной фигуры; включение (выключение) белой фигуры; шах белому королю.

Тринадцатый тур

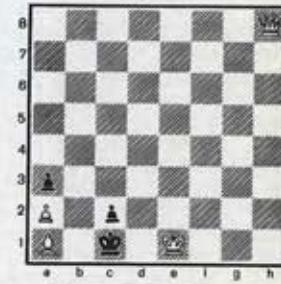

Белые: Kpb3, Ff2 (2)

Черные: Krc1, pl. c2, d2, f5, g5 (5)

Выигрыш (2 балла)

II

Белые: Krc1, Ph8, Ca1, pl. a2 (4)

Черные: Krc1, pl. a3, c2 (3)

Мат в 4 хода (3 балла)

III

Белые: Kpb7, Ca4, pl. b6 (3)

Черные: Kpd8, Cd2, pl. c4, f5 (4)

Ничья (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 13-й тур». Решения каждого задания необходимо привести полностью на отдельной открытке. Кроме решения, следует указать фамилию, имя и отчество, профессию, спортивный разряд и адрес.

Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 ноября.

Вот уже второй год я читаю лекции школьным преподавателям, ведущим урок «Этика и психология семейной жизни». В основном это женщины, молодые матери, и, естественно, их интересует не только круг вопросов, очерченный школьной программой, но и те проблемы полового воспитания, которые в нее не вошли. Таких проблем очень много, но ни один учебник ответа на них не дает. Поэтому учительницы на своих уроках часто еще сами попадают в тупик, не зная, как отреагировать на «весьма щекотливые» и «провокационные» вопросы старшеклассников. Вот некоторые из них.

«Моя младшая сестренка стала недавно девушкой. Изменения в организме ее очень тревожат. Конечно, мы с мамой ее успокаиваем, стараемся что-то объяснить, но у нас это плохо получается. Надо готовить девочек и мальчиков к периоду полового созревания. Кто этим должен заниматься — родители или школа?»

«Когда можно мальчику разрешить себя поцеловать?»

Десятиклассники уже начинают (и не всегда анонимно) спрашивать:

«Вот уже месяц я живу с одним мальчиком. Когда мама узнала об этом, то устроила мне истерику. Я не понимаю, почему она свои отношения с дядей Мишей называет «любовью», а наши с Димкой — «грязью»?»

Еще в конце XIX века известный немецкий социалист А. Бебель в книге «Женщина и социализм» писал: «Девять десятых девушек, выходящих замуж, ничего не знают о материнстве и о своих обязанностях в браке. Непознавательная боязнь даже матерей говорить со взрослыми дочерьми о столь важных половых функциях оставляет девушек в полном неведении относительно их обязанностей по отношению к себе и будущим мужьям. Вступая в брак, женщина обыкновенно попадает в совершенно ей чуждую область, у нее о браке имеется лишь фантастическая картина, большей частью заимствованная из плохих романов и очень мало соответствующая действительности».

Как бы парадоксально ни звучало, но и сегодня специалисты подчеркивают, по сути, аналогичное положение дел. Так, советский сексолог Н. В. Иванов пишет: «Девушка, усвоив неправильный, внушенный материю взгляд на физиологию половой жизни как на нечто грязнящее моральный облик человека, полюбив мужчину, всячески избегает начала сближения и тяжело переживает его. Она «дает согласие на совместную жизнь, чтобы делить вместе радость и горе», и, столкнувшись с физиологической стороной, оказывает жесточайшее сопротивление, воспринимая все как нечто «ужасно постыдное». В чем же дело? Здесь можно высказать два предположения: либо дети и подростки вопреки широко распространенному мнению не интересуются вопросами пола, либо все объясняется низким уровнем общей культуры воспитателей. Попробуем прояснить истинное положение вещей.

В одной из средних школ г. Тарту для уточнения источников сексуальной информации было опрошено 105 человек (60 девушек и 45 юношей) выпускного класса. Обнаружилось, что интерес к вопросам пола пробуждается у детей с шестилетнего возраста и волнует школьников всех возрастов.

Однако так как информация носит случайный и поверхностный характер, то значительная часть юношей и особенно девушек и в более поздний период имеет весьма смутное представление об анатомических, физиологических аспектах половой жизни.

Продолжение. Начало в № 16.

Сергей ГОЛОД,
доктор философских наук

Кто же конкретно разъясняет детям смысл половых взаимоотношений? По данным эстонских коллег, около трети родителей просвещает девочек и всего около 10 процентов — мальчиков. На долю учителей здесь приходится соответственно 10 и 2 процента. Уроки, посвященные вопросам этики и психологии семейной жизни, серьезной информации об интимной жизни юношеству не дают. Поэтому чаще всего подростки пытаются найти ответы на волнующие их вопросы у старших товарищей и « опытных » подружек. В основном эта информация носит пикантный и пошловатый характер, ничего не разъясняет, а только еще больше волнует и возбуждает юношей и девушек. Добавлю: девушек в меньшей степени, ими больше движет любопытство, чем желание физической близости. И они чаще всего вступают в половы отношения или из-за того же любопытства, или потому, что не хотят « отставать от подруг ».

Как правило, половым просвещением в семье занимается мать. Но к чему обычно сводятся эти « уроки »? « Держись подальше от парней, упаси бог тебя остаться с кем-то из них наедине ». Они начинают пугать девушек ранней беременностью или « нехорошими болезнями ». Только немногие родители способны мудро и тонко объяснять своим детям их состояния и переживания, психофизиологические особенности полового поведения. Это чаще всего связано с образовательным уровнем родителей: чем он выше, тем с большим пониманием они относятся к возрастным проблемам, волнующим дочерей и сыновей. Проявляют больше гибкости и внимания. Им и подростки доверяют больше, особенно девушки. Они никогда не избегают « щекотливых » вопросов, но умеют дать понять, что половая близость возможна только при настоящей любви и только тогда она станет переживанием, обогащающим человека.

О, как многим матерям и отцам не хватает внутренней культуры, такта, чтобы своевременно приоткрыть своим детям завесу над « запретной темой »!

Например, мой сосед, отпуская 16-летнюю doch на вечернюю прогулку, постоянно ей напоминает: « Если что

случится — из дома выгоню, так и знаю! »

Такие люди почему-то считают, что подросткам « ЭТО знать не положено ».

И все-таки к 12—14 годам большинство подростков имеют уже какие-то знания по вопросам физиологии половой жизни. Но нравственно-эмоциональные проблемы, с ней связанные, по-прежнему остаются для них за семью печатями. Об этом свидетельствуют письма, поступающие в редакции газет и журналов, в том числе и в « Смену ». Вот что пишет, например, ленинградская шестиклассница Марина Н.: « Недавно я разрешила себя поцеловать мальчику, который мне очень давно нравится. А теперь он всем приятелям говорит: « Вон моя Маринка идет ». Какое он имеет на это право? Мне очень обидно и стыдно. Я не хочу с ним больше встречаться ».

Это наивное письмо говорит о том, что в период полового созревания подростков волнуют не вопросы анатомии и физиологии половой жизни, а интересы нравственно-сексуального характера. С наступлением половой зрелости они возрастают и обостряются.

« Я знаю, что две девушки в нашем классе имеют « взрослые » отношения. По-моему, это позор. Но они сами так не считают », — рассказывает в своем письме 16-летняя школьница из Киева. Одна говорит: « Я его люблю ». Разве любовь в ЭТОМ заключается? Мне нравился парень — он на два года меня старше, — но, когда он захотел меня « сделать своей », — я с ним поругалась насмерть. Теперь мне даже видеть его противно. Почему у многих ребят только ЭТО на уме? Им ведь плевать, что ты чувствуешь, что у тебя на душе... »

А вот что пишет другая ее ровесница:

« Сначала я думала, что взрослая любовь — это самое большое наслаждение в жизни. А теперь очень разочаровалась. Я продолжаю встречаться с парнем и отдаваться ему, хотя сама ничего приятного в такой любви нечувствую, но мне просто жалко его оттолкнуть. Этот парень мне очень нравится. После каждой встречи на душе очень противно. А отказать ему боюсь — он

говорит, что без меня не может жить. Просоветите, что мне делать ».

Вопросы, вопросы... Иногда и специалистам на них трудно ответить. Даже не с научной точки зрения, а из иных соображений: скажу, что думаю, и меня сразу начнут обвинять в « проповеди аморального поведения, буржуазной морали ». Да, случалось и такое. В чем только в свое время не обвиняли меня и моих коллег, которые еще двадцать лет назад ставили вопрос о необходимости системного полового просвещения подростков.

Демагоги от педагогики тут же спускали на нас собак: дескать, « не развращайте молодежь », « западные штучки у нас не пройдут ». А я продолжаю утверждать, что проблемы полового воспитания — это проблемы общечеловеческие. Они так же заботят и волнуют советских родителей и детей, как и людей других стран. Нам есть чему поучиться не только у коллег из Венгрии и ГДР, но и у западных специалистов, добившихся немалых успехов в половом просвещении подростков и молодежи. Они вовремя поняли, что прежде всего надо заниматься воспитанием воспитателей. Здесь положительным для нас примером может служить известный шведский эксперимент. Расскажу о нем подробнее.

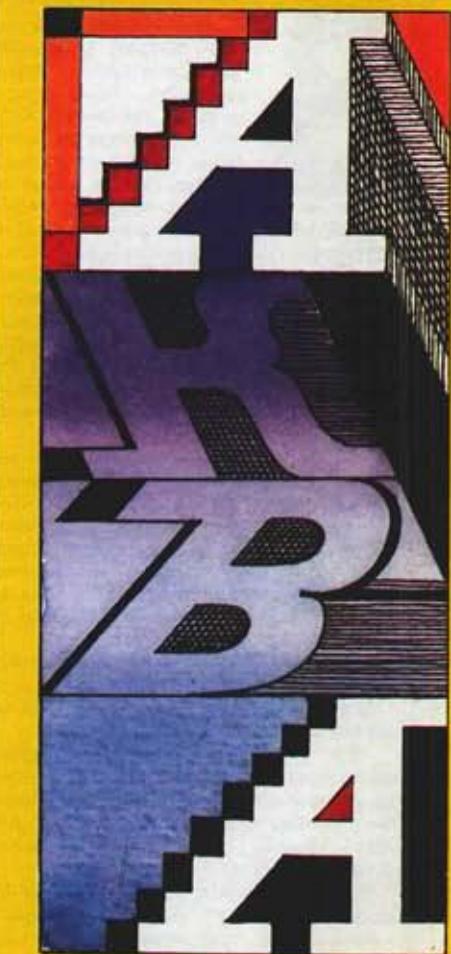
В официальном пособии « Учебник по сексуальному воспитанию в школе », подготовленном Шведским национальным бюро по образованию, изложены основные принципы и методы обязательного сексуального просвещения, которыми должны руководствоваться родители, учителя и другие школьные работники. В нем, в частности, подчеркивается важность гибкого и адаптируемого преподавания с учетом местных традиций, условий жизни, конкретной аудитории.

Рекомендуется такая последовательность изложения материала:

— Учащимся от 7 до 10 лет — половое различие, внутриутробное развитие и процесс рождения ребенка, зависимость его от родителей. Просвещение начинается с этих сюжетов не случайно. Мы уже отмечали, что мальчики и девочки в настоящее время начинают интересоваться анатомией и физиологией пола с 6—7 лет. Зная об этом, воспитатели отказываются от шаблонных, метафорических объяснений (« Нашли в капусте », « Принес аист ») и предупреждают тем самым обострение интереса правдивой информацией, изложенной в доступной детям форме.

— Учащимся от 11 до 13 лет — половое различие; структура и функции половых органов; созревание и менструация; ночные поллюции и мастурбация; зачатие и развитие плода; беременность и роды; определение пола и близнецы. Второй возрастной период — возраст полового созревания. На этом этапе, как известно всем воспитателям, подростки отличаются особой впечатлительностью и импульсивностью, так как на первый план выдвигаются до тех пор существовавшие лишь в зародыше аффекты и влечения. Именно поэтому очень важно подготовить девочку, скажем, к началу менструационного цикла, а мальчика к реальности мастурбации. И тогда менструация, например, из неожиданного превратится в ожидаемое и, вместо того чтобы вызвать страх, явится предметом скрытой гордости девочки, созидающей, что она становится взрослой, более того, девушка сама формирование нового мироощущения воспримет как естественный процесс. Это время осознания подростком своей принадлежности к определенному полу.

— Учащимся от 14 до 16 лет — обзор по всем перечисленным выше темам, а также: проблема пола и молодежь — моральный аспект; воздержание в юношеские годы; незаконнорожденные дети, спонтанный и искусствен-

«**Я**

никогда не умел быть первым», — поет Борис Гребенщиков. Как и все его творчество, строка эта столь же лично-конкретна, сколь и философски многозначна в смысле своего назначения. Поэт, композитор и вокалист «Аквариума» в ансамбле не просто первый (хронологически — в качестве его основателя), но бывал зачастую и единственным музыкантом этого не совсем обычного коллектива; Гребенщиков выступал соло или в паре с виолончелистом Всеволодом Гаккелем на концертах, которые — «из города в город по квартирам чужих друзей». Гастроли проходили в камерной обстановке вовсе не оттого, что песни «Аквариума» интимно-звукучны (хотя этого у них не отнять), или оттого, что для их оптимального восприятия требуется «аквариумная» аура; просто до недавнего времени ансамблю нечасто предоставляли широкую сцену. То ли кого-то смущал раскованный внешний вид, то ли не давал покоя хулиганский ярлык, доставшийся раннему «Аквариуму» за эксцентрические проделки («зачем же на гитаре зубами солировать?.. что-то он хотел сказать этими черными очками и галифе... ну, где это видано — мужик в юбке!»). А быть может, мешало нечто крамольное за изящными метафорами...

Сам Гребенщиков совершенно однозначно расшифровывает свое творческое и гражданское кредо: он — часть своего общества, частица своей Родины и не мыслит себя вне того, что окружало его с детских лет. С легкой ироничной улыбкой (скрывающей понимание, что от него не совсем этого ждут) говорит об этом руководитель «спорного ансамбля» французским журналистам, снимавшим фильм о советской рок-музыке. В этой ленте «Аквариум» отведена почетная роль «красной нити». Реффен его программной песни «Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет» слышен не только в начале и в конце (под

ственний аборт; венерические заболевания; контрацептивы и стерилизация; климактерический период; менопауза и сексуальные перверсии. Для промежутка от 14 до 16 лет характерна наиболее острая «борьба» социального и биологического в человеке. С одной стороны, ослабевает авторитет родителей и других взрослых, с другой — процесс физиологического созревания активизируется, хотя организм подростка к этому времени еще далеко не готов к глубоким эмоциональным переживаниям. Отсюда и важность воспитательного акцента на моральных проблемах, на выработке разумных правил поведения. Но так как экзессы все-таки совершенно не могут быть исключены, то не забывается и о действенности профилактических мер. (Отметим, что именно в подростковом возрасте получают распространение «эротические игры» — ласки, поцелуи...)

Учащимся 17—20 лет — обзор по всем перечисленным выше темам, а также менструация и гормоны; оптимальный режим в период беременности; ограничения, навыки по уходу за новорожденным, за детьми и подростками; импотенция и бесплодие; половое воспитание дома; мероприятия по обеспечению здоровой семьи; моральный и социальный аспект проблем пола. Последний этап обучения подготавливает юношей и девушек к взрослой жизни.

Сексуальное просвещение проводится не отдельным курсом, а включается в изложение материала основных школьных предметов. То, что оно не отрывается от всей системы обучения, имеет, как мне представляется, глубокий смысл. Скажем, на уроках биологического цикла можно излагать материал, касающийся анатомических и физиологических сторон половых взаимоотношений, а на уроках литературы формируется культура чувств и общения; социальные предметы — лучшее место для показа необходимости равенства полов при одновременном подчеркивании их глубинной психоэмоциональной и культурной специфики. Кроме учебников, бесед и дискуссий, используются различные специальные пособия и средства массовой информации — кино, телевидение, популярные книги. Как правило, на первых годах обучения преподавание возложено на классного руководителя, в дальнейшем привлекаются учителя соответствующих дисциплин. Наибольшее внимание сексуальному просвещению уделяется на девятом году обучения.

К недостаткам сексуального воспитания шведские ученые относят неудовлетворительную подготовку школ и учителей, помимо того, учитывая практику своей страны, указывают на запаздывание в преподавании некоторых вопросов. Например, о контрацептивах (противозачаточных средствах) рассказывается только на девятом году обучения, тогда как часть учащихся начинают половую жизнь еще в седьмом-восьмом классе.

Мне же хочется здесь отметить и другие, более важные просчеты шведских ученых. В их программе отсутствует мысль о тесной связи сексуальной жизни и любви духовной, что, естественно, очень обедняет личность. И потом они очень мало внимания уделяют моральным нормам полового поведения молодежи. А это как раз больше всего волнует юношей и девушек, их родителей. Конечно, нельзя слепо принимать чужой опыт, но, критически его осмыслив и учтывая специфику нашей культуры, он вполне может послужить основой для разработки единой программы сексуального просвещения и нравственно-эмоционального воспитания подростков и молодежи, подготовки их к семейной жизни.

Конечно, никакая методика не может дать положительного результата в сексуальном просвещении, если по-прежнему ученые, педагоги и родители не будут совместно участвовать в этом чрезвычайно важном деле. Хватит нам быть ханжами и «моралистами». Слишком дорого это стоит обществу.

Я предвижу, что молодой человек или девушка, читая мои беседы, разочарованно вздохнет: мол, и этот доктор философии старается уйти от ответа на «закрытые» вопросы. Дескать, осторожничает, боится... А дело совсем не в этом. Просто я избегаю давать какие-то советы и консультации «общего плана», не зная конкретных людей и их взаимоотношений. Например, очень часто спрашивают: «Когда следует начинать половую жизнь? Как относиться к добрачным сексуальным связям?»

Я социолог, и меня прежде всего интересует сложившееся общественное мнение в вопросах половой морали. А оно очень противоречиво и неоднозначно. Ведь мы чаще всего исходим не из данности, а из благих пожеланий и общепринятых норм поведения. Например, я, как отец, человек старшего поколения, могу быть яростным противником добрачных, а тем более ранних сексуальных отношений. А как ученик, я не имею права самообольщаться и обязан основываться на реальном положении вещей. Оно таково, что, сколько бы мы ни говорили, сколько бы ни лорицали ранние или добрачные связи, определенная часть молодых людей, несмотря на наши советы и запреты, все равно будет вступать в половы взаимоотношения. Так было, так есть и так будет. Это жизнь, личная жизнь, над которой никто не властен. Другой вопрос, как воспитать и подготовить молодого человека, парня и девушку, к этой жизни, выработать у них высокие нравственные требования к себе и к своему гипотетическому возлюбленному, своей любимой. Я хочу сразу оговориться: по моему мнению, отнюдь не бесспорно, сексуальные отношения должны строиться только на основе любви или глубокой симпатии, духовной общности. Однако вполне допускаю, что кое-кто придерживается иных взглядов. Недавно после выступления в одном из техникумов ко мне подошла «пооткровеннить» семнадцатилетняя девушка.

— Вот вы говорите, что время взрослой любви наступает в 18—19 лет. А если оно ко мне уже сейчас пришло? — даже с некоторым вызовом спросила студентка. — Разве я не имею права любить и быть любимой? Я уже созрела для любви. Скоро полгода, я стала взрослой женщиной...

Насчет «взрослой женщины» — не знаю, но мне показалось, что эта девушка одно лишь свое желание любить приняла за любовь. А это все-таки разные вещи, согласитесь. Для сексуальных отношений человек должен созреть не только физически, но и прежде всего духовно и душевно. А это чаще всего происходит к 18—20 годам. Меня могут спросить: а как же Ромео и Джульетта и их нынешние юные последователи? Отвечу: мы долгое время заблуждались, пытаясь сравнивать литературных героев с реальными людьми. Конкретных людей, жизненные ситуации можно сравнивать только с жизнью.

В юношеском возрасте созревают психические и биологические потенции организма. В то же время усиливаются мировоззренческие поиски, духовные стремления, формируются идеальные представления о любви и о любимом человеке. Юноша в этом возрасте начинает искать «свой идеал». Он хочет утвердить себя в собственном сознании, во мнении товарищей, быстрее стать мужчиной. Средство к этому он видит в физическом обладании. Однако, сталкиваясь с новым для него переживанием, связанным с более близким общением с женщиной, не зная, как правило, почти ничего о психологических закономерностях сближения, он нередко встречает непонимание со стороны девушки или испытывает разочарование. При этом случается, что как раз тогда, когда партнер в наибольшей степени отвечает идеальному образу молодого человека, он начинает испытывать в отношениях с ним неловкость, странную пустоту и отчужденность. Физическое влечение и идеальное стремление как бы расходятся,

выступают как несовместимые. В душе юноши происходит борьба между желанием обладания и боязнью того же обладания. Девушка создает себе идеал молодого человека, который, как правило, старше по возрасту, мужественное большинства ее сверстников. Поэтому и для нее идеал часто не совпадает с действительностью. Эти особенности психологического развития в молодом возрасте способствуют закреплению двойственности любви и полового влечения, приводя к романтизации одного объекта и эротизации другого. В результате всех этих обстоятельств происходит снижение общего количества связей чисто романтического типа.

Вторая тенденция — некоторое распространение «отчужденных» сексуальных отношений, имеющих сложные морально-психологические причины.

Напряженность и неуверенность в юношеском возрасте возникают нередко вследствие того, что одни социальные группы (семья, школа, друзья детства) уже не оказывают влияния на поведение, не являются авторитетными, в то время как молодой человек или девушка еще не вошли в жизнь трудовых коллективов, не приобрели близких по духу друзей. Когда этот переходный период затягивается, то для психически неустойчивых натур, для людей с низким уровнем культуры сексуальные отношения начинают представляться выходом из положения, способом преодолеть изоляцию. Но «отчужденные» отношения не только не способствуют преодолению одиночества, наоборот, они приводят в конечном счете к душевной опустошенности, к отказу от идеалов, к потере самой способности любить.

... «Товарищ доктор, а вы знаете, что многие девушки и парни начинают активную половую жизнь с 16 лет?» — спросил меня недавно автор анонимной записи. Знаю. И даже могу привести четыре наиболее характерных типа добрачных сексуальных отношений.

Первый — максимально отчужденный. Это представители так называемых «раскованных» парней и девушек. Как правило, они вступают в связь случайно. Их партнером обычно является человек, значительно старший по возрасту и с отличными культурными запросами.

Второй тип — эмоциональный. Мотивом служит любопытство, реже — половое влечение. Партнером выбирают друга, подругу или хорошего знакомого, близких по возрасту и культурным запросам. Особых чувств друг к другу партнеры не испытывают. На языке молодых, такие сексуальные отношения «помогают снять напряжение».

Третий тип — наиболее распространенный. Мотивом служат любопытство и половое влечение. Партнерами являются молодые люди из одного класса, студенческой группы, компании. Их связывают общие интересы и повышенная эмоциональная вовлеченность.

Четвертый — любовно-романтический. Мотивом близости служит любовь. В качестве партнера выступает невеста или жених.

Сегодня стало очевидным, что с каждым годом увеличивается число молодых людей, вступающих в добрачные половы отношения. Как среди юношей, так и среди девушек. Причем возрастной барьер становится все ниже. Конечно, ранние сексуальные связи до наступления совершеннолетия справедливо осуждаются общественным мнением. Зачастую они наносят непоправимый вред здоровью юных женщин, будущих матерей: это и первые аборты, которые чреваты последствиями, ранние беременности и роды... Не секрет, что многие 15—17-летние женщины в силу разных обстоятельств отказываются от своих детей.

Но только ли в этом виноваты наши «раскованные» парни и девушки? А разве мы, ученые, медики и педагоги, не несем никакой ответственности?

титры); так или иначе звучат весомые, сильные аккорды и в лукавой усмешке Аллы Пугачевой («Как у нас «звезды» живут? Так же, как у вас. Только денег меньше») и в подчеркнуто-взвешенных, спокойных монологах Стаса Намина, в битловских манерах «Секрета» и в замысловатой технике одного из лучших джазовых пианистов мира Сергея Курехина. Последний, кстати, часто помогал «Аквариуму» при записи его программ, и виртуозная игра Курехина слышна на первой долгоиграющей ансамбля. Скоро фирма «Мелодия» выпустит еще одну пластинку, которая, по-видимому, будет состоять из старых шлягеров ансамбля, давно уже знакомых любителям «Аквариума» по его «кассетным альбомам». Лед тронул?

Это обывательская неправда, что талант, дескать, сам пробует себе дорогу. Потому что количество препон на этой дороге механически нивелирует качество дарования. Силы, потраченные на пробивание своих вещей, никогда не вернутся новыми строчками и мотивами. К чести музыкантов, «Аквариум» остался самим собой, хотя музыка его и претерпевала куда более радикальные изменения, нежели сценический имидж. Что не особенно характерно для рок-кумиров. Но «Аквариум» во всем нетипичен. Им порой даже отказывали в принадлежности к шумному рок-племени.

Помню, года три назад, после сдачи очередной программы тяжеловесного «Круиза», я поспорил с одним заметным деятелем музыкального искусства на тему: есть ли право у исполнителей менять свое творческое лицо в угоду контексту Госконцерта, то есть, иначе говоря, ради куска хлеба; «у нас рокеры вынуждены прогибаться» — мастерски используя окномузикальный сленг, доказывал мой оппонент, а когда я привел пример «нестибаемого» «Аквариума», возразил: «Ну-у, это — не рок».

Вот так-то. Для многих замысловатость элитотов, прозрачная лиричность текстов и набор нетрадиционных для

«забойных песенок» инструментов (акустическая гитара, флейта, виолончель, скрипка, расческа) тождественны отторжению «Аквариума» от динамичной и бескомпромиссно звучащей рок-музыки.

Однако в разряд так называемых авторских, «казспэшных» я не решился бы отнести ни одну из профессионально сработанных вещей Гребенщикова. Авторская песня и бард-рок суть разные вещи и содержанием, и адресом, просто для непохожего всегда ищут сравнения с чем-то максимально упрощенным.

И все-таки мне непонятно: каким образом Гребенщику удается сохранять своеобразие и узнаваемость при его манере не всегда критически следовать разным направлениям. Стили меняются как перчатки. «Аквариум» был первым отечественным ансамблем, играющим рафинированный панк-рок. Они же стали и пионерами неоромантики. В некоторых программах классический блюз соседствовал с акустическими изысками «а ля „Пинк Флайд“», исповедальными балладами, подделяющими рэг-таймом, фольклорным боевиком, старым рок-н-роллом и плюс все это умело сдобрено элементами нетрадиционного симфорока. Но никакой эклектики! Принцип целостности никогда не нарушался, каждый жанр говорил на своем музыкальном языке, хотя и не диктовал отношения к тексту. Стихи оставались равными себе и, на мой взгляд, вкус Гребенщикова не изменял — он всегда пытался избежать подгонки строк под музыкальные параметры, и именно поэтому не происходило насилия над идеей во имя доступности смысла.

Хотя... руководителя «Аквариума» постоянно упрекают в его якобы неумном стремлении к элитарности. Речь не о рисунке мелодий, необычной раскраске гармоний и даже не о рамках неординарной аранжировки. Претензии — по ту сторону музыкальной живописи. «Поэт для поэтов» — из этой чаши испили все художники, отва-

так и слава богу, главное — воспринимать музыку в соответствии со своими чувствами, а не пытаться анализировать текст, пользуясь багажом знаний.

Кстати, я замечаю, что многие вроде нарочито усложненные образы «Аквариума» имеют вполне земную почву и ясное толкование. Не знаю уж, как там «сидя на холме», но «сидя на крыше», Гребенщикова в реальной своей жизни творит, отдыхает, принимает гостей и даже относительно недавно спровоцировал свадьбу — и никакой мистики — из бессонной ленинградской коммуналки на последнем этаже рукой подать до крыши. Или загадочный «капитан Африка», чуть ли не ключевая фигура магнитофона альбома «Радио Африка»: это не мистический дух, вызываемый рассстроенным лирическим героем, а реально живущий мальчишка, друг музыкантов и их былой спутник во время московских концертов.

Вообще говоря, у Гребенщикова сложилась более цельная система образов, чем у прочих поэтов-песенников (включая и пеструю горгулю бардов): если тот же Макаревич мечтается между стихией (море, лодки, корабли) и твердью (дома, двери, мосты), то Гребенщикою последовательнее: снег, река, вода...

Впрочем, его новаторство состоит не в том, что не случайные слова он трансформирует в знакомые символы, проверенные опытом общения с искусством, а в подборе этих знаков, намечающих как бы пунктир, но — дальние, границы поэтического рок-языка раздвигаются, меняются представления об его закономерностях, ведется доверительный разговор, здесь чувства взяты не напротив, посему всякая риторика нестерпима (*«вот моя кровь, вот то, что я пою, что я могу еще?»*). Поэт берется предвидеть и тем доводит себя до отчаяния. Его скрытая скорбь и обнаженная искренность не вращаются ни гротеском, ни социальной сатирой, которые между тем удаются «Аквариуму» так же, как насыщение песен неприятием подлости и предательства.

Хвалы благородному — ныне концентрируют внимание на самих песнях, а не на алои рубахе и перехваченных в косу волосах их автора. Все эти годы, пока иные писатели повествуют за повестью складывали в стол, а смелые киноленты пылились на полках, Борис Гребенщикоев «пел, что пел, и хотя бы в том совесть его чиста».

Он и в самом деле не из тех, кто ждет у моря погоды, он делает эту самую погоду. Ведь он — уроженец города на Неве. И этого нельзя не заметить: всем своим существом созвучен он знаменитым своим землякам: есть в его песнях и загадочность Гумилева, и горечь Берггольца.

Но у «Аквариума» все еще впереди: самая теплая песня-письмо, самая точная песня-смех и самая пронзительная песня-боль; присущая Гребенщикоеву боль от осознания несовершенства жизни. И мужество авторского взгляда на поиск в ней смысла, достойного надежды и любви.

А о любви Гребенщикоев умеет говорить так, что нам, скептически воспринимающим песенки про любовь (дань образцово-показательной напомаженной эстраде), открывается вся лиричность этого чувства: он знает, как выстроить слова, и подбирает к ним волшебную музыку: «Твоё тело, как ночь, но глаза — как рассвет».

Истинное в искусстве рождается от брака между великой неудовлетворенностью собой и осознанием собственного достоинства.

«Я никогда не умел быть первым из всех, но я не терплю быть вторым».

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ

ДИЛО

Сергей УСТИНОВ

По дороге Игнатов рассказал, что парень, который сидел за рулем этих самых «Жигулей», совершенно не виноват. У него даже скорость была небольшая: сбросил, потому что собирался поворачивать направо к университету. Практически он ничего сделать не мог — женщина летела, как ошпаренная, есть свидетели. Когда водитель ее увидел, было слишком поздно, он только успел, что вдарить по тормозам, да попытался в последний момент обехать ее справа, но уже не смог: она ударила о левое крыло, перелетела через капот и упала на газон. Наверное, это ее и спасло. «Скорая» подъехала через десять минут, при первичном осмотре врач определил, что вроде ничего не сломано, только плечо вывихнуто и множественные ссадины на голове и на ногах. Да, одета она была в яркое платье, и сумку ее, плетенную из соломы, с цветочками, Игнатов тоже запомнил.

Мы стояли в полутемном коридоре приемного покоя и ждали дежурного врача, который пошел узнать, в какое отделение положили Салину. Наконец он вернулся.

— Девятнадцатый корпус, семьсот пятнадцатая палата. Это неврология. Первичный диагноз: ушиб головы, подозрение на легкое сотрясение мозга, состояние шока. Вывих плеча ей вправили еще здесь. Врач посмотрел на часы: — Вам что, обязательно надо видеть ее прямо сейчас?

— Да, — твердо сказал Северин, — прямо сейчас.

Десять минут спустя мы уже знали, что никакой Александры Салиной в семьсот пятнадцатой нет. Дежурная по отделению, молоденькая врача, напуганная визитом сурочных молодых людей с грязными удостоверениями, волнуясь, рассказывала:

— Конечно, я ее помню, это моя была больная. Везучая, я ей так и сказала: вы везучая! Надо же, в такой переплет попасть — и в живых остаться! Ничего! Ни перелома, ни даже сотрясения! Ушиб головы — и все! Но, видать, этот наезд здорово на нее подействовал: целые сутки от шока отойти не могла. Лежит на кровати и в потолок смотрит. Мы уж заволновались даже, но посмотрели ее — никакой патологии. Вообще-то такое бывает — я шок имею в виду. А вечером в понедельник... В понедельник?.. Да, в понедельник! Два дня назад встает она и приходит сюда, в ordinаторскую. Я аж испугалась: бледная, за стенку держится, а глаза так и горят! Где, говорит, у вас можно позвонить? Я ей отвечаю: звоните отсюда. Потому что, думаю, пойдет к автоматау да еще грохнется по дороге. А она постояла немножко и повернулась уходить. Я ей говорю: что же вы, говорю, не стесняйтесь, звоните! А она мне: я передумала! Представляете? Странная, в общем, девица...

Странная девица выписалась из больницы на следующий день, во вторник утром. Шок как будто прошел, и оснований держать ее под наблюдением больше не было. К тому же она настойчиво просила врачей отпустить ее поскорее, объясняя, что у нее в городе важные дела.

При последних словах Северина передернуло.

— Ставлю полкило морфия против прижизненного Пушкина, — мрачно изрек он, когда мы спускались по лестнице, — что сегодня ночью нам спать не придется.

В окнах квартиры, принадлежащей Александре Салиной, было темно. На звонки в дверь никто не реагировал. Только что мы подняли с постели Комарова, который согласился, что временно терять нельзя, дал «добро» немедленно делать осмотр и приказал, если что, звонить ему тотчас. Мы молча сидели в машине. На то, чтобы передохнуть и хоть чуть-чуть собраться с мыслями, у нас оставалось минут пятнадцать — до тех пор, пока не приедет дежурная бригада с Петровки. А еще через час Северин докладывал по телефону Комарову:

— Платье точно такое же, как на трупе, только грязное и драное, лежит на кресле. Сумка один к одному, как та, что нашел Балакин, висит в прихожей. В ней паспорт Салиной, косметичка побогаче, правда, чем у Троепольской, и на дне коричневый плащ. В сумочке возле кровати обнаружены шприцы, иглы, кофта папирос, анаша, пакетик с белым порошком, похожим на морфий. Кровать разобрана, смята.

Но даже в докладе начальству верный себе Северин самое главное оставил напоследок:

— И еще, Константин Петрович. Тут... ковер как-то

криво лежит, край у него завернут. Потом стул опрокинут, пепельница на полу вверх дном. В общем, похоже на следы борьбы.

17

— Слушай, — говорил Северин, выходя из ванной в облаке одеколонных паров и звонко шлепая себя по щекам, — а может, она просто с глазу съехала? Представь себе: сначала убийство, потом под машину попала! Тут у кого хочешь мозги в трубочку завернутся.

Я язко кивал, не соглашаясь и не возражая. Под утро мы заехали ко мне — принять душ, выпить кофе, вывести несчастного Антона.

— А что, — воодушевляясь, продолжал Стас. — Предположим, ей каким-то образом попала в руки сумка этой Салиной. Там паспорт, ключи, внешние девки похожи, как два новых гриненника. И вот под влиянием всего, что случилось, ей показалось, что она не она, а другая. А?..

К концу последней фразы северинское воодушевление стало заметно спадать. Я молча пил кофе. Мы оба прекрасно понимали, что психическим расстройством действий Троепольской не объяснишь. Если тут и было сумасшествие, то совсем другого рода. А главное, меня не покидало досадное ощущение, что ключик от замочка у нас есть, что он где-то на виду, я точно видел его краем глаза, даже потянулся, чтобы поднять, да отвлекся, потерял фокус, сказала ночь без сна, и теперь никак не могу припомнить, что же это было. Деталь, улика, логическая связка?

Короче, объяснение, почему из больницы Ольга отправилась не домой, не в редакцию, не в ближайшее отделение милиции, а в квартиру Салиной.

Комаров встретил нас хмуро.

— Поработали мы славно,— начал он, набычившись, глядя в нашу сторону искоса,— да только пока ни хрена не наработали. Можете подключать кого угодно, Багдасаряна в первую очередь. Если боитесь не справиться, скажите честно, создадим расширенную группу. Сегодня пятница... — Он помедлил, словно что-то высчитывая.— На то, чтобы найти девчонку, у нас есть три дня. Живую. Ясно?

Мы с Северином переглянулись. Чего уж тут неясного! Убитая журналистка — это одно. Здесь, как говорится, уже ничего не попишешь, надо лишь отыскать и покарати убийцу. А похищенная журналистка — совсем другое...

— Мне докладывать каждые два часа, в экстренных случаях немедленно,— сказал он напоследок, и мы, поняв, что аудиенция окончена, повернулись через левое плечо.

— Будни милиции,— провозгласил Северин, выйдя в коридор,— это когда работаешь по выходным.

Леван Багдасарян попросил три часа, чтобы выяснить все, что у них есть по Салиной. Поезд, в котором возвращался из командировки бывший наркоман Валерий Кошечкин, прибыл на Ярославский вокзал в 14.10. Балакин отправился в районный суд искать в архиве дело Яропова. Почти все сыщики и участковые из отделения, на территории которого стоит дом Салиной, сейчас брошены на отработку жилого сектора в поисках свидетелей, что-либо видевших или слышавших. А я вспомнил, что у нас есть еще одно незаконченное дельце. Правда, поручено оно было персонально мне, поэтому я сказал просительно:

— Стасик, я знаю твое к этому отношение, но мне все-таки охота закрыть вопрос с рукописью. Может, подъедем вместе, а?

Он пожал плечами, но согласился. Я достал блокнот, набрал номер.

— Алло? — спрашивал заспанный голос.— Алло? Это ты, малыш?..

Я тихонько нажал на рычажок и сразу набрал другой номер. Подошли сразу.

— Слава? — сказал я.— Это Невмянов. Давайте, как договорились. Да, он дома. Можете прямо сейчас.

...Горовец стоял перед нами в одном халате и тапочках на босу ногу. Вид у него был встрепанный. Он стоял в дверях, глядя на нас исподлобья, и не торопился пригласить в квартиру.

— Извините, Виктор Семенович,— сказал я без тени извинения в голосе.— Срочное дело. Насчет Троепольской.

— Проходите...— пробурчал он нелюбезно.

В гостиной мы остались стоять, как бы подчеркивая официальность своего визита. Остался стоять и хозяин, хмуро ожидая, что мы скажем. Я легонько кивнул Северину.

— Гражданин Горовец,— скрипуче начал он,— из служебного сейфа Ольги Васильевны Троепольской исчезла ее рукопись, имеющая форму дневника. Следствие имеет основания полагать, что эта рукопись может оказаться важной уликой в уголовном деле...

— Но ведь убитая, кажется, не Ольга? — с вызовом прервал Горовец. (Эту информацию для размышления только что подкинул ему по моей просьбе Чиж.) — ...в уголовном деле,— продолжал, не обращая внимания на этот выкрик, Северин,— по факту исчезновения Троепольской. Следствие располагает показаниями свидетелей, которые видели вас рано утром во вторник, восьмого числа, входящим и выходящим из отдела писем...

Горовец замер, в упор глядя на Северина. (Его видела уборщица, которая рассказала об этом Чижу.)

— Как известно,— скрипел дальше Стас,— при проведении осмотра нами были сняты пальцевые отпечатки с дверцы сейфа Троепольской. Одни из этих отпечатков до сих пор не идентифицированы. Следствие предполагает, что эти отпечатки могут принадлежать вам. Поэтому мы предлагаем вам сейчас одеться и поехать с нами в прокуратуру, чтобы следователь, ведущий дело, мог отобрать у вас по этому поводу официальные показания.

Северин помолчал, а потом вступил с оттяжкой:

— Если прокурор сочтет необходимым, у вас будет произведен обыск.

Все это время я неотрывно следил за Горовцом. Глаза он полуоткрыты, но пухлые брови его откровенно дрожали, выдавая состояние хозяина, и я с истирательной радостью понял, что, кажется, не ошибся.

— Где рукопись? — сурово спросил я.

Горовец в испуге отпрянул, споткнулся о подлокотник и упал в свое финское кресло.

— Только не говори, что ты ее съел! — угрожающе склонился над поверженным художником утративший всяющую индифферентность Северин.

— Я... я... — заблеял Горовец. Взгляд его маленьких припухших глаз в страхе метался между нами.— Порвал... и в унитаз...

У меня от досады скватило виски.

— Понятно,— процедил сквозь зубы Северин.— Ру-

кописи не горят, зато их можно спустить в канализацию.

Вдруг ощущив позади бессонную ночь, я устало опустился на край кресла. Все всплыло! Самое обидное, что ведь угадали, попали в точку, даже раскололи эту пухлую мразь — и надо же, ткнулись носом в стенку! Я с ненавистью глядел в его перепуганную рожу, когда вдруг меня осенило. Если это правда, Горовец ни за что не признался бы: нет рукописи — нет доказательства, что он ее взял! Я подался вперед, стараясь заглянуть ему в глаза, и спросил:

— Всю?

Сглотнув, он то ли икнул, то ли дернулся в судороге. Наконец обреченно вытолкнул из себя:

— Нет. Только... — И замолк.

— Только те страницы, где было про вас! — торжествующе закончил я за него.

По дороге в прокуратуру, сидя рядом с понурым Горовцом, которого мы везли туда для оформления официальной процедуры «добровольной выдачи вещественного доказательства», я с трудом удерживался от улыбки. Вот тебе и мужчина первый сорт! Человек без комплексов! Что же она о нем узнала, что про него поняла, чтобы заставить его пуститься на такие авантюры?

Потом мысль моя естественным образом перескочила на саму Ольгу. Ну ладно, для нас это работа. А вот как у нее получается? Чтобы всякую дрянь, которая ей на глаза попадает, как минимум зацепить, а то и распорошить. Да что там — прежде всего распознать! И самое главное — не испугаться.

18

...если со мной что-нибудь случится. Не сомневаюсь, что те, кому надо, бросятся рыться в моих бумажках, и надеюсь, кто-нибудь из наших сообразит про эти записи — ну хотя бы из чистого любопытства взглянуть на конец, что же это я там пишу. Поэтому, дабы облегчить задачу, даю собственноручные показания (боже, как я себе в этот миг нравлюсь!).

Для начала придется объяснить, почему я делаю это таким романтическим образом — так сказать, пишу с того света (ха-ха, надеюсь, это шутка!), вместо того чтобы попросту поделиться с товарищами по работе. Объясняю: во избежание массового кудахтания. Представляю, как Лорчик, рыдая, падает мне на грудь, а баба Ната смотрит сквозь меня стальным комиссарским взглядом. «Если смерти — то мгновенной!...», читая я в нем. И даже Славик Чиж, боясь, может развлечься, сказать два-три неодобрительных слова. Про то, что надо не валять дурака, а сообщить обо всем в милицию. И тут они все дружно это подхватят: в милицию, в милицию!

А почему, собственно, говоря, в милицию? Потому, что у них лица розовые, а револьвер желт? Извините, товарищ лейтенант (или майор? — дело-то серьезное!), но если это в сей час мою галиматью читаешь — ваша правда, а если я сама это перечитываю перед тем, как в урну кинуть, — моя.

Хотя нет. В любом случае правда моя! Я делаю свою работу, как я ее понимаю. Ни черта у нас не выйдет до тех пор, пока каждый будет заниматься только тем, что «положено». Кем положено? Куда положено? Пока пожары будут бросаться тушить одни пожарники, а утопающих спасать — только члены добровольного общества спасения на водах, у кого билет, значок и взносы не просрочены. Конец вступления.

Итак, по существу не заданных мне вопросов могу показать следующее. С Шу-шу я познакомилась двадцать четвертого июня в салоне-парикмахерской «Волшебница». Было это так. Мы сидим с ней в соседних креслах, укрытые одинаковыми простынями, с белыми тюрбанами на головах. Формально мы ждем, пока подсохнут волосы, а на самом деле — пока Стелла (ее) и Наташа (моя) наговорятся досыта, одна по телефону, другая с клиенткой-подружкой, которая вытащила ее в коридор. Насколько помню, мы сидим не шевелясь, по крайней мере я так сижу, головой по сторонам не вертим, и если кому-то охота докопаться до самого начала, до того, как мы это заметили, то пожалуйста: благодарить надо уборщицу, молодую чернявую бабу, не слишком усердно выметавшую ложный мусор из-под наших ног. Она останавливается между нами со своей шваброй, глядит сразу в оба зеркала, фыркает и интересуется:

— Близняшки, что ли?

Мы сказываем глаза друг на друга. Вернее, на наши изображения в зеркалах. И видим (во всяком случае, я вижу) две довольно маловыразительные, но действительно похожие физиономии. Потом Наташа со Стеллой хохоча крутят нас и вертят, разглядывают в фас и в профиль, вокруг собирается весь женский зал, начинаются шуточки, вопросы: про маму с папой, кто из них где и когда подгулял, про детдом и про инкубатор.

Впрочем, когда нас наконец с грехом пополам досягли, все малость подспохваются: с разными прическами мы уже совсем не так похожи друг на друга. Я обычно стригусь довольно коротко, откровенно говоря, потому что не люблю лишней возни. Про нее же сказать, что она стрижена коротко, — значит ничего не сказать. Прически такого типа Ната Петрова

называет «закат солнца вручную». Неровно, будто тупым ножом срезанные волосы стоят у нее на голове дыбом, вернее, торчат в разные стороны, как перья у курицы, которую стали щипать и на середине бросили. Две или три прядки отливают розовым. «Панкует дамочка», помню, подумала я тогда.

Наверное, на этом бы все и кончились. И не приплыла бы мне сама в руки фактура для сногшибательного материала, даже для двух материалов! Но зато и не сидела бы я сейчас допоздна в пустой редакции, не печатала бы все это на тот печальный случай, если последовала бы в воскресенье, мне дадут по голове в какой-нибудь подворотне...

Три дня спустя после встречи в парикмахерской я дежурила по отделу. Газету подписали в печать не поздно, часов около десяти, и я решала не нырять сразу в метро, а прогуляться по воздуху, пропустить немного мозги. По Садовому добрела до Калининского и сворачиваю на него, определив себе дойти как минимум до «Арбатской», а то и до «Библиотеки».

Тут надо бы нарисовать картинку. Бедная усталая, за день натрутившая мозоли на извилинах заштатной корреспонденточки заштатного отдела писем еле-еле волочит ноги мимо сверкающих огнями и зеркалами пятиметровых окон, за которыми более, вероятно, удачливые сограждане вкусно едят, сладко пьют, танцуют, веселятся, короче, отдыхают. И вот в тот момент, когда она проплывает мимо ресторана «Арбат», происходит случайность, которая на этот раз явно не имеет никакого отношения к закономерности. Сверкнув в неоновом свете фонарей, открывается тяжелая стеклянная дверь, выплескивается наружу грохочущий музыкальный протуберанец (стол: про музыку я, кажется, присочиняю, а жаль, сравнение хорошее), и на параллете над моей головой появляется группа из пяти человек. Впереди шествует маршальского вида швейцар (а вот это сравнение, пожалуй, слишком избитое), за ним две пары — дамы виснут у кавалеров на руках. Старик с лампасами торжественно ведет за собой участников парада, я двигаюсь перпендикулярным курсом, и на тротуаре, неподалеку от проезжей части мы встречаемся. Читатель, конечно, уже догадался, что одна из дам бросается мне на шею с выражениями бурного восторга.

Шутки шутками, а я в первый момент просто обалдеваю. Ни с того ни с сего дорогу мне заступает совершенно незнакомая женщина — да еще какая! Подведененные брови вразлет, широко очерченный помадой рот, яркие румяна на скулах. Одета в узкое, немыслимо розовое платье с люрексом, с золотым бантом на поясе, с огромным вырезом и фантастическим разрезом на боку. И все это в облаке дорогих духов, шампанского и «фирменных» сигарет.

— Ох! — говорит мне это видение.— Наконец-то я тебя нашла!

И тут я тоже узнаю ее — по этим самым розовым перьям на голове.

Швейцар, оказывается, ловил для них такси. Выполнив свою миссию, он отправляется обратно сторожить свой Эдем, а те трое что-то кричат из машины, машут нам руками, пьянеют смеются. Вдруг больно скав мне руку, она кричит: «Подожди!», бросается к нам, наклоняется к окошку. Мне кажется, что до меня доносятся уже не веселые, а недовольные, даже сердитые голоса. Открывается дверца, и мою панкующую Золушку пытаются довольно грубо силой затащить в автомобиль. Ей удается вырваться, она что-то резкое кричит на прощание и с размаху хлопает дверью. Такси рвет с места, а она побегает ко мне, хватает за руку, будто боится, что я убегу. Щеки у нее трясутся, глаза блестят шальными блеском.

— Козлы вонючие,— с неожиданной злобой цедит вдруг сквозь зубы это прелестное создание. Потом она как будто спохватывается, вымученно мне улыбается. Так и не отпуская меня, машет свободной рукой, увидев зеленый огонек, а когда машина останавливается, тащит меня к ней. «Поехали, тут рядом, на пять минут, по чашке кофе...» — бормочет она, вцепившись в мою руку мертвой хваткой.

Почему я села в такси? Потому что мне стало интересно. Я уже кое о чем догадалась, слава богу, не маленькая, да и Наташка из парикмахерской раньше рассказывала мне о таких клиентках.

Через десять минут мы у нее дома. Едва войдя в комнату, она, как мне показалось, с облегчением прямо на ковре скользит туфли, стягивает платье и, совершенно меня не стесняясь, остается в одном кружевном белье. Похоже, она довольно сильно навеселе, потому что, раздеваясь, здорово шатается.

— Пойду сделаю кофе,— говорит она, ногой отшвыривая одежду в угол.— Отдохни пока. Если хочешь, можешь тоже раздеться.

Но я, разумеется, раздеваться не собираюсь. Вместо этого я усаживаюсь в кресло и принимаюсь смотреть по сторонам. То бишь приступаю к сбору материала. То, что тема есть, я больше не сомневаюсь.

Главное место в комнате — кровать. Огромная, два на два, не меньше, застланная роскошным покрывалом в тигровых разводах. В углу на подушке — кукла с широко раскрытыми детскими глазами, с ямочками на щеках, в белом подвенечном платье и даже в фате. Не забыть бы эту деталь — кукла...

Я разглядываю велюровые шторы на окнах, иконы вперемежку с фривольными японскими календарями, дорогой ворсистый ковер на полу, золоченый журнальный столик из арабского гарнитура, усыпанный журналами «Плейбой», «Пари матч» и на этом фоне почти родной «Америкой», верчу в руках ронсоновскую зажигалку размером с хорошую книгу и все вспоминаю это слово.

Наконец вспомнила: путана.

В переводе с итальянского — шлюха, проститутка. Почему-то я совершенно уверена в этом выводе. И хотя до сих пор мне не приходилось сталкиваться вплотную с этой категорией, но если что меня и удивляет, так только то, как все соответствует рассказам о них. Но рассказы — одно, а личное впечатление — совсем другое. Пока же я испытываю наибранальнейшее чувства: любопытство и брезгливость.

Написать о проститутке кажется заманчивым чрезвычайно. Попытаться проанатомировать этот уродливый мир, этот во все века и во всех странах презираемый образ существования, и уяснить, как же это получается сейчас, да еще у нас — на фоне, так сказать, всех совместных педагогических усилий семьи, школы и комсомола. Что называется, на ярком примере. Короче, я уже хорошо понимаю, что мне нужно от нее. Остается понять самую малость: ей-то что от меня надо?

Она появляется на пороге комнаты с подносом, на котором дымятся две чашки кофе. Я вижу, что вся краска уже смыта с ее лица, а на плечи накинут изящный халатик в цветах и змеях. Из маленького бара возле кровати она извлекает бутылку ликера, две малюсенькие рюмочки, кидает на стол через всю комнату пачку «Пэл Мэл». Потом усаживается с ногами в кресло напротив, закуривает, пускает облако дыма и, прищурившись, вперивается в меня. Пожалуй, она не очень-то представляет, о чем со мной говорить.

— Меня зовут Ольга, — говорю я, в основном чтобы начать разговор.

— Дура, — с искренним огорчением стучит она себя по лбу. — Познакомиться забыла! Я — Саша. А вообще-то все зовут меня Шу-шу. Ну надо же, как здорово, я тебя встретила! Хотела уже завтра в «Волшебницу» ехать, у девчонок про тебя спрашивавать, представляешь? И тут ты идешь!

— А зачем ты меня искала? — любопытствую я.

У Шу-шу скучнеет лицо. Несколько секунд она туповато разглядывает остатки ликера на дне рюмки, потом тянет:

— Да вот... думала... Вдруг мы правда с тобой сестрички, а? Вот кайф будет! — Шу-шу оживляется: — Тебе сколько сейчас?

— Двадцать пять.

— А мне двадцать четыре! Вообще-то маманя с папаней у меня в порядке, всегда твердили, что я у них единственная и неповторимая. Свет в оконце! — Она хочет. — Хотя папана кобель был — будь здоров! Ты-то насчет своего как, в курсе?

Меня почему-то даже веселит эта ее наглая бесцеремонность.

— В курсе, — успокаиваю я ее. — И кстати, я не в Москве родилась. И вообще мне совсем не кажется, что мы так уж похожи.

— Как «не похожи»? — хмурится она. Вскакивает, выбегает в прихожую, я со своего места вижу, как она роется в стеклянном шкафу. Возвращается Шу-шу с двумя вязанными шапочками, не спрашивая моего согласия, одну натягивает мне на голову, другую нацепляет сама. Хватает за руку, вытаскивает меня из кресла, ставит рядом с собой перед зеркалом. Вглядывается, сосредоточенно сдвинув брови, и наконец говорит удовлетворенно:

— Похожи...

Совершенно ясно, что чем-то это ей очень важно. Но так же очевидно, что говорить, чем именно, она не расположена. Поэтому я решаю отложить выяснение этого вопроса до лучших времен, а пока приступить к своим служебным обязанностям.

— Это что, «фирмачи» там с тобой были?

Шу-шу презрительно кривит губы:

— Какие «фирмачи»! Деловые... Откуда-то из Ростова. Гуляют... Пятьсот рублей только в оркестр засадили.

— Чего ж ты таких клиентов бросила? — с невинным видом закидываю я две удочки сразу и тут вижу, как глазки у моей Шу-шу настораживаются. Она смотрит на меня исподлобья, словно увидела впервые, только что, и сейчас быстренько прикидывает, что со мной делать.

Не исключено, что так оно и есть. Хмель на глазах отпускает ее, возбуждение спадает, она зябко передергивает плечами, крепко скимает ладони между коленок. Зачем-то я ей нужна, вернее, нужна наша с ней похожесть, вот она и притащила меня к себе — спяну, в ажиотаже от нашей негаданной встречи, притащила и только теперь задумалась: кого?

Написала я все это и сама себя устыдила. Пожалуй, если честно, я задним умом крепка. Это только теперь я знаю, какие виды она на меня имела, а тогда ничего толком не понимала. Просто чуяла носом, что лезу во что-то интересное — ну и лезла...

Да, сейчас-то я знаю, что ей было нужно. Для того, что она задумала, ей мало было со мной познакомить-

ся, мало подружиться. Чтобы я послезавтра согласилась сделать то, что она хочет, надо было меня приручить. И, как я теперь понимаю, моя новая подружка взялась за это самым простым для нее, близким и гарантированным способом. Имею теперь все основания предполагать: тем самым способом, каким когда-то приучили ее.

Впрочем, для начала проводится небольшое анкетирование: кто, что, откуда. Ну, слава богу, профессий разных у меня в жизни хватало: я называлась медсестрой. Про маму, папу и трудное детство в далеком Свердловске даже врат не приходится — рассказываю все, как есть. Конечно, я рассчитываю на ответную откровенность... Но даже представить себе не могу, до какой степени эта откровенность дойдет.

Уже довольно поздно, мы выпили уйму кофе, пересказали друг другу в общих чертах свою жизнь (в основном прошлую), согласно обругали всех мужиков чохом, когда я начинаю замечать, что с Шу-шу что-то неладно. Глаза у нее попритухли, на скулах выступила хоть на этот раз и натуральный, но какой-то нехороший румянец, губы стали пунцовыми, словно их обметало лихорадкой. Она теперь говорит затрудненно, как если бы в горле у нее пересохло. И ко всему прочему ее временами сотрясают короткая дрожь, несмотря на то, что она давно уже принесла себе плед, плотно закуталась в него.

Перехватив мой взгляд, она криво улыбается и говорит жалобно и непонятно:

— Кумарит...

И вдруг будто решилась на что-то, сбрасывает плед. Из тумбочки возле кровати достает совершенно неожиданную в ее квартире пачку «Беломора», в другой руке у нее небольшой бумажный кулек.

Снова, как тогда, взглянув на меня настороженно, оценивающе, спрашивает якобы небрежно:

— Покурим?

Я знаю, вы осудите меня, мой генерал, но я говорю: да!

Нет, сама я, конечно, не курю, еще чего! Вернее, делаю вид, что курю, но даже не пробую затянутся. В дни туманной юности, когда у нас, дворовых мальчишек и девчонок, не курить значило быть не как все, я научилась довольно ловко имитировать этот процесс — и вот сейчас пригодилось.

Шу-шу ловко высыпает табак из папиросы на листок бумаги, осторожно достает чуть дрожащими пальцами из кулька комочек наркотика, поджигает его на спичке, потом тщательно перемешивает с табаком и аккуратно, не проронив ни крошки, ссыпает обратно в гильзу. Прикуривает и первую глубокую затяжку делает со свистом, втягивая дым вместе с воздухом. Потом передает папиросу мне. Дым кисло-сладкий на вкус, больше я, слава богу, ничего не ощущаю.

Но зато как буквально через несколько минут преображается моя новая подружка! Глазки снова блестят, голос окреп. Перемена такая быстрая и разительная, что я пугаюсь: до какой зависимости от этой дрянни может довести себя человек! Но тогда я еще не знала по-настоящему — до какой...

Теперь в основном она говорит, а я слушаю, иногда только подкидывая какой-нибудь вопросик. Шу-шурочка словно слетела с тормозов: наверное, минут тридцать болтает не переставая, пересказывает с пятого на десятое, начинает одним, кончает совсем другим, но все равно за эти полчаса я многое узнаю про нелегкую жизнь путаны. Кто и сколько платит ей, кому и сколько платит она. Про швейцаров, что берут за вход по червонцу, про офицеров и метрдотелей, которым тоже надо «отстегнуть», про таксистов-траперов, подбирающих клиентов, про проклятых ментов, не дающих жить спокойно, про чертовых коодовцев. Про то, что лучше всего иметь дело с «фирмой», но страшновато брать валютой, на валюте-то как раз и можно погореть, поэтому надо утром тащить «фирмача» в «Березку» и там отовариваться. И про многое другое, о чем я, надеюсь, напишу в своем материале.

Потом так же неожиданно она снова сникает. Замолкает на полуслове, боком сползает с кресла, сгорбившись, бредет к тумбочке. Уже не таясь, достает шприц и ампулу. Косо глядит на меня и, не сказав ни слова, выходит из комнаты. Я слышу, как она гремит в ванной чем-то стеклянным и металлическим.

Минут через десять она возвращается — порозовевшая, но какая-то снулая. Присаживается в кресло, но потом перебирается на кровать, ложится поверх покрывала, поджав по-детски ноги. Я укрываю ее пледом и сажусь рядом.

— Хочешь... возьми... — еле ворочая языкком, говорит она мне с закрытыми глазами. — Все... тумбочке...

По лицу ее блуждает улыбка, которую в равной мере можно назвать как блаженной, так и идиотической. И тут я, наверное, совершаю ошибку. Жадница, тороплюсь. Я наклоняюсь к ней и спрашиваю:

— Слушай, а где ты это все берешь?

Она вдруг широко раскрывает глаза, и я прямо перед собой вижу два безумных, почти не оставивших места белкам зрачка.

— Никогда, — говорит Шу-шу неожиданно звонко и зло, — никогда никому — не задавай — этот вопрос.

После этого она снова закрывает глаза. Я еще немного жду, гашу свет и ухожу из квартиры. Выйдя

на улицу, я записываю в блокнот номер квартиры и дома. Время — полдня третьего ночи...

19

Я перевернула страничку, чтобы отдать ее Северину, и оторопел. Печатный текст кончился. Дальше шли какие-то каракули от руки. Первые мгновения я пыталась вчитаться, понять хоть что-нибудь, но тщетно. Невозможно было различить с уверенностью ни одной буквы, не говоря уж о том, чтобы сложить из них слова.

— Ну что там у тебя? — недовольно поинтересовалась Северин, заглядывая мне через плечо.

— Абракадабра какая-то, — честно ответил я.

— Н-да, — протянул Стас, рассматривая листок, — абракадабра не абракадабра, а скоропись наверняка. Она ведь, кажется, секретарем в суде одно время была?

— А зачем ей это... — начал было я, но замолчал, уже догадавшись. Ольга печатала, как обычно, в редакции. Видимо, вечера в пятницу ей оказалось мало, и она продолжала дома в субботу — от руки.

Северин с нескрываемой досадой пролистнул рукопись и швырнул ее на стол.

— Графоманка чертова! Это ж надо — десять страниц, а информации ни на грош! Продолжение следует...

— Ну, знаешь, Стасик, — вступил я, — она же все-таки не справку для нас писала... Давай лучше думать, что нам с этим делать. Как считаешь, можно ее писанину расшифровать?

Он пожал плечами.

— Можно-то можно. Весь вопрос — когда? Сегодня пятница. Надо срочно, пока рабочий день не кончился, тащить это в НТО, к почековедам. И просить Комарова, чтобы звонил ихнему начальнику. А то, боюсь, в понедельник нам с тобой будет уже не очень интересно, что здесь написано.

Стас глянул на часы и присвистнул:

— Нам вообще надо торопиться, если мы хотим этого Кошечкина прямо на вокзале перехватить.

И вот мы снова — в который раз! — сидим напротив друг друга в балакинском кабинете. На столе перед нами два пухлых тома яроповского «дела». Но, если верить Диме (а верить ему, безусловно, надо), нас может интересовать здесь лишь самый первый документ. А именно: рапорт о том, как в одну прекрасную ночь был накрыт притон Пиявки.

Будем говорить прямо, тогда, семь лет назад, наши коллеги поработали неважно. В рапорте это даже не приходится читать между строк. Есть и виновник — тот самый участковый предпенсионного возраста. Бесшумно проникнув под утро в квартиру, предводительствуемые им (как знатоком местности) оперативники заблудились в огромном коммунальном коридоре, в темноте вломились не в ту дверь, разбудили соседей. Под шумок кто-то вырубил пробки, и, как предполагается, часть посетителей «заведения» успела смыться через знакомый нам, но, увы, неведомый участковому черный ход.

На месте, кроме хозяина, остались всего трое. Да и то сказать — на месте! В соседней пустующей комнате, из которой одни жильцы уехали, а других еще не заселили, двое мужчин играли в карты при свечах. Женщина, вернее, молоденькая девушка, спала тут же на брошенном в угол старом матрасе и проснулась, только когда в комнату вошли с фонарями. По заключению экспертизы, все задержанные находились в различных стадиях наркотического опьянения. Но, поскольку наркотиков при них обнаружено не было, их утром отпустили. В дальнейшем, на следствии и на суде, давая свидетельские показания, они повторяли, в общем, одно и то же: у Яропова в квартире бывали, друг с другом, а также с другими посетителями притона знакомы только в лицо, если и приходилось употреблять наркотики, так лишь те, что предполагал Пиявка...

— Я вот тут подсобрал кое-какие данные на этих трех задержанных, — скромно сообщил Балакин, вынимая из ящика стола листок бумаги. — Номер первый — некто Кострюмин Валентин Анатольевич, 1946 года рождения, дважды судимый, оба раза за кражи лично-го имущества. Судя по манере изложения на допросах — натуральный вор-рецидивист. «Гражданин начальник» и все такое прочее. В момент задержания инвалид второй группы, психбольной. В 1983 году скончался в токсикологическом отделении больницы Склифосовского от острого отравления наркотически-ми веществами.

— Бедняжка... — пробормотал Северин.

— Номер второй, — продолжал Дима, — Данилевский Виктор Павлович, 1951 года рождения, член московского гуркома графиков, фотограф. На момент задержания не судимый. Этот не чета первому — интеллигент! Все объяснения писал собственноручно и довольно грамотно, да еще со всякими вывертами: «учитывая вышеизложенное», «считаю долгом сообщить уважаемым органам», «см. выше» и так далее. Поскольку ничего больше для его характеристики нет...

— Есть, — между прочим вставил Северин, но Балакин не остановился, только брови приподнял в знак того, что воспринял информацию, и продолжал:

— ...то я эти выраженьца выписал: авось пригодится! Если, конечно, не считать характеристикой то, что, по сведениям с бывшего места прописки, в 1981 году он осужден к шести годам сразу по трем статьям: мошенничество, хранение огнестрельного оружия и оказание сопротивления при задержании...

— Ну, это не характеристика! — махнул рукой Стас, а Балакин продолжал:

— Я послал своего паренька в нарсуд за этим «делом».

— И где этот Данилевский сейчас?

— Запрос в колонию я отправил, но ответа пока нет.

Как всегда, Балакин был четок, пунктуален, профессионален. Не зря наше начальство давно поговоривает о том, чтобы перетащить его в управление.

— И, наконец, как любит говорить наш друг Северин, — тут Дима тонко улыбнулся, — последняя маленькая деталь. Третий задержанный, вернее, задержанная — Салина Александра Игоревна, 1962 года рождения, выпускница средней школы, на момент задержания нигде не работавшая...

— Ну что ж, все ясно! — хлопнул ладонью по столу Стас, а Балакин снова приподнял брови:

— Поделитесь, братцы...

— Говорили мы с этим Кошечкиным... — начал я. — Он Салину опознал по фотографиям. Говорит, довольно часто встречал ее у Пиявки, и всегда она была не одна, а с человеком по прозвищу Луна. Он в основном благодаря этому Луне ее и запомнил. Яркая личность: игрок, да при этом еще из деловых. Кошечкин говорит, там в разговорах все мелькало: бега, бильярд, чеки, валюта, доски, камушки... А что до девчонки, то она за этим Луной ходила, как собачка на веревочке. У Кошечкина вообще впечатление, что она и покуривать начала, и на иглу села только тут, у Пиявки. Он даже однажды слышал случайно, как Пиявка Луне сказал недовольно: дескать, что ты ее сюда таскаешь, молодая больно, пришьют вовлечению, а она нас всех заложит по глупости. Ну, а Луна отвечает: не боись, говорит, пока я жив, не заложит. Она, говорит, меня любит больше жизни, а боится больше смерти. Она, говорит, у меня вот где вся — и кулак показал.

— Луна — это Данилевский, — уверенно сказал Северин.

— А почему не второй, как его, Кострюмин? — главным образом по привычке спорить с ним тут же взорвал я.

Стас только плечами пожал, а Балакин тяжко вздохнул:

— Сейчас отправлю людей искать их фотографии...

— Если это Луна, то считайте, что мы нашли убийцу, — стоял на своем Стас.

— Убийцу Салиной, — уточнил на всякий случай я. — А ты уверен, что это нам что-нибудь даст в плане Троепольской?

— Не уверен, — честно ответил Северин. — Поэтому набери-ка номер Гужонкина, пусть поразумнает у своих дружков, как там дела с этой клинописью.

Гужонкин в свойственной ему манере не говорил, а пел:

— Приезжайте, мои дорогие, приезжайте, мои хорошие! — и добавил суворой прозой: — Тут на вас лучшие силы пашут, не разгибая спины.

— И когда допашут? — поинтересовался я.

Но Гужонкина уже кто-то куда-то отвлекал от телефона.

— Приезжайте, — успел крикнуть он, — я тут начал читать — не оторвешься. Агата Кристи! — и бросил трубку.

Когда мы подъехали к управлению, Северин сказал не терпящим возражений тоном:

— Я — в НТО, ты — к Багдасаряну. Встречаемся у нас.

Но я и не собирался возражать, хоть мне тоже не терпелося увидеть самому расшифрованную рукопись Троепольской. Часы показывали половину шестого. Вечер пятницы. Заканчивался первый из трех дней, отведенных нам на поиски пропавшей журналистки. И дело, разумеется, было не только, да и не столько в амбициях нашего начальства. Просто с каждым днем шансы найти ее живой стремительно уменьшались.

Багдасарян сидел за столом у себя в небольшом запроходном кабинетике и писал. Увидев меня, Леван с наслаждением отбросил авторучку.

— Три раза тебе звонил! — восхликал он. — Счастливый человек, в кабинете не сидишь, гуляешь на свежем воздухе!

Я не стал возражать, рассказывать, как именно я гуляю, тем более что самого Левана только недавно перевели на эту должность из старших оперов. Просто жалобы на судьбу входят в его манеру разговаривать.

— Слушай, она же проститутка, знаешь? — возмущенно восхликал он, от вступления переходя к делу.

— Знаю, — успокоил я его. Но Багдасарян успокаиваться не хотел. Он тряс головой и цокал языком. Его тонкая восточная душа не могла смириться с тем, что есть женщины, которые за деньги продают самое дорогое, что у них есть.

Наконец он протянул мне два скрепленных между собой листка бумаги.

— Кличка у нее Шу-шу. Здесь кое-какие ее связи. Кое-какие, — подчеркнул он. — Ты же понимаешь, дорогой человек, проститутка не домохозяйка, ее знакомых на одном листке не уместишь. Тут только те, что по нашей части. А это такой народ... — Он снова огорченно поцокал языком. — Просто так ни о чем с тобой говорить не станут. Разве только с поличным возьмешь... И то, под протокол — ни-ни!

Он поднялся со своего места, развернулся в мою сторону, как боевое орудие, свой похожий на рулевое весло нос и оперся о поверхность стола костяшками пальцев, словно собирался произнести речь. Так и оказалось на самом деле.

— Вот результат: раньше кричали — нет наркоманий, нет наркоманов! Теперь взялись за алкоголь, кричат — есть наркомания, есть наркоманы! Теперь говорят: давай, Багдасарян, борись! А как бороться, не говорят. Ведь это не просто наркоманы — это же люди-граждане. Да еще к тому же больные! Их доктора лечить должны. А что Багдасарян должен делать? Багдасарян должен так делать, чтоб этим наркоманам негде было наркотик купить! Раньше как бывало? Задержали его с поличным, спрашивали: где взял? Он говорит: на улице нашел! Ах, на улице, говорят? Очень хорошо, говорят! Получи три года, принудительное лечение и привет, говорят! Нет наркоманий, — Леван выразительно развел руками, — есть отдельный наркоман. Эх, сколько времени упустили, потеряли!

Он вдруг сник и сел на место, отдуваясь, как после жаркой схватки с невидимым врагом. Потом продолжал, неожиданно ухмыльнувшись:

— Я тут имею, конечно, кое-какую информацию. Эта твоя Шу-шу — наркоманочка со стажем. И вот в той компании, где она крутилась, последнее время тревожный симптом обнаружился. Сухой морфий...

Я аж весь вперед подался, но Леван все с той же ухмылкой предупреждающе поднял руку.

— Погоди со стула падать, дорогой человек. Я же потому и говорю, что ты у меня в прошлый раз морфием интересовался. Значит, так, — Багдасарян поудобней устроился на стуле и завел глаза к потолку, — задержали мы три дня назад одного ягненка... Но тут же он сам себя поправил, досадливо щелкнув пальцами: — Э, в том-то и дело, что задержали, да не мы. Участковый, понимаешь, бдительность проявил: тот у него на территории квартиру без прописки снимал. Пришел с проверкой документов, а ягненок-то под «кайфом»! Ну, туда-сюда, дальше — сам понимаешь. Нашли при нем пакетик — десять грамм сухого морфия. Отправили мы этот морфий на экспертизу и вот только сегодня получили ответ...

Леван порылся в бумагах у себя на столе, вытащил несколько листочков. Еще раз просмотрел их, словно боялся ошибиться, и сообщил:

— Похоже, этот морфий не промышленного производства.

Я слушал, напряженно прикидывая, чем это может быть полезно нам. Предположим, те крошки из плаща Троепольской и то, что мы нашли в квартире Салиной, — того же, так сказать, самогонного происхождения. Это всего лишь гипотеза, это еще экспертиза должна установить, но предположим. Что это нам дает?

— Леванчик, нельзя поподробней про ягненка? — попросил я.

Багдасарян тяжко вздохнул.

— Можно... Крол Леонид Федорович, двадцать семь годков молодцу. Нигде не работает. То есть где-то он там числится, но это, сам понимаешь, фикция. Колоться начал лет с двадцати. Сейчас, по-моему, уже полуфабрикат для крематория. Дважды принудительно лечился. В перерывах спекулирует чем придется, в основном по мелочи. Только чтобы хватало на «кайф». Семьи нет. Отец умер, мать жива, вся седая от него. В общем, светлая личность...

— Ну, а как он мог быть связан с Шу-шу?

Леван выдвинул ящик стола, вытащил потрепанную записную книжку.

— Это его. Смотри, открываем на букву Ш. Видишь эти цифры?

Цифр было девять, они располагались в три строчки, между строчками стояли знаки «плюс», внизу был подведен итог. Я не видел в этой арифметике никакой прямой связи с Салиной.

Багдасарян ухмыльнулся:

— На итог не смотри. Убери первую цифру и последнюю, потом прочитай их сзаду наперед — получишь телефон своей Шу-шу. Примитивный камуфляж! Но это означает, что у них были деловые отношения. Причем такие, которые он афишировать не хотел.

— Десять грамм сухого морфия — уже не мелочь как будто? — неуверенно спросил я.

— В том-то и дело! — азартно поддержал Леван. — У Крола таких денег отродясь не бывало. Потому мы и думаем, что он мог получить наркотик на комиссию, для распродажи. А это говорит, что источник где-то близко, между ним и Кролом совсем немного рук, понимаешь?

— Сам он, конечно, молчит? — уточнил я на всякий случай.

— Почему молчит? — невесело усмехнулся Багдасарян. — Дает чистосердечные показания. Купил на Черемушкинском рынке у незнакомого человека. Даже приметы называет. В подробностях... А больше ему говорить с нами не о чем. Понимает, бандит, что сбыт мы ему уже вменить не сможем, нет доказательств. А раз нет — он так и так получает за хранение свои три года, ни больше ни меньше...

Я сочувственно покивал головой. Впрочем, сочувствовать в равной мере можно было и мне. Связи Салиной — это, конечно, хорошо, но на их разработку уйдет немало времени, которого у нас нет. К тому же еще и неизвестно, куда они, эти связи, приведут, и приведут ли вообще. Если Балакин прав и Салину убили из-за крупной партии сухого морфия, нам нужен непосредственно сам источник.

— А у тебя есть какие-нибудь предположения насчет того, кто этим может заниматься? — спросил я.

— Только предположения и есть, — ответил Багдасарян, как мне показалось, неохотно. — Вот ты меня спрашивал, нет ли у них мест, где они собираются. Наметилось тут одно. Пока не хочу говорить, чтоб не слазить. Если повезет, в конце той недели проведем небольшую операцию, будет сразу много новой информации, глядишь, и тут что-нибудь определится...

— Леванчик, дорогой, — сказал я просительно, — нам до конца недели ждать нельзя, у нас срок до понедельника. — я выразительно ткнул пальцем в потолок. — Дай сейчас, что знаешь.

Багдасарян неодобрительно поджал губы, покачал головой.

— Вам дашь, вы мне всю малину испортите.

Я умоляюще прижал руки к груди.

— Видишь, какая штука, — неохотно начал Леван. — Морфий получают из опия. Но вот вопрос: зачем делать морфий, если можно употреблять прямо опий? Ты скажешь: морфий дороже — и будешь прав! Из десяти граммов опия можно получить три грамма морфия, а стоит он в пять-шесть раз дороже. Получается — что? Правильно, прибавочная стоимость! Но, как мы с тобой знаем, чтобы получить прибавочную стоимость, надо вложить, во-первых, капитал, во-вторых, труд, а в-третьих, желательно иметь кое-какое оборудование.

Багдасарян встал из-за стола и, войдя в роль лектора, слегка ссутулившись, заложив руки за спину, прохаживался передо мной туда-сюда.

— Возгонка морфия из опия в домашних условиях процесс очень непростой, сам понимаешь, из-за трех, десяти, даже пятидесяти грамм заводиться нет смысла. А чтобы получить хотя бы килограмм, нужно как минимум три кило опия. Это же колоссальная сумма, понимаешь? Значит, тут какая-то сволочь решила вложить капитал, чтобы заработать денежки. Но я тебе говорю, здесь одного капитала мало. Нужен еще человек, который умеет это делать, и нужна аппаратура.

Леван в задумчивости остановился, качаясь с пятки на носок.

— Ну, ну... — нетерпеливо подстегнул я его.

Он почесал в затылке и произнес обреченно:

— Ох, напортачите вы мне... — И продолжал: — Так вот, кто вложил деньги, я не знаю. Даже не предполагаю пока. Я и про то, кто непосредственно занимается производством, тоже не знаю. Я только и знаю, что есть человек, который мог бы им заниматься. А больше ничего.

— Кто? — нетерпеливо спросил я, открывая блокнот.

— Записывай, — махнул рукой Леван. — Гароев Артур Николаевич, тридцать восемь лет. Кличка — Кобра, это из-за очков, а еще, наверное, потому, что у него лицо такое противное, удлиненное. Ну, это не суть важно. А важно, что он по образованию химик, говорит, даже неплохой. Работал в каком-то НИИ, сейчас не помню, в каком, натаскал оттуда разных колб и оборудовал у себя дома целую лабораторию. Гнал всякую дрянь для себя и на продажу. Мы это дело прекратили...

— И что с ним сейчас?

— Хороший вопрос... — вздохнул Багдасарян. — Дрянь, она и есть дрянь. От нее у людей изменение личности происходит. Все симптомы, как при шизофрении. И никто потом не может сказать, то ли он стал колоться оттого, что был шизиком, то ли он шизиком стал оттого, что колотился... В общем, лечили его принудительно года два, а потом выпустили.

Я открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но Багдасарян меня опередил:

— Сегодня уже мои ребята наводили справки, аккуратно, через участкового. Кобра дома не живет, появляется крайне редко...

Когда я открыл дверь в нашу комнату, Северин заканчивал с кем-то говорить по телефону. Расшифрованная рукопись Троепольской лежала перед ним на столе.

— Читай быстро, — сказал он, кладя трубку. — Через пятнадцать минут нас ждет Комаров. Звонил Балакин: ему привезли «дело» Данилевского, там есть его кличка. Это Луна. И еще. Пришел ответ на наш

телекс из колонии. Данилевский четыре месяца назад освобожден условно-досрочно. В настоящее время местонахождение неизвестно.

20

«Всю субботу вместо того, чтобы думать о душё, занималась бог знает чем. С утра ездила к Анне Николаевне, прибрала ей квартиру — пылища от этих книг неимоверная! Сходила за продуктами для себя и для нее, позавтракали. Этот подонок все еще ей называет иногда, даже приходит два раза. Бабулька моя клянется, что на пороге его не пустила, сказала, что лучшие книги отдала мне и остальные тоже скоро передаст в музей. Лошадь, наверное, скрежетала зубами!

Ну ничего, тут меня просто более важные дела отвлекли, а вот покончу с ними и возьмусь за это животное. Е.б.ж., как говорил один ныне покойный литератор. Материал-то весь практически собран, осталось только сесть и написать. Спешки нет: все, слава богу, задокументировано и никуда теперь не денется. В бухгалтерии Мосбуккниги хранятся квитанции на одни и те же книги, которые он за копейки покупал из-под прилавка у Лангуевой, а потом сдавал в Дом книги совсем по другой цене. Подумать только, переносить книги из одного государственного магазина в другой, за две улицы, и зарабатывать на этом сотни рублей! Не считая всех тех просто ограбленных, к кому эта стерва послала его как «честного и знающего коллекционера».

Сама она тоже в последнее время ведет себя тихо, как мышка. никаких тебе коммунальных ссор, выселять меня не грозит и с обменом в Бирюлево не пристает. Но я на всякий случай, когда она куда-то умотала, соорудила во втором ящике серванта тайничок, отбила себе все пальцы молотком. Так что Пушкин, Радищев и компания лежат там. (Это для вас информация, мои милые розоволицые друзья.)

И вот только теперь села дописать то, что вчера не дописала. А получается почему-то не о том. Е.б.ж., Е.б.ж., Е.б.ж. А ведь хорошо бы еще вечером поехать в контору все это перепечатать, иначе какой смысл писать? Никто не разберет!

Да, еще звонил три раза мой новый обожатель: ст.н.с. Эдичка Буйносов. И смех, и грех! Разливается по телефону соловьем, всякие байки про великих писателей рассказывает, а потом — бац! Начинает скрипеть что-то нудным голосом про список библиографии — это, значит, жена у него в комнату вошла. Потом опять бормочет жарко, что мечтает со мной встретиться, но сегодня не может: выходной, домашние заботы заедают, стало быть. Надо бы послать его, конечно, по-хорошему, не морочить голову, да жалко. В понедельник зовет в ресторан, праздновать мой день рождения. Все лучше, чем опять с матронами нашими пирожные весь вечер трескать. Может, пойду с Эдичкой. Е.б.ж.

Так на чем мы остановились? Ага, на том, что Шу-шу заснула, а я потихоньку смылась. Но утром я вернулась — часов в одиннадцать.

Звонить в дверь приходится долго, наверное, минут десять. Наконец Шу-шу мне открывает. Боже мой, я не в состоянии описать это зрелище! Котенок, только что вынутый из помойки, выглядит привлекательней.

Она вся зеленая, в каких-то розовых пролежнях. Глаза у нее, по-моему, просто не открываются, она, наверное, дошла до двери ощущую. Снова, как вчера, ее бьет мелкая дрожь.

— Это ты, — говорит она совершенно безразлично, падая обратно в кровать и забываясь под одеяло. — Уколешь?

Я по наивности сначала не понимаю, чего она от меня хочет. Потом соображаю: у нее такое состояние, что она сама просто не может попасть себе иглой в вену.

— Может, не надо? — морщусь я, внутренне содрогаясь от ее вида и от того, что мне предстоит.

— Надо... — отвечает Шу-шу, еле разлепляя губы. И добавляет без всякой интонации, но так, что у меня мурашки идут по коже: — Умру...

Честно говоря, глядя на нее, можно в это поверить. По ее указаниям я нахожу в тумбочке рядом с кроватью небольшой бумажный пакетик вроде тех, в которых филателисты держат обманные марки. На дне его немного сероватого кристаллического порошка. Там же, в тумбочке, лежат упаковка ампул с дистиллированной водой, несколько разнокалиберных шприцев, металлическая коробка с иглами. Стоит пустой флакон с притертой пробкой, рядом такой же, с надписью «Спирт».

— Здесь два грамма, — хрипит Шу-шу, — ссыпь их в пустой флакон, добавь двадцать кубиков воды. Потом набери в шприц... — Она на мгновение запинается, затем не говорит, а выдыхает: — Пять... — И откладывается без сил на подушку.

Превозмогая дрожь, чувствуя, что меня уже немногого от этого всего подташнивает, я вспоминаю свои быльи сестринские упражнения, отыскиваю в тумбочке жгут, перетягиваю ей предплечье. Она жалко улыбается:

— Надо бы в ногу, да ты, наверно, не сумеешь... Только позже я сообразила, что это значит: путане следует заботиться о своей внешности. Но в тот момент, глядя, как постепенно на глазах уходит зелень из лица Шу-шу, какмячуют ее заостренные черты, я сама чуть не теряю сознание. Плохо себе представляю, что такое на самом деле гальванизация трупа, но почему-то именно это вертелось тогда в моей голове.

Через четверть часа Шу-шу, блестя глазами, скакет по кухне как ни в чем не бывало, варит нам кофе, мажет икрой бутерброды. Правда, я замечаю, что раза два-три она промахивается рукой мимо предметов, которые хочет взять, но это лишь вызывает у нее приступы бурного хохота.

— А не боишься, правда, помереть как-нибудь? — спрашиваю я.

Шу-шу беспечно машет рукой.

— Не бери в голову! Что ты думавши, я всегда так, что ли? Только последние недели две. Раньше как: когда покуришь, когда «болтушки» глотнешь, в неделю раз уколешься. А тут видишь что... Морфуша косяком пошел, сейчас откажешься — потом не будет! Лови момент. Он уж и так пугает, что скоро кончится...

— Он — это кто? — интересуюсь я, между прочим, и вижу, как разболтавшаяся Шу-шу вдруг словно укололась обо что-то, дернулась, сморщилась и говорит назидательно:

— Никогда не задавай таких вопросов.

Я вспоминаю вчерашнюю ночь и понимаю, что это табу, которое, видимо, действует в любом состоянии. Надо ли объяснять, что от этого мой интерес только увеличивается?

Часам к двенадцати мы кончаем завтракать, и тут на моих глазах натурально разворачивается военно-полевой сумасшедший дом. Сейчас нет времени подробно это описывать — опишу обязательно потом для газеты. Но в двух словах происходит вот что.

Беспрерывно звонит телефон. С трубкой возле уха Шу-шу бросается в кресло или ничком на кровать, иногда ходит в возбуждении с телефоном в руках, ведя далеко не всегда понятные постороннему переговоры. Говорит она вроде бы по-русски, но я не понимаю и половины. «Глокая кудза» какая-то. Улавливается, правда, общий смысл: чаще всего это разговоры о купле-продаже, выяснение каких-то отношений, договоренность о встрече.

Одновременно приходят разные люди. Никто не задерживается больше двадцати минут, разве что успевает выкурить сигарету. Но все приходят по делу. Приносят икру, крабы, балык, импортное печенье, бархатное пиво, американские сигареты. Сережки с бриллиантами, колечко с хризолитом, японский серебряный браслет. Бабские шмотки в полном ассортименте.

Поражают цены. Сначала, когда маленькая, вертлявая, сиплатая девка вываливает прямо на пол целую сумку барахла и Шу-шу спрашивает про один модненький свитерок «сколько», я, услышав цифру «четыре», поражаюсь дешевизне. Такой и в магазине рублей шестьдесят может стоить. Потом оказывается, что четыре — это четыреста...

За салоги просят пятьсот, за платье семьсот пятьдесят. Мне в моем углу кажется, что я схожу с ума. А тут предлагают друг другу прямо рассчитываться долларами, марками, иенами, бойко пересчитывают одно в другое. Я замечаю, что Шу-шу изредка поглядывает в мою сторону, как бы наблюдает за реакцией, и стараюсь сохранять на лице более или менее индифферентное выражение. А однажды, когда мы в какой-то момент оставляем одни, она снова вытаскивает из тумбочки шприц и протягивает мне:

— Не хочешь поправить настроение?

К такому повороту я в принципе давно уже готова. Поэтому, изобразив для приличия робость, довольно быстро даю себя уломать. Беру все принадлежности и направляюсь в ванную.

— Сама будешь? — удивленно спрашивает она вслед и вспоминает: — Ах да, ты ж умеешь...

В ванной я честно перетягиваю руку жгутом, нахожу вену и протыкаю ее иголкой. Потом прижигаю ранку спиртом, зажимаю ваткой. Содержимое шприца выливается в раковину. Сижу минут пять на краю ванны, размышляя, не слишком ли далеко я влезаю в эту историю. Прихожу к выводу, что не слишком. Черт возьми, кто еще из журналистов может похвастаться чем-нибудь подобным?

Не зная точно, как должен выглядеть человек, впервые попробовавший «кайфа», я прохожу в комнату, падаю в кресло с закрытыми глазами, расслабляясь и пытаюсь изобразить на губах блаженную улыбку. На самом деле чувствую я себя неуютно, боясь, что меня сейчас разоблачат. Но Шу-шу, кажется, ничего не понимает. Слава богу, ей и в голову не приходит, что кто-то может выпить «морфушу» в раковину. Лица я ее не вижу, зато слышу где-то рядом со мной радостное похихикивание.

Звонят в дверь, появляется новый посетитель. Я рассматриваю его сквозь полуоткрытые веки. Невысокого росточка, болезненно худой, с неестественно тонкими ручками и ножками, чернявый, с острыми чертами лица, похож на хорька. Описываю его подробно, потому что это был единственный раз, когда Шу-шу, кинув взгляд в сторону моего распростертого

тела, увела гостя на кухню и плотно прикрыла дверь. Только колоссальным усилием воли я подавляю в себе желание встать и подслушать, о чем у них разговор. Не торопясь, Петя, говорю я себе, все твоё будет. (Очень может быть, что завтра я наконец-то узнаю, была ли я права.)

О том, что произошло дальше, я тоже надеюсь рассказать в деталях, со вкусом, когда стану писать материал. А пока опять же коротко.

Приближается вечер, я предполагаю, что Шу-шу скоро начнет готовиться к «выходу». Мне хочется наблюдать, как путана собирается «на работу»: одевается, красится, мажется. И вдруг она садится на подлокотник моего кресла, заглядывает в лицо, ершистые волосы и говорит:

— Ну, как насчет кабака?

Сначала я растерялась. Мелькает трусливая мысль, что работа работой, а вдруг кто-нибудь из знакомых увидит меня в ресторане в компании с проституткой — иди потом доказывай, что ты не верблюдица! И только минуту спустя я понимаю, что меня не просто зовут в «кабак» при сем попутствовать — мне предлагают пойти туда попутанить! Воображение тут же рисует несколько последовательно сменяющихся картинок.

Но Шу-шу по-своему толкует мое смущение. Она уже выкидывает из шкафа на пол груды шмотья, приговаривая:

— Сейчас мы тебя прикинем по фирме, причем. Что ты этим добром-то дорожишь, господи?! За пару часов получишь столько, сколько за месяц в своей больнице не зарабатываешь!

Откровенно говоря, меня даже огорчает примитивность ее подхода к этой проблеме. Никаких морально-нравственных переживаний она не испытывает. Волнует ее сейчас только одно:

— Главное, чтоб мы с тобой были не похожи...

Ну что ж, думаю я, стоя на пороге огромного, гудящего, позывающего, подмигивающего, мерцающего в полуутоме ресторанных зала, если нет пока возможности проникнуть в душу путаны, надо попробовать смоделировать ее чувства в себе самой. На мне зеленое шуршащее платье, подложенное плетеным шнурком. Голые плечи холода неизвестно откуда взявшимися ветерком. В ушах огромные пластмассовые серьги, в волосах тяжелая заколка в виде бабочки. Благодаря туфлям на узком длинном каблуке я чувствую себя выше, стройнее. Шу-шу отменно поработала над моим лицом: глянув в зеркало, я себя не узнала.

Войдя, она сразу уверенно направляется к столику в центре зала, на котором стоит строгая табличка «Заказано». Буквально через минуту, ни о чем не спрашивая, подскакивает молчаливый официант, ставит на стол бутылку шампанского, два бокала, тарелочки с тарталетками. Шу-шу щелкает сумочкой, достает «Пэл Мэл», щелкает зажигалкой, снова щелкает сумочкой, сквозь дым по-хозяйски оглядывает зал. Я тоже исподтишка кидаю взгляд вокруг. На нас смотрят мужчины с соседних столиков. И тут (я обижаюсь сделать это признание) в душе моей, помимо воли, возникает некая дрожь. Ну, пусть не дрожь, а лишь томление. Но оно есть! Дух мой смущенный, не желая считаться с разумом, входит в неизъяснимый резонанс с окружающей действительностью. Где вы, семья и школа? Где ты, родной комсомол? Ay!

И тут я делаю первый вывод — такой же банальный, как то, из чего я его делаю: пока швейцар ловит для Шу-шу такси, пока официант, не спрашивая, подносит ей шампанское, пока посреди зала для нее стоит «заказанный» столик, она будет за него садиться...

Шу-шу куда-то делась, растворилась в полуутоме ресторана. Зайграла музыка. Я нервно прихлебываю шампанское, чувствуя себя крайне неуютно. А вдруг сейчас подвалит «клиент»? Я-то надеялась, что приду сюда в качестве препаратора, а не морской свинки. И тут вижу, как грузный мужчина, в одиночестве сидящий за столом возле самой эстрады, подает мне какие-то вялые знаки. В полном смятении я отворачиваюсь, мысленно проклиная исчезнувшую Шу-шу, делая вид, что ничего не вижу. Но краем глаза все-таки подмечаю, что он тяжело поднимается и идет ко мне. Массивная туша с размаху опустилась на соседний стул, мощно пахнула коньяком. Теперь уж отворачиваюсь бессмысленно. Рыхлая, с обвисшими брыльками, вся в синеватых прожилках красномясяя ряшка. Маленькие, злобные, заплывшие глазки. Короткая волнистая шея. Брюхо. Гундосый голос. И сейчас не могу вспомнить все это без содрогания.

— Ты чья?

Я молчу, не зная, что мне отвечать.

— Что-то я тебя тут раньше не видел, — произносит он с намеком и угрожающе. — Сладенько захотелось?

Я по-прежнему молчу. Тогда он кладет на стол огромную, пухлую, как у гигантского младенца, ладонь и говорит снисходительно:

— Ладно.

Пришли для начала четвертаков, там посмотрим.

Больше всего мне хочется съездить ему кулаком по физиономии. Но я вовремя соображаю, что положение путаны, видимо, кое к чему обязывает, и, сдер-

жавшись, сообщаю, что никакого четвертака у меня для него нет.

— Нет? — тянет он еще более угрожающе. — Ну гляди. Боюсь я за тебя...

Потом он так же тяжело встает и, толкая животом танцующих, возвращается на место. Шу-шу все еще нет, и я уже решаю, что, пожалуй, пора кончать эту комедию. Вдруг показалось, что на этот раз я заехала далековато. Откуда-то сзади возникает офицант, наклоняется к моему уху:

— Вас просят на минуту выйти в фойе.

Я радостно подхватываю сумку и выскакиваю в холл. Возле гардероба тихо и чинно, музыка сюда не доносится, на полу лежат крововые дорожки, два швейцара прогуливаются по ним, заложив руки за спину. Шу-шу нигде не видно. Зато какая-то женщина в другом конце коридора машет мне рукой. Я, недоумевая, подхожу ближе. Оглянувшись, она открывает дверь дамского туалета, и вдруг меня сильно толкают в спину. Я пролетаю вперед, поскользнувшись на кафеле, падаю, потеряв одну туфлю, и больно ударяюсь плечом об умывальник. И только успеваю подняться, как мне широко залепляют открытой пятерней по физиономии.

Передо мной трое. Раскрашенные, как индейцы на тропе войны (впрочем, я выгляжу, наверное, так же). Суженные от злобы глаза. Перекошенные рты. Искривленные в судороге пальцы с длинными лакированными когтями, которые тянутся к моему лицу. И самое страшное — они лезут на меня молча. Только одна шипит, кривя губы, больше себе под нос: «Шас мы те ззелаем товарный вид!»

Слева ударяют в ухо. Я пытаюсь увернуться — справа вцепляются в волосы. (Запомнилось почему-то мелькнувшее видение: кряжистая тетка в белом халате — туалетный работник — сидит в своем кресле, тупо глядя в кафельную стенку.) Слепо отмахнувшись, попав кулаком во что-то мягкое, я выворачиваюсь, но тут меня дергают за рукав, платье трещит, я падаю, как бревно, на пол, звонко стукаюсь затылком. И прежде чем отключиться, чувствую, как впиваются в бок остренькие носки туфель.

Потом я помню, как туалетная тетка, сурво что-то пришелетывая, волочит меня под мышки к умывальнику. Я рыдаю от боли, злости и обиды. Слезы, кровь и краска текут с моего лица. Потом рядом выплывает лицо Шу-шу. В нем неподдельная жалость.

— Господи, — приговаривает она, — это, наверное, Рыло. Ну, подонок! К тебе Рыло подходил, да? Как же я тебя не предупредила!

Собрав остатки самообладания, я решают воспользоваться моментом, вырываюсь от нее и бросаюсь вон. Шу-шу что-то кричит мне вслед, я даже не обрываюсь. Швейцар шустро распахивает передо мной двери. Увидела подворотню, забежала в незнакомый темный двор, упала на лавочку и начинаю истерически хохотать, просто давясь от смеха. Неудачливая пуганочка сообразила наконец, какой потрясающий материал про красивую жизнь она только что собрала!

На следующий день я решила взять тайм-аут. Собираясь с мыслями, а если честно, просто передохнуть, дать нервишкам успокоиться. Звоню Шу-шу, еле живым голосом сообщаю, что у меня сегодня суточное дежурство. Она взмолвилась. Участливо расспрашивавшая меня о том, как я себя чувствую. Не поцарапали ли мне эти стервы лицо? Я ее успокаиваю: лицо в порядке...

Потом я звоню Тарасычу. Слава богу, он не в процессе, сам берет трубку.

— Старуха! — кричит он. — Зазналась? Только из газет и узнаю, что ты еще жива! Хочешь приехать? Ну, видать, медведь в лесу сдох! Я сегодня весь день у себя, веду прием. Давай, жду!

Беседа с народным судьей Василием Тарасовичем Копченых обязательно войдет в мой будущий материал. Вот ее конспект.

Мы сидим в зале заседаний. Тарасыч — на углу священного судейского стола, я — на своем бывшем секретарском месте. Он по обыкновению грызет дужку очков — значит вопрос его задел.

— Наркомания, — говорит он, — это то, чего нет. Но тут же сам себя поправляет: — Вернее, то, чего не было. — И усмехается: — Теперь спохватились, догонаем электричку...

Я знаю, что до того, как прийти сюда судья, Тарасыч работал следователем в прокуратуре.

— Сейчас все думающие юристы сходятся на том, что наркоманов как таковых следует считать не преступниками, а больными. Как алкоголиков. Что надо их лечить, если не хотят сами, принудительно, но — лечить. А бороться надо с истоками наркомании, так же как мы боремся с истоками пьянства...

Тарасыч усаживается на столе поудобней. Дужка очков угрожающе хрустит.

— Хватит морочить голову себе и людям, — решительно рубит он слова. — И у алкоголя, и у наркомании причины в первую очередь социальные. Отсутствие нормальных развлечений, убогость духовной жизни, досуга. Другая причина — сам факт наличия наркотиков. Живой пример: выпивка стала дороже, купить ее стало труднее, пить стали меньше. Но зато полезли из щелей наркотики. Появились все эти токсикоманы,

нююхальщики и прочие. Стало быть, рецепт тот же: режь хвосты! Алкоголиков и наркоманов — лечи, самогонщиков, изготовителей и сбытчиков — сажай! Так?

Тарасыч с сожалением разглядывает изглоданную дужку.

— Так-то оно так, да не все просто. Свой брат алкоголик — человек не скрытный. Все кругом пили, и он пил, ну, разве что побольше других. Его никогда по закону не преследовали, прижмы хорошенько участковый — и он тебе ту бабку, что бутылку ему продала, с легкостью отдаст. А наркоман — совсем иное... Наркоман всегда под законом ходил, если у него при задержании хотя бы полграмма анаши в кармане обнаружится — это уже хранение без цели сбыта, это уже срок. Да к тому же без всяких скидок, без условно-досрочных, с полным отбытием, с обязательным принудлением... Я уж про сбыт не говорю: это вовсе до десяти лет. Поэтому там все сложнее, законы — волчьи. Помню, когда еще в прокуратуре работал, выезжали на труп наркомана. Диагноз: острое отравление наркотиками. А потом окольным путем дошел слушок: свои же вкатили ему за какие-то грехи смертельную дозу. А как докажешь? То ли он сам не рассчитал в угаре количество, то ли впрямь, когда выключился, кто-то ему добавил...

Я сижу, открыв рот, округлив глаза.

— Ну-ну, — смеется Тарасыч, — так уж не пугайся. Это я тебе про самые экстремальные случаи рассказываю, а они редко бывают. В массе же своей наркоманы народ тихий, с подавленной психикой, реальную опасность могут представлять только в период абстиненции — по-простому если, то с похмелья. Тут, правда, за порцию «кайфа» они черт знает на что способны. Но вот тебе парадокс, запиши его в свой блокнот: самые страшные преступления в связи с наркотиками совершают те, кто их никогда не пробовал.

Тарасыч сползает со стола, укрепляет очки на носу, от греха подальше прячет руки в карманы.

— Да, — отвечает он на мой удивленный вопрос, — представь себе, именно так. Суди сама: ежели память мне не изменяет, изготовление, приобретение, перевозка наркотиков с целью сбыта группой лиц по предварительномуговору или когда наркотик в крупных размерах, наказывается ни много ни мало сроком до пятнадцати лет! И довольно часто занимаются этим вовсе не наркоманы, а те, кто хочет на наркотиках заработать. Надо тебе объяснить, что, уж коли человек берется за такой опасный бизнес, от него чего хочешь ждать можно?

Я согласно киваю, объяснять не надо. А сама напряженno думаю, даже ногти начинаю кусать: тот порошочек моя Шу-шу получает не иначе как от кого-то подобного.

Мы еще поговорили о том о сем, но напоследок Тарасыч сам вернулся к наркотикам. Пожевал задумчиво губами:

— До полной победы еще далеко. Но каждый раз, когда удается ликвидировать хоть небольшой источник, уже хорошо.

Ушла я от него с твердым убеждением, что знаю теперь, чего хочу и какой материал собираю.

На следующий день у меня впрямь было натуральное дежурство — только по отделу. Закрутили всякие мелкие дела, и когда я спохватилась наконец набрать номер Шу-шу, ее уже не оказалось дома. Меня это огорчило. Во-первых, потому, что, получив заряд энергии от разговора с Тарасычем, хотелось немедленно пустить ее в ход. Во-вторых, потому, что, ненавязчивый обычно, Чик вдруг вспомнил о моем существовании и поинтересовался, чем данный сотрудник в данное время занят. Немногословно, но увесисто напомнив, что последний раз я выступала на страницах родной газеты почти месяц назад, он пожевал бороду и сообщил, что читатели ждут новых материалов по любившемуся им автору. Пришлося, как говорит Лорчик, скрипя сердцем, поведать ему в двух словах про книголюбов и про наркотики. Сердце мое скрипело оттого, что я не люблю рассказывать про свои планы: боюсь сглазить.

Наутро выяснилось, что не я одна тяготюсь двухдневной разлукой, Шу-шу устроила мне по телефону целый скандал по поводу того, куда я пропала. Она, оказывается, безумно все это время обо мне беспокоилась, не забывала ни на минуту. Хочет, чтобы я немедленно ехала к ней. Варит кофе. Целует. Ждет.

И вот я опять у нее в квартире. Теперь я осматриваюсь здесь с новым интересом. Особенно привлекает мое внимание тумбочка: хорошо бы повнимательней изучить ее содержимое. Но Шу-шу (уже с утра что-то слишком оживленная) и не думает о предосторожностях. Лезет в сумочку, извлекает оттуда белый пакетик (раз в сумочке, значит, скорей всего товар свежий, отмечаю я). Весело командует:

— Поди-ка на кухню, там в самой левой полке наверху — веши. Таски их сюда.

Пока Шу-шу аккуратно вытрясает крупинки порошка на маленький клочок бумаги, я стою над ней с аптекарскими весами в руках — не хватает только повязки на глазах. Имею ли я право судить? Не знаю. Но увидеть все это и рассказать о том, что увидела, а главное, что поняла, я считаю себя обязанной.

Шу-шу снова отвещивает два грамма. Краем глаза я отмечаю, что в пакетике остается еще столько же, если не больше. Вчера от Тарасыча я узнала богатое слово — толерантность, по-простому — способность (и потребность) в восприятии алкоголя или наркотиков. Один пьянеет со ста граммов водки, другому нужна бутылка. Кому-то хватает кубика разведенного морфия. Шу-шу на моих глазах закатывает себе пять...

— Это не слишком много? — спрашиваю я с опаской и, спохватившись, объясняю свою тревогу: — Привыкнешь, а он вдруг кончится...

— «Вдруг» не кончится, — успокаивает меня Шу-шу, расслабленно откладываясь в кресле. По лицу ее начинает опять блуждать та вполне идиотическая улыбочка, напугавшая меня однажды. Кончай меняться, бери, пока дают...

Но все мои вопросы имеют теперь определенную цель (по крайней мере мне так кажется), поэтому я продолжаю «меняться»:

— Слушай, это же все дико дорого. У меня нет таких денег.

В ответ Шу-шу приоткрывает на секунду глаза, смотрит на меня с усмешкой, вяло машет рукой: дескать, я могу не волноваться, она угощает. Беру шприц, флакон с раствором и удаляюсь в ванную. Может, выпить в раковину все сразу? Глупо. Не поверит, что я вкатила себе так много. Да и какой смысл? Как она сказала: «Вдруг» не кончится?

Через некоторое время Шу-шу снова на ногах. Движения неровны, глаза блестят, зрачки в пол-лица. Опять начинается паломничество разных людей. Теперь я отмечаю, что те, кто приносит барабан или другой дефицит, проходят в комнату, без стеснения вываливают товар на стол или на ковер. Другие, их меньше, появляются чаще с пустыми руками и с пустыми руками уходят, перед этим вместе с Шу-шу закрываются на кухне. Среди них — давешний хорек. Всего таких было трое: две девицы, явные путаны, и он. Когда появилась первая, Шу-шу захватила с собой на кухню сумку... Улучив момент, я зашла туда, когда никто не видел, на секунду приоткрыла «молнию». На дне лежали белые пакетики — сколько, я с перепугу не заметила...

Взгнула на часы и ужаснулась: восемь вечера! Что это я так расписалась? Тем более, самое основное я рассчитываю узнать завтра. Но вот парадокс: если завтра я действительно узнаю, откуда текут наркотики, материализовать не придется. Во всяком случае, в ближайшее время. У меня хватает соображения понять, что взять эту пакость с поличным незимерно важнее, чем прокукарекать с очередным разоблачительным опусом, а там хоть не рассветай... Поэтому быстро записываю два заключительных эпизода — главным образом потому, что без них теряется смысл вся предыдущая писаница. (Перепечатать, видимо, уже не успею. Но в редакцию отвезу — чтобы в крайнем случае сразу нашли.) Эпизод первый: мы с Шу-шу в притоне наркоманов.

Она говорит мне, что не пойдет сегодня «на работу», что вместо этого мы поедем в одно место. Докладываю: «одно место» находится где-то в районе Арбата, вернее, между Арбатом и Сивцевым Вражком, в переулках. Точнее сказать не могу, потому что было темно, Шу-шу командовала таксистом «направо-налево», пока мы не заехали в какой-то двор. В подъезде тоже было хоть глаз выколи, поднимались мы без лифта, по широкой лестнице старого дома на четвертый этаж. В дверь Шу-шу звонила условно: два длинных, два коротких, потом через паузу — длинный и короткий. С той стороны спросили: «Кто?» В ответ Шу-шу коротко три раза стукнула в дверь. Человека, который нам открыл, я не разглядела: в прихожей было еще темнее, чем в подъезде.

На подробное описание того, что я здесь увидела, уже нет времени, оставлю это удовольствие на будущее. Сейчас запишу только то, что может пригодиться моим печально-возможным читателям в красивых серых фуражках. Квартира большая, комнат в пять, с высоченными потолками. Света почти нигде нет, только в дальнем конце длинного коридора еле тлеет пятинадцатисвечовая лампочка. По этому коридору бесшумно скользят какие-то ли люди, то ли тени, чаще всего полуодетые. В одной из комнат тихонько играет музыка, надымлено до невидимого потолка, мрак прятается по углам от единственной оплавившей свечи в блюдце посередине пола. Люди на ковре в разных позах. Запомнила одного, свернувшегося, как эмбрион. В соседней комнате музыки нет, здесь другие звуки. Тоже надымлено, надышано, воздух сперт, висит осязаемыми клочьями. В углах угадываются две кровати.

Шу-шу в самом начале сунула мне в руки зажженную папиросу, бросила: «Иди, покайфуй!» — и куда-то пропала. И вот через некоторое время, слоняясь из комнаты в комнату, вместе и страшась, и любопытствуя, я услышала где-то рядом с собой негромкий знакомый голос. Остановилась. Слушаю. Вскоре начинаю понимать, что говорят из-за маленькой двери, возможно, ведущей в кладовку или чулан. Потом замечаю и узенькую полоску света на полу.

— ...не лови сейчас крутого порноса, — убеждает кого-то Шу-шу. — Сдавай, как берешь, даже в убыток

сдавай. Нет бабок, скажи, я домажу. Нам надо сейчас клиенту показать, что мы можем схавать столько, сколько он может дать. А то все уедет. Я у него уже видела вчера двух джорджей — крутые, козырные, все в бантиках! Они пару кило сожрут — не подавятся.

Собеседник что-то глухо бубнит в ответ — я не разбираю ни слова, наверное, он дальше от двери. Улавливаю только, что голос мужской.

— Слушай, Кролик,— на середине бубнения резко обрывается Шу-шу, — у тебя в голове тараканы. Если «джеф» уйдет налево, то у нас не будет ни бабок, ни «джефа». Я-то еще себе заработка, а вот тебе, козлу, останется только в урну головой...

Полоска света на полу вдруг становится шире, я в панике бросаюсь прочь, сталкиваюсь с чем-то мягким, толстым, голым и противным, оно сдавленно охает, а я шныряю в ближайшую комнату, забиваюсь в угол, туда, где мрак, подальше от свечи, от света, от Шу-шу.

Эпизод второй: ночной разговор. Собственно, в эту ночь я узнала наконец, почему Шу-шу собиралась искать меня через «Волшебницу», зачем потащила тогда, бросив клиентов, к себе, для чего не отпускает ни на шаг, прикармлививает дармовыми наркотиками, дарит шмотки, даже втягивает в проституцию. Чем ей так важно, чтобы мы были похожи друг на друга.

Надо отдать ей должное, свою партию она провела неплохо. То есть я имела в виду, что, будь на моем месте действительно какая-нибудь недалекая профурстка-медсестричка, падкая на «кайф» и красивую ресторанные жизнь, Шу-шу, пожалуй, удалось бы ее уболтать. Она и легенду придумала вполне роскошную, жалостливую и бабскую одновременно: про первую любовь, про смертельную ревность... Ну как тут не клонуть? Что до меня, то я не сомневаюсь, что все ее байки — ложь от первого до последнего слова. И если согласилась участвовать в этой афере, так только потому, что надеялась таким образом добраться до того, кто поставляет Шу-шу наркотики. Вы спросите, почему я считаю, что речь идет именно о нем? Называйте это интуицией или как хотите, но, узнав немного Шу-шу, посмотрев краем глаза мир, в котором она живет, я уверена: пуститься на такое предприятие она может ради одного. Ради «кайфа».

Теперь по порядку. Под утро, когда мы, выбравшись из переулков, поймали на бульваре такси и вернулись домой, мне была в полутемной комнате рассказана душепитательная история.

Он был у нее первый. Единственный. Неповторимый. Свет в окошке. Она любила его больше жизни. Хотела за него замуж, родить от него ребенка. С ним она впервые попробовала «калики», «подсела на иглу». (Во всем этом Шу-шу не видела, как мне кажется, никакого противоречия.) Он был настоящим мужчиной — сильным, смелым, никого не боялся. Наоборот, его все боялись, даже она, Шу-шу. Если он что-то говорил, то все знали, что он сделает, как обещал. Я так поняла: пообещает убить — убьет. В этом была его сила. И вот однажды какая-то падла (здесь в голове появляются надрывы) сделала ему подставку, заложили голубя сизокрылого, и уехал он надолго в дальние края. Она же, сиряя, поневоле прибралась к другому, ведь ей, несчастной, надо же было где-то иметь защиту и опору?!

Я сочувственно кивала Шу-шу, даже подумывала, не всплакнуть ли мне с ней на пару. Но все-таки между делом интересуюсь: как эти сердечные дела увязываются с ее, так сказать, основным занятием? И, не веря своим ушам, узнаю: никак не увязываются. Оказывается, сизокрылый сам, приручив девчушку, начал подкладывать ее знакомым — иногда в карты проигрывал, иногда «по дружбе» тем, кому был чем-то обязан. А порой, когда нужда была, так и просто за деньги. Под «кайфом»-то, как выразилась Шу-шу, ей все один черт было.

Другой же и подавно в курсе всей ее жизни. Он старик уже, ему, кроме как за деньги, и ждать нечего. Да и главное для него — с молодой модной телкой по гостям и в кабак ходить. С понтом под зонтом, как опять же выразилась Шу-шу.

И вот какая на днях приключилась у них история. Прилетел из дальних краев голубок. А тот, другой, тоже не хочет расставаться с Шу-шу, прикипел душой, стало быть, на старости лет.

Казалось бы, плюнь на старика, возвращайся к любимому!

Но не тут-то было. У злобного старишки хранятся некие письма Шу-шу, где она клянется ему в верности, а молодого голубя кроет последними словами. (Вот тут, услышав про любовные письма, я окончательно перестала ей верить. Путана, выступающая в эпистолярном жанре! Но дурочка-медсестричка должна была слушать все это, открыв рот. И она слушала.) Старик же шантажирует ее этими письмами, грозит отдать их голубю, а голубь, если только увидит их, тут же непременно Шу-шу пришлет.

Как же предполагает моя Шу-шу выскочить из этой трагической ситуации? Самым романтическим образом: похитить письма. И в этом месте Шу-шу наконец-то переходит к делу.

В воскресенье она со стариком должна идти в кинотеатр «Россия» на фестиваль. Начало сеанса в три

часа дня. Предварительно Шу-шу вымоет голову от краски, постирется и причешется под меня, сделает ногти, как у меня. У нее случайно (сик!) есть два одинаковых платья, она по случаю купила недавно две одинаковые летние сумки, две пары одинаковых туфель нам по размеру она завтра же купит в «Березке».

От меня вообще ничего не требуется. Шу-шу даст мне билет на тот же сеанс, я должна буду прийти пораньше и до самого начала находиться в дамском туалете, а ровно за пять минут до фильма запереться в самой дальней от входа кабинке. В последний момент спустится Шу-шу, отдаст мне свой билет, и я уже в темноте проберусь на ее место рядом со стариком. Когда кончится первый фильм и зажечется свет, я вытащу из сумки и надену темные очки, которых у нас тоже будет две пары. Разговаривать со стариком ни о чем не надо — еще перед началом сеанса Шу-шу найдет, за что на него обидеться. Надо молча встать и снова спуститься в туалет. Там меня снова будет ждать Шу-шу. После начала следующего фильма я свободна. Неужели я не готова оказать подруге эту небольшую услугу?

Я, конечно, была готова. Но чтобы узнать побольше, не мешало немного покочеврятиться.

— А как ты попадешь в его квартиру? — спрашиваю я — дура дурой.

Шу-шу досадливо морщится, но терпеливо объясняет:

— Я уже сделала копию с его ключей.

— А почему нельзя просто прийти туда, когда его нет дома?

— Ты детективы читаешь? — вопросом на вопрос отвечает Шу-шу. — Что такое алиби, знаешь? Мне даже подумать страшно, что он со мной сделает, если узнает, что я к нему влезла!

Шу-шу зябко передергивает плечами. Вот тут я ей верю! Но настырно продолжаю:

— А если кого-нибудь попросить сходить туда, пока вы будете в кино?

— Хрен-то! — торжествующе отвечает она. — У него в доме такой пес, что загрызет любого незнакомого. А меня он, слава богу, знает...

И тут я сдаюсь. Все-таки подруга!..

Вот и все. Сегодня утром Шу-шу передала мне все шмотки, сумку, очки. Завтра, в воскресенье, мы еще раз встречаемся с ней утром, уточняем, так сказать, детали. Завтра я постараюсь узнать, что она задумала на самом деле. Вернее, что они задумали. Не сомневаюсь, что эту аферу она никогда в жизни не смогла бы придумать одна — или я ничего не смыслю в людях. С кем в паре она работает? С тем хорьком? С Кроликом, у которого в голове тараканы? С обоими? С кем-то третьим?

Завтра, быть может, я узнаю, как в мире Шу-шу поступают с идиотками вроде меня. После того как нужда в них проходит. Что это будет? Смертельная доза «кайфа»? Или просто дадут по голове в темном переулке? Впрочем, может, я фантазирую, наслушавшись Тарасича...

Все равно мне страшно. Хотя отступать я не намерена. Еще чего! Мне почему-то жалко Шу-шу. У нее мое лицо. Только ли она одна виновата, что стала путаной и наркоманкой? Когда все кончится, удастся ли ее вытащить из этой грязи? Скорее я все узнаю.

Завтра».

21

— Три богатыря, — усмехнулся одними губами Комаров, оглядывая Северина, меня и только что подъехавшего Балакина. — Сейчас будем с вами решать, в какую сторону ехать. Но сначала отпустим товарища.

Мы все повернулись в сторону двери, где в уголке скромнейко сидел Толя Жабин, зам. по разыски из отделения, к которому относится дом Салиной. На его круглом веснушчатом лице незамысловато отражалась вся гамма наличных чувств: сейчас я вам расскажу все, что знаю, а потом вы меня отпустите, не путайте в это дело. Чем смогу — помогу, только, бога ради, не вешайте на меня по территориальному признаку похищение, наркоманку и прочий букет.

Заметив, что все на него смотрят, Толя враз послушал, даже попытался нахмурить свои несеръезные рыжие брови.

— Собственно, выдающихся достижений нет, — обнадеживающе начал он. — Ребята еще отрабатывают жилой сектор, но пока нашли только соседку по подъезду, которая в среду вечером, около двадцати трех часов, видела Салину. Говорят, ее вели под руки двое мужчин, Салина еле держалась на ногах.

— Вели в дом или из дома? — быстро спросил Балакин.

— Из дома.

— Приметы мужчин дает? — без особой надежды в голосе поинтересовался Северин.

— Смутные. Один вроде бы высокий, крепкий. Второй среднего роста, пожилой, с седыми волосами. Больше никаких деталей.

— Никакой машины перед подъездом не было?

— Вы же видели: там всегда полно машин, особенно вечером. Они выходили из подъезда, она входила. Куда они потом делись, не знает. Все, — огорченно развел Толя руками.

Когда дверь за ним закрылась, заместитель начальника МУРа снова обвел нас глазами и остановил взор на Северине.

— Давайте по очереди.

— Я думаю, теперь с учетом рукописи Троепольской и показаний Овсова можно восстановить весь ход событий, предшествующих убийству, — бодренько откликнулся Стас. — Судя по всему, у Шу-шу дело шло гладко и по плану...

— Вопрос, — подняв руку, перебил его Балакин. — Если, как ты говоришь, все шло по плану, то почему следы морфия мы нашли в кармане плаща Троепольской, а не Салиной?

— Ответ, — тонко улыбнулся Северин. — Можно, конечно, официально запросить метеорологов, но я и так помню: в воскресенье с утра шел мелкий тучный дождик, распогодилось только часам к четырем. Этого наши девочки не предусмотрели, двух одинаковых плащей у них запасено не было. Поэтому в туалете им пришлось переодеваться...

— Дважды, — вставил я.

— Не факт, — возразил Северин, — поскольку следы морфия обнаружены только в плаще Троепольской. Я, например, представляю себе, что это было так. Шу-шу едет домой к «старику» в плаще Ольги, похищает наркотики, автоматически сует их в карман плаща... Кстати, — неожиданно запнувшись, перебил он сам себя, — наличие следов морфия именно в плаще Троепольской подтверждает ее гениальную догадку, что Шу-шу интересовали никакие не письма, а наркотики, и более позднюю, но не менее гениальную догадку Балакина, что из-за наркотиков Шу-шу и приступнули... Да, так вот, — продолжал он, профессорско-преподавательским жестом воздев указательный палец, — сует их в карман плаща. Мы с вами знаем, что первый фильм заканчивается около половины пятого, а в это время дождик уже прекратился, светило солнце. Шу-шу только что пришла с улицы и знала об этом, следовательно, она могла сообразить, что ей не придется больше надевать плащ, когда они со «стариком» выйдут из кино. К тому же у нее должно было быть еще одно очень важное соображение, чтобы не меняться второй раз плащами: ей ужасно не хотелось перекладывать наркотики на глазах у Ольги. Поэтому она могла предложить Троепольской ее плащ пока не снимать, ну, например, замотивировав это нежеланием обращать внимание публики на два одинаковых плаща, а свой, вернее, Ольгин, сняла, свернула вместе с наркотиками и сунула в сумку. Но перепутала и взяла сумку Троепольской!

— Ну ты наворотил! — ошарашено покрутил головой Балакин.

— Где? — азартно парировал Северин. — Моя версия объясняет все, она абсолютно логична и полностью укладывается в систему причинно-следственных связей. В ней есть только одна немотивированная случайность: подмена сумок. Но ведь теперь-то нам ясно, что это та самая случайность, с которой все и начались! И разве удивительно, что две заполошные перепуганные девки в суете, в панике, в тесной маленькой кабинке на двоих перепутали совершенно одинаковые сумки?

Теперь ни у кого из нас возражений не нашлось. Окрыленный Северин продолжал:

— Тогда давайте вспомним, что показывает Овсов...

Действительно, похоже, настало время вернуться к рассказу Алика. Раньше этот рассказ, наполовину состоящий из слез, слюней и соплей, выглядел странным, почти абсурдным. Теперь же он, как выразился Стас, стал вполне логичным и занял свое место в ряду причин и следствий.

Начинался он также со случайности: у Алика был, по его словам, «митинг с клиентом у правой ноги», то бишь у памятника Пушкину, и вдруг он увидел, как из подъехавших к стоянке напротив «Известий» белых «Жигулей» выходит Троепольская. Мы-то теперь знаем, что это была не Ольга, а Шу-шу, но Алик, что впопытке объяснило, этого не понял. Зато он задался тоже вполне естественным для него вопросом: что эта правдолюбка делает в обществе роскошного пожилого джентльмена в костюме «сафари» цвета хаки на роскошной белой «шестерке»? И тут же в его особым образом устроенной голове зародилась мыслишка: а нет ли здесь шанса прихватить на чем-нибудь корреспонденточку? Вдруг у джентльмена есть, к примеру, жена или, того лучше, он занимает какой-нибудь пост! Тогда можно будет «похрюкать» насчет того, чтобы она оставила его, Алика, в покое, никаких статей нигде не публиковала, а заодно и от старушки с книжками отвязалась. (К слову сказать, я так понял, что Алик ни на минуту не поверил, будто Троепольская ходит к Анне Николаевне Горбатенькой бескорыстно, без своих далеко идущих планов. Он и мысли не мог допустить, что она ухаживает за старухой без расчета на получение наследства или даже более скорых дивидендов. Ни в какие разговоры о музее он не верил и передачу в руки Ольге наиболее ценных книг воспринял буквально как кражу из собственного кармана.)

Окончание следует.

Читайте в ближайших номерах:

Герой Социалистического Труда
академик
Андрей Трофимук.
Уроки революции.

Трудности пере-стройки.
Делегаты XX съезда ВЛКСМ о своей работе.

Создаем Всесоюзный детский фонд.

Встреча через 20 лет.

Рассказ
Марии Прилежаевой.

Отечество.
Изборск.

В музкальном клубе —
Владимир Кузьмин.

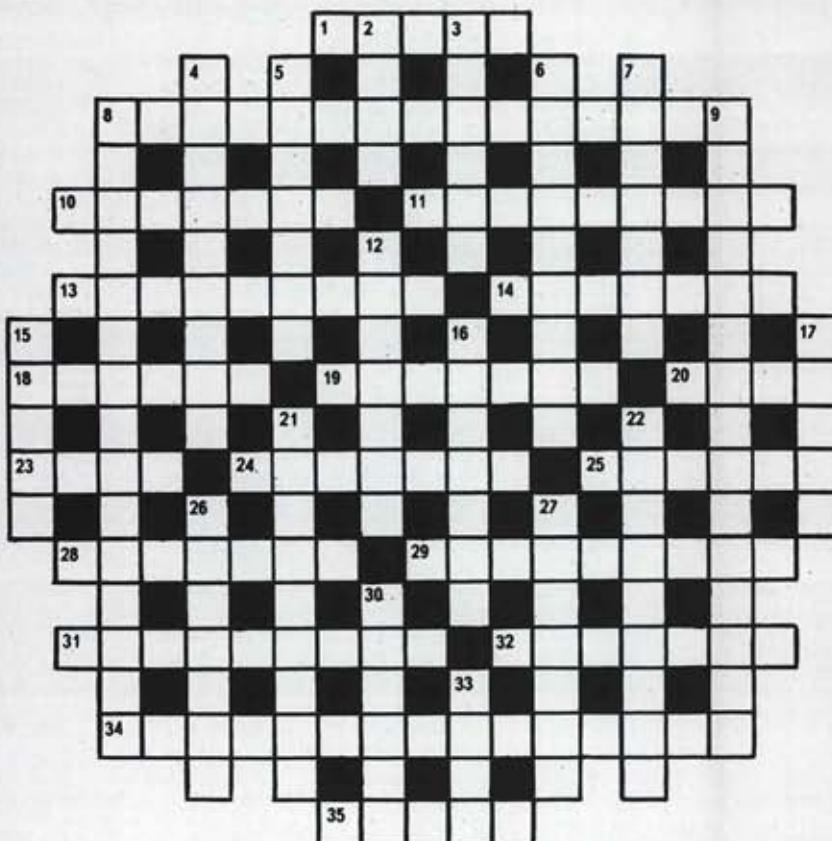

Секс и молодежь. Тайны для двоих.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил А. КИМАРЦЕВ, Павлоград Днепропетровской области

По горизонтали:

1. Обмотка, в которую крестьяне прятали монеты, идя в Нижний Новгород поклоняться Кузьме Минину на народное ополчение. 8. Военная разведка. 10. Крупный город, близ которого началась вторая мировая война. 11. Документальный жанр, основной в творчестве Андрея Моруа, Анри Перрошо, Стефана Цвайга. 13. «...ангелов» — гротескно-фантастический роман А. Франса. 14. Разновидность флейты, обычный в старину инструмент украинского пастуха. 18. Назначение за товар большей цены, нежели он стоит. 19. А. Стаханов, Н. Изотов, П. Кривонос по отношению к работе. 20. Город детства и юности героев в романе В. Каверина «Два капитана». 23. Самоцвет, который, по стариинному поверью, должен

был носить человек, родившийся в октябре. 24. Знаменитый английский учёный, которому в Мадриде перед одной из арен для боя быков поставлен памятник. 25. Самый известный у нас из швейцарских живописцев. 28. Древнее искусство узелкового плетения, популярное в наши дни. 29. Посреди двора золотая голова (загадка). 31. Рассказ В. Гаршина. 32. Начальные правила чтения и письма, которые, по словам Н. Добролюбова, поэту А. Кольцову дались «весьма легко». 34. Бортовое навигационное устройство на самолете. 35. Представитель народа, благодаря которому танго из африканского превратилось в испанский танец (до современной красоты его довели аргентинцы).

По вертикали:

2. Газ, нередко присутствующий в природном метане. 3. «Служить был рад, прислуживаться тошно» (герой русской литературы). 4. Одна из самых первых передающих трубок в телевизорах. 5. Гроссмейстеры С. Глигорич, Б. Ивков (национальность). 6. Первобытный пещерный человек, ставший синонимом грубияна, невежды. 7. Материк, омываемый четырьмя океанами. 8. Приборы и устройства для передачи информации на большое расстояние. 9. Создатель самолетов, вертолетов. 12. Украшение на черных волосах коро-

левы в повести И. Тургенева «Первая любовь». 15. Запоздалый путник в балладе В. Жуковского «Лесной царь». 16. Треугольная плоскость, завершающая фасад здания. 17. Главная добыча охотника на пушных зверей. 21. Настоящая фамилия Андрея Платонова. 22. Единица, которой измеряли допуски при постройке первых паровых машин. 26. Характеристика светящихся тел. 27. Словесное оружие грабовца или одессита. 30. Жители пристани на Ишиме недалеко от Петропавловска. 33. Сибирское название крутоя скалистого берега реки.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, опубликованный в № 17

По горизонтали:

3. «Тапер». 8. Скрипка. 9. Окарина. 11. «Пират». 12. Бидструл. 13. Тулумбас. 14. Аюмаа. 17. Уайно. 20. Орган. 21. Контрабас. 22. Чишко. 25. Росси. 28. Хуур. 29. Цистра. 30. Нанно. 32. Ирычи. 33. Тритон. 34. Альт. 35. Итака. 39. Атаба. 42. Флексатон. 43. Тбала. 44. ...фагот. 46. Юрлов. 50. Офицер. 51. Трипитас. 52. Ишоко. 53. Нильсен. 54. Розетка. 55. Аната.

По вертикали:

1. Тростник. 2. Спорт. 3. Таппа. 4. Пирам. 5. Ротта. 6. Табла. 7. Циумарло. 8. Сониари. 10. Акарагс. 15. Юрта. 16. Адажио. 18. Торупилль. 19. Пантелеон. 22. Чанги. 23. Шунда. 24. «Охота». 25. Райта. 26. Сурна. 27. Исида. 31. Колкер. 36. Тубафон. 37. Колокола. 38. Уасо. 40. «Травиата». 41. Блокада. 45. «Месса». 46. Юдина. 47. Лиома. 48. Втора. 49. Линзи.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1448)

сентябрь 1987

Москва, издательство «Правда».

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ (заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

✉
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»,
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.08.87.
Подписано к печати 17.08.87.
А 05124 Формат 70×108 1/4.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21;7.
Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 2389. Заказ № 1107.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
тиография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

M

альчишки лихо раскатывали по волнам, по-сматривая украдкой на берег. Но, как ни старались, взгляд в ответ получали вовсе не восхищенный, напротив — насмешли-

вый. И от кого? От девчонки, которая не то что на воде ни за что на свете не удержится — с пологой горки на лыжах не скатится. Они тут такие виражи закладывают, что с берега смотреть страшно, не всякий выдержит такое зрелище, а ей, видите ли, смешно. Предложить, что ли, попробовать, да упадет ведь сразу, вылавливай ее потом.

А она вдруг сама напросилась. Это уже переходило всякие границы... В момент организованная спасательная команда заняла места на пирсе — растягиваться вдоль берега не имело смысла, ибо каждому было ясно, что далеко эта маленькая давала не уедет.

Но вот катер, натягивая трос в тугую струну, тронул с места, и девчонка поехала и не упала! И это в первый раз в жизни встав на водные лыжи! То, что прежде она занималась акробатикой, в расчет не принималось — на сушке и они умели кувыркаться, и неплохо. И если бы в тот вечер в апогее переполоха на тихом полесском берегу нашелся

кто-нибудь, кто сказал бы минским мальчишкам, что они видели сейчас первую попытку будущей чемпионки Европы, те бы уже не удивились — ведь именно так, по их мнению, и должны начинать чемпионы.

После такого триумфа Марину от воды было уже не оторвать. Акробатика, впрочем, тоже не подверглась забвению и служила отличным подспорьем в специальной подготовке. Тренер воднолыжного клуба «Олимпия» Виктор Новожилов получил ученицу, обладавшую отчаянной смелостью, прекрасной координацией, склонностью к самым невероятным импровизациям.

На первом своем европейском первенстве в Швеции завоевала «бронзу». И очень расстроилась — считала, что победили ее не более умелые, а просто более удачливые в тот день. А годом позже, сидя на влажном каменном берегу Темзы, размышляла уже о том, что же умеет сама. Учиться? Пожалуй — и школу, и Минский институт физкультуры успешно окончила. Фотографировать?

Из слайдов, что она в поездках снимает, у них в клубе целые видеовыпуски составлены, и смотреть их очень интересно, особенно когда Марина еще и комментирует. Отдыхать? Вот этому как-то не научилась — все тренировки, экзамены, соревнования...

Она раздумывала, а соперницы тем временем падали одна за другой. Немудрено — ветер с такой силой задувал, что организаторам первенства континента пришлось два катера пускать друг за другом — один волны глушил, другой тянул воднолыжника. Только и эти меры мало помогали, редко кто в воде, уже без буксира, не оказывался. Марина подумывала даже о том, чтобы самые сложные фигуры из своей программы исключить. Но тут же и одернула себя: себе изменять — не в ее правилах!

Первый катер тронул, второй, она поехала, и... Ну конечно, где это вы видели, чтобы падали чемпионки Европы?!

Галина СЕРЕГИНА

МАРИНА АМЕЛЬЯНЧИК

Фото Владимира Амелина